ПРИНЦЕССА АДА

TRUE CRIME TRUE CRIME TRUE CRIME

ИСТОРИЯ ЛЕДИ СИНЕЙ БОРОДЫ

ГАРОЛЬД ШЕХТЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

С 1902 по 1908 год в различных штатах США бесследно исчезали мужчины: состоятельные холостяки, простые рабочие… А в 1908 году их тела были найдены на ферме благоприличной вдовы Белль Ганнесс – в выгребной яме, разрубленными на части… Кем же была она – самая жестокая женщина-убийца в истории США? Какая судьба постигла в действительности ее детей, официально считавшихся погибшими при пожаре? Как удалось ей расправиться более чем с двумя десятками сильных и крепких мужчин? И зачем она убивала – только ли с целью наживы? В этой книге Гарольд Шехтер раскрывает тайны одной из самых зловещих фигур в пантеоне серийных убийц, день за днем и час за часом восстанавливая хронологию событий на «ферме смерти»…

- Гарольд Шехтер
  -
  - Пролог
  - Часть 1
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - Часть 2
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22

        - Глава 23
        - Глава 24
        - Глава 25
        - Глава 26
    - Часть 3
        - Глава 27
        - Глава 28
        - Глава 29
        - Глава 30
        - Глава 31
        - Глава 32
        - Глава 33
        - Глава 34
        - Глава 35
        - Глава 36
        - Глава 37
        - Глава 38
        - Глава 39
    - Заключение
        - Глава 40
        - Глава 41
        - Глава 42
        - Глава 43
    - Библиография
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9

Гарольд Шехтер
Принцесса ада

Кристофу Келлеру

Белль Ганнесс, дама хоть куда,
На ферме проживала.
За центнер весила – да-да,
Что, в общем-то, немало.
Любого мужика сильней,
Не прячась от соседей,
Рубила запросто свиней
Ла-портовская леди.
Побочным промысел был тот.
Раскрыт секрет один:
Любила дамочка – вот-вот —
Разделывать мужчин.

Анонимный автор. Баллада о Белль Ганнесс

Серия «True crime»
Harold Schechter
HELL'S PRINCESS

Перевод с английского *Е. Рубиной*

Печатается с разрешения литературных агентств Stuart Krichevsky Literary Agency, Inc., и Andrew Nurnberg.

© Harold Schechter, 2018
© Перевод. Е. Рубина, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Пролог
У запретной двери синей бороды

Каждый ребенок знает, что мир сказок – ужасная страна, населенная пугающими чудищами: тут и кривозубая ведьма, что жаждет отведать пухленьких ребятишек, и кровожадный великан, готовый зажарить на вертеле любого прохожего, и сладкоречивый волк, любитель полакомиться маленькими девочками. Но из всех страшных сказок ни одна не напоминает столь сильно современные фильмы ужасов, как «Синяя Борода».

Хотя ученые обнаружили по всему миру множество вариаций этой сказки, в нашей культуре наиболее известна та, которую в 1697 году опубликовал французский автор Шарль Перро в своих уже ставших классикой «Сказках матушки Гусыни». По-видимому, прототипом Синей Бороды для Перро послужил печально известный садист пятнадцатого столетия – Жиль де Ре, маршал в ополчении Жанны д'Арк. Впоследствии его обвинили в истязаниях и убийствах нескольких десятков крестьянских детей. Синяя Борода из сказки Перро – это серийный убийца знатного происхождения. Он живет в мрачном замке, где в секретной комнате хранит разрубленные на части тела своих опасно любопытных невест. Каждую новую жену он испытывает на послушание, оставляя в одиночестве со связкой ключей и предупреждением ни в коем случае не входить в таинственную комнату. Но соблазн слишком велик, и, только муж за порог, женщина, забыв про наставления, дрожащей рукой отпирает запретную дверь. Или, как пишет Перро, «ouvrit en tremblant la porte»[1].

Незадолго до того как Перро написал свою душераздирающую сказку об ужасах, таящихся за дверью Синей Бороды, его соотечественник – известный путешественник Рене-Робер Кавелье де Ла Саль – предпринял экспедицию в район Великих озер. Проходя по земле современной Индианы, принадлежавшей тогда племени потаватоми, Ла Саль и его люди по старой индейской тропе пересекли густой лиственный лес и вышли на поросшую высокой травой равнину. Известному путешественнику и пришедшим вслед за ним торговцам пушниной этот выход из леса был известен как «дверь», по-французски – la porte[2]. Следующие полтора столетия в этих местах белые не селились. Один историк, живший в то время, писал: «На живописном Западе не было места прекраснее, чем эта

область, но она целиком принадлежала краснокожим. Они носились по прериям, жили в рощах, полагались на удачную охоту и рыбу, что в изобилии водилась в этих сверкающих озерах»[3].

Только в 1829 году в тех краях появились первые белые поселенцы – вдова Мириам Бенедикт с семью взрослыми детьми и зятем, Хенли Клайберном, а уже через три года там проживало больше сотни семей. В апреле 1832 года на этой территории в 462 квадратные мили был официально образован округ Ла-Порт. Во время голосования по названию один старый законодатель потребовал прояснить значение «иноземного наименования». Когда старику сказали, что по-французски оно означает «дверь», он возмутился и предложил заменить «высокопарное» иностранное слово на что-то более подходящее и американское. К счастью, по свидетельству одного хроникера, «его совету не последовали, и округ, вместо общеизвестных – Дорбург или Гейтсвилл, получил красивое имя «Ла-Порт»[4].

В поисках места для центра округа несколько предприимчивых поселенцев остановили свой выбор на земельном участке (450 акров), обрамленном «цепочкой маленьких озер, подобных сверкающим драгоценным камням»[5]. Там построили суд, тюрьму и открыли государственную земельную контору. Новый административный центр тоже получил название Ла-Порт. Из деревушки с деревянными домами он за несколько лет превратился в богатое поселение, где «есть все необходимое для жизни и общественного процветания»: церкви и школы, таверны и гостиницы, торговцы и механики, доктора и юристы. В городке выходило две газеты, одна поддерживала партию вигов, а вторая – демократическую[6].

В 1852 году население Ла-Порта достигло пяти тысяч человек, и статус города повысился. По свидетельствам очевидцев, в последующие десятилетия построили водозаборную станцию, установили уличное освещение, появилась телефонная связь. Занялись благоустройством города: замостили дороги, проложили тротуары, снесли старые деревянные строения, а на их месте возвели добротные кирпичные дома. Кроме нескольких больших аптек и промтоварных магазинов, в Ла-Порте было двадцать пять продовольственных лавок, шесть продуктовых складов, шесть продавцов мебели, четыре булочных, десять мясных лавок, а еще шесть обувных мастерских, двадцать шесть табачных лавок, четыре продавца швейных машин, девять модисток и портных, два книжных магазина, девять гостиниц; двадцать четыре питейных заведения, шесть бильярдных, шесть парикмахерских, семь конюшен, две кожевенные мастерские и

три похоронные конторы[7]. Вдоль улиц росло множество деревьев, за что Ла-Порт прозвали «Кленовым городом». Все это вместе с «замечательным зданием суда, великолепной мэрией, окружающими просторами и прекрасным железнодорожным сообщением» делало его «подходящей столицей для одного из лучших округов страны»[8].

Но город славился не только современными удобствами. Жители Ла-Порта гордились достижениями своих знаменитых земляков. Среди них был Джейкоб Дж. Манн, который еще до появления молотилки Маккормика изобрел зерноуборочную машину, и доктор Ф. Т. Ренч, придумавший складную зубную щетку, и создатель маслобойки на собачьей тяге – Антипас Дж. Боуэлл, и доктор С. Б. Коллинз, открывший «Безболезненное противоядие для курильщиков опиума». Нельзя не вспомнить местных поэтов Бенджамина Ф. Тэйлора и миссис Клару Дж. Армстронг – местных литераторов, авторов поэтических сочинений «Картины былого и другие стихотворения» и «Ла-Порт в июне», соответственно[9]. Позднее в городе работали еще более известные личности: Зерна Шарп, соавтор американского школьного учебника чтения под названием «Дик и Джейн», Фредерик Меннен, благодаря которому появился полуфабрикат для попкорна «Джиффи поп», а также запатентованный метод диагностики гонореи. Прославленный производитель ортопедической обуви Уильям Матиас Шолль, певица Дороти Клэр – солистка оркестров Гленна Миллера и Томми Дорси, исполнявшая в 1948 году главную роль в успешном бродвейском мюзикле «Радуга Финиана», – тоже были родом из Ла-Порта. Многим знакомо имя и творчество поэта Брюстера Мартина Хигли, стихотворение которого «Мой дом на Западе» было положено на музыку и стало известной американской песней «Home on the Range»[10].

Но даже самые пылкие почитатели Ла-Порта не могли не признать, что наряду со знаменитостями в городе водились и «свои» преступники. В начале 1836 года был убит и ограблен житель округа, некто Пелтон. Преступление совершил его знакомый, Стейвз, который и похитил «изрядную сумму денег». Его задержали, судили и отправили на виселицу. Двумя годами позже, в феврале 1838-го, был застрелен и ограблен девятнадцатилетний уроженец Ла-Порта Джошуа М. Коплин. Незадолго до описываемых событий он вернулся из Виргинии, где получил старый долг. Убийцей, похитившим у Коплина шестьсот долларов в золотых и серебряных монетах, оказался его попутчик по имени Дэвид Скотт. Спустя несколько месяцев его тоже повесили под одобрительные крики толпы[11].

В декабре 1841-го хозяин таверны Чарльз Эгберт, «разозлившись» на Джеймса Смита, открывшего неподалеку свое заведение, «забиравшее всех клиентов мистера Эгберта себе», купил кинжал, явился в бар конкурента и зарезал его. Убийцу арестовали, но постановили выпустить под залог в пять тысяч долларов. Эгберт умудрился достать деньги для залога, а потом сбежал в Техас, тогда еще принадлежавший Мексике. Позже стало известно, что убийца Смита сменил веру и стал «главой группы прихожан в методистской общине»[12].

Но «самое громкое убийство» было совершено в 1862 году. После обнаружения трупа немецкого эмигранта Фреда Миллера подозрение пало на его жену. Друзья Миллера, желая «заставить ее сознаться», затянули на шее женщины привязанную к дереву веревку, и тогда миссис Миллер прохрипела, что мужа убил Джон Постон. Произошло это якобы «в ее присутствии, и он обещал жениться, если она его не выдаст». Постона арестовали и бросили в тюрьму. Правда, так как обвинения против него получили под пыткой, судья «был вынужден его оправдать»[13].

Тремя годами позже еще один немецкий фермер, Джон Лом, возвращаясь вечером домой после обмолота кукурузы, столкнулся с двумя незнакомцами – Джеймсом Вудсом и Уильямом Фултоном. Оба неплохо провели время в местном салуне и были «в особенно опасном для их жертв состоянии, когда от виски кровь закипает в жилах». Пьяные затеяли с Ломом ссору, преградили дорогу его повозке, а когда тот попытался проехать, Вудс выхватил револьвер и смертельно ранил безоружного фермера. Обвиненный в убийстве с отягчающими обстоятельствами, Вудс получил «пожизненное заключение», а Фултона признали виновным в непредумышленном убийстве и приговорили к тринадцати годам тюрьмы[14].

В последние недели 1902 года жители округа были возмущены ужасным преступлением в городке Уэствилл. Жертвой оказался шестнадцатилетний Уэсли Рейнольдс, «надежный и честный конторский служащий» местного отделения государственного банка. Молодой человек также по совместительству исполнял обязанности охранника – «ночевал в конторе с тремя револьверами под рукой». Ранним воскресным утром, 30 ноября, он проснулся от шума: кто-то швырнул в окно банка пивной бочонок. Вскочив на ноги и зажав по револьверу в каждой руке, юноша встретил двух вооруженных до зубов грабителей. Рейнольдс открыл огонь, но в неравной борьбе сам получил три пули. Одна прошла через подбородок и застряла в основании мозга, другая, ранив юношу в шею, вышла насквозь между лопатками. Третья, попав прямо в сердце, привела к

мгновенной смерти. Опустошив банк, головорезы – одного из них ранил «героический юноша», как называли его газеты по всей стране, – украли на ближайшем дворе двухместный экипаж и скрылись.

На похоронах Рейнольдса, состоявшихся 3 декабря, присутствовали все жители Уэствилла. Под патронажем сенатора Чарльза Е. Геррольда был организован сбор средств на сооружение памятника погибшему. За поимку убийц пообещали большую награду, за дело взялись детективы агентства Пинкертона, но, несмотря на все усилия, грабителей так и не нашли[15].

Через две недели после того, как убитому были отданы последние почести, газета «Форт-Уэйн дейли ньюс» сообщала о внезапной эпидемии преступлений, «захлестнувшей округ Ла-Порт». Кроме убийства Рейнольдса, в статье упоминалось ограбление «черными разбойниками» двух местных юношей, попытка отравления мышьяком одной жительницы Ла-Порта, а также гибель Альберта Бейдера, который, «спасаясь от ареста за проникновение» в чей-то плавучий дом на озере, попал под поезд.

Эта публикация заставила вспомнить о смерти местного фермера. Она произошла при столь ужасных обстоятельствах, что прибывшие на место городские власти заподозрили преступление, но потом случившееся признали несчастным случаем[16]. Прошло еще шесть лет, прежде чем подозрения властей удалось подтвердить. Предположительно случайная смерть норвежского эмигранта Питера Ганнесса была признана делом рук самого страшного убийцы в истории штата Индиана или, возможно, даже в истории всей страны. В поисках сравнений журналисты упоминали не только людоеда из сказки Шарля Перро, но и возможного прототипа Синей Бороды – Жиля де Ре [17]. Однако, в отличие от них, в данном случае речь шла о серийном убийце со Среднего Запада и, самое страшное, – о женщине. Как городок Фолл-Ривер в Массачусетсе или Плейнфилд в Висконсине, где жили известные преступники Лиззи Борден и Эд Гин, Ла-Порт превратился в мрачное место притяжения. И, к сожалению, не интерес к знаменитым уроженцам города – Уильяму Матиасу Шоллю или Брюстеру Мартину Хигли – привлекает туристов. Путешественников манит место неизъяснимого ужаса – отвратительная «ферма смерти» госпожи Ганнесс, прозванной Леди Синяя Борода.

Часть 1
Белла

Глава 1
Дочь поля

Чикаго, пострадавший от Великого пожара 1871 года, через несколько лет ожил, фениксом из известняка, камня и гранита восстал из пепла. К началу 1880-х годов, уже через десятилетие после катастрофы, словно «драгоценный камень среди прерий», засиял «самый американский из всех американских городов» – просторный, многолюдный «притягательный мегаполис», куда стремилось множество молодых людей и девушек из захолустных городков, деревень и ферм всего Среднего Запада[1].

Наряду с «искателями лучшей жизни» из провинции[2] в возрожденный Чикаго хлынули потоки иммигрантов – немцев и поляков, ирландцев и шотландцев, итальянцев и евреев. По данным одного известного историка, к 1890 году около 80 процентов населения составляли «выходцы из цивилизованных стран всего мира»[3].

Значительная доля переселенцев-иностранцев прибыла из Норвегии. Они одними из первых основали колонию в этой местности. Чикаго тогда представлял собой лишь кучку бревенчатых домов на болотистых берегах озера Мичиган, где зловонная грязь просачивалась сквозь деревянные настилы тротуаров, а в трясине немощеных дорог на несколько дней застревали утонувшие по ступицу повозки[4]. В 1850 году в Чикаго проживало 562 выходца из Норвегии. После немцев и ирландцев они были третьей по величине группой иммигрантов. Десять лет спустя количество норвежцев возросло втрое, а к 1870 году превысило восемь тысяч человек[5].

Подобно другим скандинавским переселенцам, норвежцы слыли скромными, трудолюбивыми и честными людьми, укреплявшими нравственность в городском сообществе. Один автор в те дни писал в газетной передовице: «Это наши самые лучшие сограждане, и мы от всей души приветствуем их на земле “свободы, равенства и братства”»[6]. О природной честности и добросовестности норвежских переселенцев свидетельствовало также повествование о маленьком Кнуде Айверсоне, пересказанное историком А. Т. Андреасом, жившим на рубеже веков. Во вторник, 3 августа 1856 года, десятилетний Кнуд шел к реке купаться. По дороге его остановила группа подростков. Они пытались заставить мальчика забраться в сад некоего Элстона и «добыть фрукты для старших». Когда же Кнуд воспротивился, сказав, что «красть нехорошо», хулиганы утопили его в реке. Об

этом происшествии сообщили газеты по всей стране, и трагедия побудила знаменитого Ф. Т. Барнума внести двести долларов на строительство памятника «бессмертному ребенку». В присущей ему манере шоумен заявил, что необходимо воздвигнуть «вечный мемориал», который «превратится в Мекку, куда со всех концов великого континента потянутся паломники со своими отпрысками. Так потрясенные жестоким убийством маленького мученика дети усвоят, что “лучше умереть, чем украсть!”»[7].

Норвежцы могли гордиться и другими членами своего этнического сообщества, людьми чрезвычайно предприимчивыми и честолюбивыми, которые, казалось, представляли живое воплощение американской мечты. Одним из самых знаменитых был Ивер Лоусон. Вкладывая каждый заработанный грош в участки пустующей городской земли, он прошел путь от поденного работника до миллионера, сделал блестящую политическую карьеру, став членом городского совета и законодательного собрания штата. А главное, что импонировало его согражданам, помог организовать первую норвежскую евангелическо-лютеранскую церковь и Общество помощи скандинавским мигрантам[8]. Другим примером человека, добившегося успеха собственным трудом, был Кристиан Эвне. Он приехал в Соединенные Штаты в двадцать пять лет, днем работал в магазине, а по вечерам ходил в школу, где изучал английский и бухгалтерию. С трудом накопив двести долларов, Кристиан открыл собственное дело и превратил его в «самый большой магазин оптовой и розничной торговли продовольствием в Чикаго», импортируя «чай из Китая и Цейлона, вина из Европы. Кофе в магазин поставляли Суматра и Аравия». Из Норвегии, Швеции и Дании Эвне завозил сыры, рыбу, консервы и можжевеловую водку[9]. Стоит упомянуть также Джона Андерсона, прибывшего в Новый Свет в возрасте девяти лет. Он начал зарабатывать на жизнь разносчиком газет, а со временем вместе с Ивером Лоусоном основал в США самую популярную и влиятельную газету на норвежском языке – «Скандинавен». Это издание играло столь важную роль в жизни американцев норвежского происхождения, что король Оскар II посвятил одного из его издателей – Лоусона – в рыцари[10].

Успешно вписываясь в новую американскую жизнь, члены чикагской норвежской общины чтили свое этническое наследие. 17 мая они всегда отмечали День независимости Норвегии. На улицах Чикаго широко праздновалось тысячелетие объединения норвежских земель королем викингов Харальдом Прекрасноволосым, а в июле 1875 года тысячи людей приняли участие в концерте на открытом воздухе по случаю

пятидесятилетия прибытия парусника «Ресторейшен» – так называемого норвежского «Мэйфлауэра», – доставившего в Соединенные Штаты первых иммигрантов из скандинавского порта Ставенгер. Одним из ярких событий Всемирной выставки 1893 года в Чикаго, посвященной четырехсотлетию открытия Нового Света, было появление копии драккара «Викинг» – корабля, на котором когда-то совершил свое историческое плавание Лейф Эрикссон. Под предводительством капитана Магнуса Андерсена бесстрашная команда воссозданного «Викинга» пересекла Атлантику, наполнив гордостью сердца норвежцев по всей Америке [11].

В год проведения Всемирной выставки быстрорастущее норвежское население Чикаго перевалило за двадцать тысяч и стало «третьим по численности в мире после Осло и Бергена». Самые богатые – доктора, юристы, бизнесмены, банкиры – селились в окрестностях Уикер-Парк такой тесной этнической группой, что между собой они называли этот район «Хомансбен» – в честь одного из самых дорогих жилых кварталов Осло[12]. Менее влиятельные норвежцы – механики, владельцы лавок, квалифицированные рабочие, ремесленники – жили вблизи Гумбольдт-парк и Логан-сквер[13]. Преступления в этих районах случались очень редко. Официальные отчеты чикагского департамента полиции показывают, что между 1880 и 1890 годами только 1 процент арестов приходился на долю норвежского населения. При этом причины задержаний – пьянство или нарушение общественного порядка – были малозначительны. Как пишет один историк, такая «безупречная статистика» является блестящим доказательством самой впечатляющей особенности норвежцев – их «приверженности закону и порядку»[14].

В 1881 году большая, не спадавшая до конца десятилетия волна миграции из Норвегии вынесла на американский берег более двадцати тысяч переселенцев. Среди них была и двадцатидвухлетняя женщина из местечка Сельбу, расположенного в окрестностях Тронхейма. На самой известной ее фотографии мы видим мрачную пожилую женщину, смотрящую в объектив злобным взглядом. Справедливости ради надо признать, что снимок относится к более позднему времени, когда она уже обосновалась в Америке и достигла среднего возраста. Но даже в двадцать лет, как свидетельствует более раннее фото, она – с большой головой, маленькими глазками, широким носом и толстогубым ртом, что сразу же напоминал лягушачий, стоило ей нахмуриться или заскучать – была очень некрасивой. При крещении она получила имя Брунгильда

Польсдаттер – Брунгильда, дочь Поля. По обычаю, к имени добавлялось название фермы, на которой жила и работала семья, так что по-норвежски полное имя звучало как Брунгильда Польсдаттер Сторшетт. О ее молодости – что неудивительно – почти ничего не известно. Кроме нескольких официальных документов – церковных записей, переписных листов и т. п., с трудом добытых более поздними историками, сведений о Брунгильде Польсдаттер практически нет. Родилась 11 ноября 1859 года, выросла в Ингбья, в одной из нескольких деревушек района Сельбу. Отец – уроженец этих мест Поль Педерсен Сторшетт – был одним из самых бедных членов общины. Он арендовал на ферме небольшой участок земли, где держал несколько коров, овец, коз и выращивал ячмень, овес и картошку, которых едва хватало, чтобы спасти от голода жену Берит и семерых детей[15]. Зимой, чтобы как-то свести концы с концами, Поль работал каменщиком. И все равно его положение временами было таким бедственным, что, по крайней мере, однажды он был вынужден обратиться за помощью, и ему выдали десять крон из городской казны[16].

Как и у других крестьянских детей, у Брунгильды с ранних лет было много работы по дому. Она доила коров и коз, сбивала масло, носила воду, присматривала за животными. Следила, чтобы они не убегали, или, что еще хуже, не подвергались нападению ужасного духа гор, который, уменьшив корову до размера мыши, мог утащить скотину в таинственное подземное царство[17]. У семьи не было денег на покупку дров для очага, и Брунгильду каждый день посылали собирать хворост, который обычно использовался только для растопки. По-норвежски хворост это Snurkvist, поэтому среди не слишком милосердных соседей девочка получила прозвище Snurkvistpåla, что в целом переводится как «хворостина, дочь Поля»[18].

В июне 1874 года в возрасте четырнадцати лет она прошла конфирмацию в евангелическо-лютеранской церкви. Духовный наставник Брунгильды – пастор Агатон Ханстен характеризовал ее как «прилежную ученицу, достигшую такого успеха в религиозном образовании», который «оказался по силам только половине девочек». В том же году девушка нанялась дояркой к соседу по имени Родде, который описывал ее как «работящую и добропорядочную во всех отношениях»[19].

После целого дня работы в поле она часто, сидя у очага, вязала варежки, шапки и другие вещи с традиционным «звездчатым» жаккардовым рисунком, которым славился район Сельбу. В такие вечера кто-нибудь из членов семьи развлекал домочадцев волшебными сказками о находчивых крестьянских

парнях, бравших в жены капризных принцесс; о троллях-гигантах с неутолимой жаждой человеческой плоти и крови; о хульдрах – зловещих сиреноподобных красавицах с длинными коровьими хвостами. Эти мифические создания завлекали мужчин и не отпускали их до самой смерти[20].

Но не все соседи придерживались о Брунгильде такого же высокого мнения, как ее работодатель и пастор. Местная газета «Сельбыгген» писала: «Здесь, в Сельбу, многим она запомнилась как неприятная, капризная и очень злая. Разговаривала она мало, но всегда была готова на грязную уловку и с самого детства слыла обманщицей. Когда девочка выросла, земляки ее тоже не уважали и причисляли к отбросам общества»[21].

Рассказывали, что в семнадцать девушка забеременела от сына одного богатого землевладельца, который не собирался жениться. Он завлек ее в уединенное место и жестоко избил, после чего у нее случился выкидыш. Согласно отчету, ее обидчик вскоре умер от желудочно-кишечного заболевания, симптомы которого подозрительно напоминали отравление мышьяком[22].

Однако существует достаточно оснований, чтобы сомневаться в правдивости данной истории, так как никаких документальных доказательств не существует. Отрицательные характеристики соседей не внушают доверия, так как были даны Брунгильде через много лет после ее отъезда и, без сомнения, окрашены последующими событиями. К тому моменту, как появилась передовица в газете «Сельбыгген», юная молочница из Сельбу превратилась в злое нечто, подобное сказочной хульдре, «в женщину», как сказал один историк, «чья жестокость приравнивала ее к мифическим существам норвежского фольклора»[23].

Глава 2
Прибытие в Америку

Норвежские эмигранты, перебравшиеся в Новый Свет в последние десятилетия девятнадцатого века, оставили многочисленные воспоминания о трудном пути в Америку. Для многих, как и для Брунгильды Польсдаттер Сторшетт, он начался в Тронхейме, откуда переселенцы добирались до английского портового города Халл, где грузились на пароход «Тассо». Во время четырехдневного плавания по Северному морю большинство пассажиров ютилось в трюме. В тесноте, не снимая одежды, они сидели или лежали на узких деревянных полках, служивших койками. Даже в хорошую погоду судно готово было перевернуться на волнах, и, как свидетельствует множество писем и газетных публикаций, не только обычные пассажиры, но и бывалые путешественники страдали от морской болезни и смрадного запаха рвоты.

Тем, кто мог в этих условиях думать о еде, в течение трех дней предлагалось питание. Хотя рекламные брошюры расхваливали меню, но рассказ одного из пассажиров свидетельствовал о другом:

> На завтрак каждый день давали сладкий чай без молока и сухое печенье. На ужин тоже. Было еще масло, но совсем прогорклое. На обед готовили мясной суп, но он был безвкусным, а мясо – соленым, как селедка. Однажды дали соленую рыбу с каплей супа, но все такое несъедобное, что многие просто выбросили свои порции в море.

Гальюны на верхней палубе были особенно ужасны: «маленькие, тесные, темные и без воды», как писал один очевидец, «мужские и женские кабины располагались рядом, двери не защищали от непогоды. В целом более зловонного и неприятного места невозможно даже представить»[1].

На пристани в Халле эмигрантов распределяли по пансионам, где, получив скудный обед – суп и хлеб с маслом, путешественники ждали багаж. Потом их отправляли на станцию Северо-восточной железнодорожной компании, сажали на поезд до Ливерпуля, откуда эмигранты отплывали в Америку.

В конце 1880-х годов пересечение Атлантики для пассажиров третьего класса значительно облегчилось. В рекламе новых пароходов межпалубное пространство описывалось «как высокое,

светлое и просторное», с «отдельными каютами для семейных путешественников, а также для неженатых мужчин и незамужних женщин»; «специально нанятая команда» поддерживает там «чистоту и порядок», а «стюарды обслуживают пассажиров», предлагая «свежую, разнообразную и прекрасно приготовленную пищу». На самом же деле все выглядело несколько иначе. Не слишком аппетитная еда (один пассажир вспоминал, что предложенный ему кусок свинины, по-видимому, «однажды уже пересек Атлантику»), отвратительные туалеты и мерзкие палубы, несмотря на предполагаемое внимание команды уборщиков, все в жутком месиве из-за повальной морской болезни. И все-таки простое сокращение времени в пути делало пересечение Атлантики не таким трудным делом, как раньше. Если некоторые парусные суда – шлюпы, шхуны, бриги, барки и клиперы – плыли иногда больше двух месяцев, новые пассажирские корабли – «Тингвала», «Гекла» и «Гейзер» могли пересечь океан меньше чем за десять дней[2].

Большинство пароходов причаливали в Квебеке, Бостоне и Нью-Йорке, откуда на лодках, повозках или по железной дороге норвежские переселенцы добирались до Миннесоты, Иллинойса, Висконсина и Дакоты. Большинство иммигрантов селились на земле, в небольших фермерских общинах, другие выбирали этнические анклавы в городах – Сиэтле, Миннеаполисе или, как в случае Брунгильды Сторшетт, – Чикаго.

За несколько лет до описываемых событий перебралась в Америку Олина Сторшетт, которая была на десять лет старше Брунгильды. Обосновавшись в Чикаго, Олина познакомилась с Джоном Ларсоном и вышла за него замуж. Именно Нелли – так теперь называла себя миссис Ларсон – пригласила сестру к себе и оплатила ее переезд в Новый Свет. Поселившись у Ларсонов, Брунгильда по примеру Олины и множества других иммигрантов взяла американское имя: Белла Петерсон[3].

Когда Белла вступила в новую жизнь, большинство незамужних скандинавских женщин, живущих в Чикаго, стремились найти работу по дому, а не на фабрике. Один известный историк писал: «В 1880 году три четверти работающих норвежских женщин нанимались служанками, экономками или прачками»[4]. Белла Петерсон тоже стирала, шила, убирала за мизерную плату, а весь заработок отдавала Ларсонам за стол и кров.

Для бывшей деревенской девушки в этой работе не было ничего нового. Белла и раньше, в полном лишений детстве, выполняла те же обязанности. Но не для того она прибыла в Америку, чтобы батрачить всю оставшуюся жизнь. Вокруг было

много богатых людей, и стоило только прогуляться по торговым улицам Чикаго времен «позолоченного века», чтобы оказаться в мире дорогих и красивых вещей, выставленных на продажу. В классическом романе Теодора Драйзера «Сестра Керри» автор тоже описывает молодую провинциалку, попавшую в Чикаго. Когда его героиня бродила по одному из великолепных «дворцов потребления» – магазину в центре города, она испытала сильнейшее чувство зависти:

> Керри медленно шла по заполненным покупателями проходам, пораженная необыкновенной выставкой безделушек, драгоценностей, одежды, письменных принадлежностей. Каждый новый прилавок открывал перед нею ослепительное и заманчивое зрелище. Как ни трудно ей было устоять против манящей силы каждой безделушки и каждой драгоценности, все же она не позволила себе задержаться нигде. Все здесь было нужно ей, все ей хотелось иметь. Очаровательные туфельки, чулки, изящные плиссированные юбки, кружева, ленты, гребенки, кошелечки – каждый предмет внушал желание обладать им, и Керри с особой остротой сознавала, что ни один из них ей не по средствам[5][1].

Желание, подобное тому, что снедало Керри Мибер, с непреодолимой силой охватило и Беллу Петерсон. Познав лишения в юности, она стремилась стать богатой. «Моя сестра помешалась на деньгах, – свидетельствовала позже Нелли Ларсон, – ради них она была готова на все»[6]. Белла не делала тайны из мотивов и причин своего замужества. По словам Нелли, ее младшую сестру «никогда не интересовал мужчина сам по себе, только богатство и роскошь, которую он мог ей предоставить». Много лет спустя, вспоминая о первом муже – любящем мужчине и добром отце, Белла говорила, что вышла за него, так как он обеспечил ей жизнь в «хорошем доме»[7].

Его звали Мэдс Дитлев Энтон Соренсон. На единственной сохранившейся фотографии мы видим крепко сбитого лысеющего мужчину. Лицо с ярко выраженными нордическими чертами украшают закрученные по моде тех дней усы. Он был на пять лет старше Беллы и, в числе других восьмисот служащих, работал ночным сторожем в универсальном магазине «Мандел бразерс» на углу Стейт и Мэдисон-стрит[8].

Бракосочетание состоялось в марте 1884-го в евангелическо-лютеранской церкви «Вифания» на углу Гранд-авеню и Карпентер-стрит. Вел церемонию преподобный Джон Торгерсен – авторитетная фигура среди норвежского населения. Ко дню своей

смерти в 1905 году он провел более пятнадцати тысяч свадебных обрядов, за что получил прозвище Помощник Купидона[9]. На свадебной фотографии в гордой позе – двадцатичетырехлетняя Белла. Положив левую руку поверх правой, она выставила напоказ массивное обручальное кольцо. На новобрачной нарядное черное платье из «тафты или шелкового муслина, с кружевными оборками и тремя нитками жемчуга вокруг шеи»[10].

История не сохранила никаких сведений о первом десятилетии семейной жизни Соренсонов. И все-таки из нескольких документально подтвержденных фактов можно сделать кое-какие выводы.

По мнению большинства, у Беллы был сильный материнский инстинкт. «Она очень любила детей, – вспоминала Нелли. – О ее доброте знали почти в каждой норвежской воскресной школе Чикаго». Госпожу Соренсон особенно трогало бедственное положение сирот и брошенных детей. Она часто бывала на детских пикниках в Гумбольдт-парке, где обычно забиралась на сцену и предлагала позаботиться о тех, «кому нужна крыша над головой»[11].

На самом деле это страстное желание заботиться о ребенке привело Беллу к разрыву с сестрой. Первые пять лет брака у Соренсонов не было детей, и все материнские чувства Белла изливала на четырехлетнюю племянницу Ольгу – младшую дочь Нелли. Позже она рассказала: «Ольга была необыкновенно хорошенькой девочкой, и моя сестра требовала, чтобы я отдала ей ребенка на воспитание». Хотя девочке разрешили погостить у тетки довольно долго – до шести недель, вполне понятно, что миссис Ларсон отказалась отдать свою дочь сестре, и с того дня Белла с ней «практически не разговаривала»[12].

В 1891 году Белла Соренсон осуществила свою мечту и взяла на воспитание девочку по имени Дженни. Белла и Мэдс поддерживали дружеские отношения с жившей по соседству супружеской парой Олсонов. Энтон Олсон – отец малышки – позже объяснил, как это случилось: «Когда Дженни было восемь месяцев, ее мать смертельно заболела. Миссис Соренсон умоляла умирающую женщину завещать ребенка ей. Моя жена сама передала малышку на руки Белле и взяла с нее клятву, что та будет заботиться о младенце, оберегать и растить как своего родного ребенка. Белла обещала, сказав, что эта клятва для нее священна. Вскоре моя жена умерла. После того как Белла забрала девочку, я часто с ней виделся. Белла приводила Дженни ко мне, она всегда была нарядно одета и выглядела счастливой»[13].

Несколько лет спустя, когда Олсон опять женился, он попытался вернуть себе право на опеку, но миссис Соренсон

выиграла дело в суде, и ребенок остался с ней[14].

Хотя Мэдс никогда не зарабатывал больше пятнадцати долларов в неделю (по современным меркам это примерно 450 долларов), к 1894 году Соренсонам как-то удалось накопить денег и купить небольшой кондитерский магазин в двухэтажном деревянном доме на углу Гранд-авеню и Эдвард-стрит. В лавке, занимавшей первый этаж, наряду с популярными сладостями продавали, как видно из газетной фотографии, сигары и табак, газеты и журналы, письменные принадлежности и продукты первой необходимости[15]. Несмотря на удачное расположение, магазин прибыли не приносил, и Белла с нарастающим ужасом видела, как таяли с трудом накопленные деньги.

Меньше чем через год после покупки лавка Соренсонов сгорела. Когда вспыхнул огонь, в магазине была только Белла и ее трехлетняя дочь Дженни. По сообщению «Чикаго трибюн», о пожаре стало известно от миссис Соренсон. Она выбежала с ребенком на улицу с криком «Горим!»[16]. Когда огонь удалось потушить, выяснилось, что интерьер был полностью уничтожен. Хотя Белла уверяла, что взорвалась «маленькая керосиновая лампа», представители страховой компании, тщательно изучая пожарище, не обнаружили никаких «осколков стекла или других частей сломанной лампы». Невзирая на подозрение в поджоге, страховая компания выплатила Соренсонам все причитающиеся деньги. Вскоре Белла и Мэдс отказались от лавки, продав ее брату прежнего владельца[17].

Получив страховку, чета Соренсон переехала в Остин – благополучный район города, где селились «синие воротнички». На Альма-стрит пара купила трехэтажный дом с видом на залив[18]. В следующие два года – между 1896 и 1898 годами – у них появилось еще четверо детей: Каролина, Миртл, Аксель и Люси[19]. По сей день не установлено, удалось ли Белле, которой было далеко за тридцать, самой родить в столь короткий срок, или, что более вероятно, она усыновила сирот или брошенных детей (возможно, как показало расследование, ради денег)[20]. Одно не подлежит сомнению: Каролина и Аксель умерли вскоре после рождения, в пять и в три месяца соответственно. В то время младенческая смертность в США была очень высока – умирало примерно сто детей на тысячу новорожденных. Поэтому внезапная смерть двух младенцев, естественно, от энтероколита (острого воспаления кишечника) и гидроцефалии (водянки головного мозга) не вызвала никаких подозрений[21].

Мэдс, работая на Северо-западной железной дороге Чикаго,

приносил домой по двенадцать долларов в неделю, когда перед Соренсонами открылась новая блестящая перспектива.

Вечером 1 октября 1897 года, в пятницу, они посетили дом Ангуса Ральстона. Он представился агентом и главным инженером предприятия, известного как «Юкон майнинг энд трэйдинг компани». Ральстон объяснил, что корпорация, в которой «сосредоточены огромные средства, включая 3 500 000 долларов основных фондов и шахты в Нью-Мексико, имеет свои большие и далеко идущие планы на Аляску и районы Клондайка». Компания нанимает копателей, готовых, несмотря на суровые природные условия Аляски, заключить годовой контракт и получить шанс разбогатеть. По настоянию Беллы Мэдс подписал договор, который 27 октября в присутствии свидетелей был скреплен подписями и печатями.

По договору Мэдс соглашался «отправиться на Аляску в качестве служащего [компании], и в течение года, начиная с 1 апреля 1898 года, производить разведку золотоносных месторождений и, когда такое будет найдено, выполнять любую другую работу, которую поручит начальник экспедиции». По возвращении старатель не только получит «такую же зарплату, как и другие работники на том же месторождении», но и «четверть от прибыли со всех других мест добычи, которые он открыл», а также двести восемьдесят акций нанимающей компании. Еще, поскольку семья останется на год без кормильца, компания обещала, «пока он находится на службе, выплачивать его жене Белле Соренсон тридцать пять долларов ежемесячно в счет заработной платы мужа»[22].

Белла, по мнению сестры, совсем не заботилась о Мэдсе и была рада отправить его на Аляску. Ослепленные обещаниями неслыханного богатства, супруги согласились также вложить значительную сумму из собственных средств, чтобы покрыть «годовые расходы» Мэдса. И в день подписания рабочего контракта, предоставив в качестве залога свою недвижимость на Альма-стрит, Соренсоны скрепили подписями дополнительное соглашение о выплате семисот долларов (на сегодняшний день это больше двадцати тысяч).

Что случилось потом, можно проследить из судебного иска четы Соренсон к «Юкон майнинг энд трэйдинг компани». В нем говорится: «В соответствии с договором», Соренсон «с большими трудностями и лишениями сделал необходимые для экспедиции приготовления и в первых числах апреля 1898 года прибыл в указанную корпорацию, проинформировав управляющих о готовности выполнить все условия контракта и отправиться на Аляску». По прошествии двух месяцев, не получив дальнейших

распоряжений от корпорации, Белла и Мэдс заподозрили неладное. Они обратились к адвокату, который, «потребовав изучения бухгалтерской отчетности указанной корпорации», подтвердил худшие опасения супругов.

На самом деле, несмотря на декларации, «Юкон майнинг энд трэйдинг компани» никакой золотодобычей не занималась, и на счету корпорации не было никаких финансовых ресурсов. Как указывалось в иске, поданном Соренсонами в июне 1898 года,

> названная корпорация не владела и не владеет никакими рудниками ни в Нью-Мексико, ни на Аляске, ни в каком-либо другом месте. Не обладая абсолютно никакими ресурсами, [компания] выпустила большие пакеты акций, а именно: пятьсот двадцать пять тысяч паев. Управляющие [компании] не имеют никаких средств и не несут никакой финансовой ответственности. [Компания] была сформирована с единственной целью – обмануть неискушенных инвесторов – и не собиралась выполнять условия своих контрактов… В настоящий момент она не ведет никакой деятельности и признана банкротом, так как не способна выплачивать долги или продолжать бизнес.

Подобно другим, мечтающим разбогатеть в одночасье на деле, в котором не разбираются, семья Соренсон пала жертвой обмана. Их долги и закладная на дом были проданы Эмануэлю Хогенсону, владельцу агентства недвижимости, за пятьсот долларов[23]. Когда через два года долговые бумаги предъявили к исполнению, Белле и Мэдсу, чтобы не потерять дом, требовалось выплатить семьсот долларов плюс проценты.

Платить Соренсонам не пришлось: они выиграли судебное дело. И все-таки мечта о быстром обогащении разбилась в пух и прах[24]. Мэдс вернулся на место сторожа в магазине «Мандел бразерс», и Белле предстояло до конца дней оставаться женой низкооплачиваемого рабочего. Правда, последовавшие вскоре события показали: у нее были другие планы.

Десятого апреля 1900 года дом Соренсонов на Альма-стрит сгорел. Как сообщалось, возгорание произошло от «неисправного нагревательного оборудования». Пожарные прибыли вовремя, дом удалось спасти, но Белла и Мэдс заявили об утрате «домашнего имущества» примерно на 650 долларов. К счастью, как писала газета «Чикаго трибюн», «все уничтоженное имущество оказалось застрахованным», и паре выплатили значительную компенсацию[25].

Но Белле этого показалось мало. Когда произошел пожар,

Мэдс состоял в ассоциации взаимопомощи, и его жизнь была застрахована на 2000 долларов. В понедельник, 30 июля 1900 года, когда страховка заканчивалась, Мэдс решил заключить новый договор уже на 3000 долларов.

В тот же понедельник, днем, доктор Дж. С. Миллер – молодой врач, снимавший когда-то у Соренсонов жилье, получил срочный вызов от Беллы. Поспешив на Альма-стрит, он обнаружил, что Мэдс, полностью одетый, лежит на постели без признаков жизни. К этому времени прибыл и семейный врач Соренсонов – Чарльз Е. Джонс. Расспросив Беллу, врачи выяснили, что ее муж был сильно простужен и, придя утром с дежурства, пожаловался на «страшный кашель». Она дала больному порошок хинина и вышла на кухню приготовить детям обед. Позже, поднявшись проверить, как себя чувствует Мэдс, она увидела, что он мертв.

Предположив, что аптекарь «ошибся и продал морфий вместо хинина», Миллер попросил показать упаковку от порошка, но Белла ответила, что обертку уже выбросила. Не имея никаких доказательств, кроме тех симптомов, о которых сообщила госпожа Соренсон, оба доктора сошлись во мнении, что Мэдс умер от кровоизлияния в мозг[26].

Что касается Беллы, то она оказалась единственным бенефициаром по двум страховкам мужа. Трудно было подобрать более удачный момент для его внезапной смерти. «Если бы он умер на день раньше, – объясняла одна из газет, – его жена получила бы по полису 2000 долларов, а днем позже ей причитались бы только 3000 долларов по второму полису. Но именно в тот день, когда скончался Соренсон, действовали оба полиса на общую сумму 5000 долларов». Если переводить на современные деньги, вдова Соренсон стала богаче на 150 000 долларов[27].

Тремя днями позже, утром в четверг, 2 августа 1900 года, Мэдс Дитлев Энтон Соренсон обрел вечный покой рядом с двумя своими детьми на кладбище Форест-Хоум. Старшая сестра вдовы тоже присутствовала на похоронах. Неизвестно, что там произошло между сестрами, но, по свидетельству Нелли, ее вдруг поразило страшное предчувствие. Ей стало так плохо, что, «охваченная дрожью, она с трудом смогла удержаться на ногах». Только через восемь лет Нелли поймет, отчего в тот день едва не лишилась чувств[28].

Глава 3
Мясорубка

Дом на Маккланг-роуд на окраине Ла-Порта местные жители называли «домом Мэтти Элтик». Он славился непростой историей. Джон Уолкер, один из отцов-основателей Ла-Порта и первый владелец этого земельного участка, в 1846 году возвел на нем величественный дом для дочери Харриет и ее мужа Джона У. Холкомба. Почти через два десятка лет – в 1864-м – Холкомбам, симпатизировавшим южанам, пришлось уехать из Ла-Порта навсегда. Они стали изгоями в округе, пославшем две с половиной тысячи мужчин сражаться на стороне Союза[1].

Сообщалось, что вскоре после бегства хозяев дом был продан некоему Б. Р. Кару, местному торговцу дровами и углем. Его сын, Г. Кар, стал предводителем шайки бандитов, которая «терроризировала эту часть Индианы». Когда кольцо вокруг банды начало сжиматься, младший Кар подался на запад, в Денвер, где был случайно застрелен при попытке ограбления банка. Вскоре после того как тело младшего Кара доставили домой, отец продал недвижимость и, оставив кучу неоплаченных долгов, исчез из Ла-Порта[2]. Затем дом переходил из рук в руки, по общему мнению, еще более злосчастных владельцев. Среди них были два брата, «умершие так внезапно, что пришлось вызывать коронера», и фермер, повесившийся в спальне на втором этаже. В 1892 году там поселилась Мэтти Элтик, «одна из самых печально известных женщин северной Индианы»[3].

Внешность Мэтти – яркой и статной – соответствовала тогдашнему идеалу женской красоты, создателем которого был иллюстратор Чарльз Гибсон. Мадам Элтик перебралась из большого города, за покупками всегда выходила в шляпе с немыслимыми перьями. Мэтти открыла в Ла-Порте самый лучший в округе бордель с мраморной барной стойкой в «зале увеселений», каретным двором и модным, покрытым балдахином экипажем. На нем привозили со станции клиентов, прибывавших из Чикаго. Через несколько лет Мэтти внезапно скончалась. Официально причиной смерти признали болезнь сердца, но ходили слухи, что женщина то ли покончила с собой, когда ее бросил любовник, то ли была отравлена собственной сестрой и конкуренткой – Евой Рупперт, которая тоже содержала в Саут-Бенд, как выражались газеты, «место отдыха»[4].

Несмотря на «ужасную репутацию» дома, в покупателях недостатка не было[5]. Через восемь лет после закрытия борделя,

поменяв нескольких хозяев, строение перешло в руки женщины, чья дурная слава затмит всех предыдущих владельцев, а Мэтти Элтик, по сравнению с новой хозяйкой, покажется весьма уважаемой школьной учительницей со Среднего Запада.

Как точно Белла Соренсон узнала о продаже этого дома, неизвестно. Вскоре после смерти мужа она побывала в городке Фергус-Фолс в Миннесоте, на ферме у какого-то родственника, и тоже загорелась желанием обзавестись собственным хозяйством. Вернувшись в Чикаго, она, как пишут историки, в поисках подходящей недвижимости дала объявление в газете «Трибюн». Оно попалось на глаза тогдашнему владельцу «дома Мэтти Элтик», который связался с Беллой. В ноябре 1901 года, продав дом на Альма-стрит, Белла Соренсон с тремя детьми (Дженни, Миртл и Люси) перебрались в Ла-Порт.

Новым соседям она стала известна под другим именем. Хотя в частной переписке она продолжала подписываться как «Белла», но представлялась более простым и привычным для американцев именем «Белль» и через несколько месяцев после переезда сменила фамилию.

Еще в первое десятилетие их брака с Мэдсом они держали жильца – Питера Ганнесса. Уцелевшие фотографии Питера подтверждают образ, нарисованный одним писателем: «красивый блондин с голубыми глазами, светлой бородкой и усами – настоящий викинг»[6]. Этот эмигрант из Осло прибыл в Америку в 1885 году и поселился с братом Густом в Миннеаполисе, а в год Всемирной выставки (1893) переехал в Чикаго и, работая на скотных дворах, арендовал жилье у Соренсонов. Потом, после короткого посещения Норвегии, он вернулся в Миннеаполис, где в июне 1895 года женился на Дженни Софии Симпсон. Пара поселилась в доме на Хеннепин-стрит, Питер нашел работу «приказчика в продовольственном магазине». В 1897 году у четы родился первенец – девочка Сванхильд. А четыре года спустя, во время родов второй дочери, Дженни Ганнесс умерла[7].

Вскоре после смерти мужа побывав у кузины в Миннесоте, вдова Соренсон взяла в привычку наезжать в Миннеаполис и восстановила знакомство с красивым и ставшим неожиданно свободным бывшим квартирантом. Годы не добавили Белль привлекательности. Вдову и раньше нельзя было назвать красивой, а с возрастом ее мужеподобная фигура еще больше отяжелела. По словам одного из современников, Белль выглядела «грузной, большеголовой женщиной с грубыми чертами лица, маленькими глазами, копной волос неопределенного цвета, огромными руками и непропорционально маленькими ступнями»[8]. Только усадьба – сорок восемь акров земли в

Индиане – могла объяснить, почему Белль не испытывала недостатка в женихах, даже таких красивых, как Питер Ганнесс. 1 апреля 1902 года эта пара совсем не подходящих друг другу людей обвенчалась в Первой баптистской церкви Ла-Порта. Церемонию вел преподобный Джордж С. Мур.

Через пять дней после бракосочетания умерла семимесячная дочь Питера. Официальной причиной смерти указали «отек легких». Тело девочки отвезли в Чикаго и похоронили на кладбище Форест-Хоум, рядом с двумя другими детьми, умершими в семье Белль[9].

А еще через восемь месяцев, примерно в три утра во вторник 16 декабря, ближайших соседей Ганнессов – Свана Николсона и его семью – разбудил шум, будто кто-то стучал в дверь железным прутом. Немедленно спустившись, они обнаружили Дженни – приемную дочь Белль. Двенадцатилетняя девочка стояла на крыльце, сжимая в руке кочергу:

– Вас зовет мама, отец обварился!

Сван и его младший сын Альберт, прибежав на ферму, на кухне увидели Белль. Она была так потрясена, что не могла ничего связно объяснить. Как позже свидетельствовал Николсон, Питер, в белой ночной рубахе, лежал на полу гостиной, уткнувшись лицом в «лужу крови». Опустившись рядом с Ганнессом, Сван «взял его за руку, чтобы прощупать пульс, и что-то спросил. Но Питер ничего не ответил».

Альберт, которого послали за врачом, побежал в город и разбудил доктора Боуэлла, исполнявшего обязанности окружного коронера. Пока доктор одевался, Альберт вывел из конюшни экипаж, и вскоре они прибыли на место происшествия.

Вбежав в гостиную, доктор опустился на колени и начал осмотр тела. Остальные – Сван, Альберт, Дженни и рыдающая Белль – стояли рядом. Боуэлл установил, что смерть наступила какое-то время назад – тело уже остыло. Он отметил запекшуюся кровь в ужасной ране на затылке, свернутый в сторону сломанный нос. Коронер немедленно заключил, что Ганнесс умер насильственной смертью.

Белль была «на грани истерики». Ее проводили на кухню и усадили в кресло. Доктор изо всех сил пытался понять, что же произошло, хотя история, которую излагала безутешная вдова, рождала больше вопросов, чем ответов. Коронеру удалось понять, что ее муж спустился на кухню за башмаками. Он оставил их греться у плиты. Когда он нагнулся, чтобы их достать, с полки над головой упала мясорубка. Она ударила Питера по затылку и перевернула чан с горячим рассолом, который обварил мужу

шею. Но, несмотря на все увечья, Питер утверждал, что с ним «все в порядке», и остался лежать внизу. А через несколько часов в гостиной, на полу, она нашла его мертвым.

Хотя Боуэлл отнесся к услышанному крайне подозрительно, он решил не оглашать свое заключение до назначенного на следующий день вскрытия. Однако у юного Альберта Николсона сомнений не осталось. Когда они с отцом вернулись домой, юноша заявил, что мистера Ганнесса убили. Отец же велел никому ничего подобного не говорить, так как это может навредить миссис Ганнесс[10].

Но газеты, сообщившие на следующий день о смерти Питера Ганнесса, не следовали наставлениям Свана Николсона. «Ужасное преступление» – возвестил заголовок в «Форт-Уэйн дейли ньюс». В последние недели, писала газета, в округе Ла-Порт «свирепствуют убийства». Жители еще не оплакали смерть юного героя Уэсли Рейнольдса, расстрелянного двумя банковскими грабителями. Все еще оставались на свободе три «черных головореза», убившие бакалейщика Джона Кунсмана, хотя за их поимку местная Ассоциация розничной торговли назначила награду в пятьсот долларов. Полиция пыталась напасть на след человека, пославшего молоденькой служанке Матильде Бейкер коробку начиненных мышьяком конфет, которые та «отведала, ничего не подозревая». И наконец чудом избежавшая смерти мать семнадцатилетнего Джорджа Ширера, который «вдруг лишился рассудка и пытался убить [ее] разделочным ножом».

Внезапная кончина Питера Ганнесса, замыкающая цепь этих «таинственных смертей», давала «веские основания полагать, что дело тут нечисто»[11].

В полдень 16 декабря доктор Боуэлл и ассистировавший ему доктор Мартин, местный врач, провели вскрытие. В официальном отчете Боуэлл написал, что «следов ожогов на теле не обнаружено». Нос Ганнесса был «сломан, очевидно, в результате сильных ударов (или в результате падения на тупой предмет, подобный краю столешницы)». Самым значительным повреждением названа «рваная рана головы длиной в дюйм, расположенная слева над наружным затылочным выступом. Удаление надкостницы показало повреждения костей черепа в точке, соответствующей внешнему порезу. В этом же месте отмечается внутричерепное кровоизлияние». По заключению Боуэлла, «смерть наступила в результате сильного удара, вызвавшего перелом костей черепа и вышеупомянутое кровоизлияние»[12].

Вскрытие не прояснило таинственные обстоятельства смерти Ганнесса, как надеялся Боуэлл. Оно только усилило его

недоверие к версии, изложенной Белль. Решив узнать правду, коронер объявил о созыве жюри и проведении дознания.

Оно состоялось в четверг, 18 декабря 1902 года, на ферме, в комнате, где скончался Питер. Главного свидетеля – Белль – допрашивал Боуэлл. Протокол допроса вел его помощник Луис Х. Оберрайх.

Когда ее попросили описать случившееся, Белль объяснила, что, уложив детей спать, пошла на кухню начинять кишки свиным колбасным фаршем, который Питер перемолол еще днем. Окончив работу, она вымыла мясорубку и вернулась в гостиную, где Питер читал газеты.

– Мы сидели и просматривали газеты, – вспоминала женщина. – Я сказала, что пора спать. Он согласился, взял трубку и вышел на кухню. Перед тем как идти наверх, он всегда запирал дверь. Я услышала какой-то шум. Обычно муж сушил башмаки около плиты, и я подумала, что он вернулся взять какую-то пару, но тут я услышала ужасный грохот, бросила газету, побежала, а когда вошла, он вставал с пола, прижав к голове руки. Сзади на плите у меня стоял чан с рассолом, я собиралась залить им зельц, но решила, что не смогу – чан был полный и очень горячий. Может, потому я его там до утра и оставила.

– Где? – спросил Боуэлл. – На плите или на полке?

– На плите, сзади. Я вымыла и вытерла мясорубку, а потом поставила ее сушиться на полку. Я всегда насухо вытираю металлические детали. Тут слышу: «Мамочка, я ужасно ошпарился». Я испугалась, не знала что делать. Его одежда вся намокла. Тогда я сказала: «Лучше все снять», а он ответил: «Ужасно болит голова. Я слышал, что от волдырей помогает сода с водой, намочил полотенце и приложил к шее».

– Рассол пролился? – продолжал допрос Боуэлл.

– Да, мне кажется, чан был почти пустой.

– Это был кипящий рассол?

– Ну, он кипел, но какое-то время уже просто стоял на плите и был горячим, мог ошпарить. Я намазала ожог вазелином.

На вопрос, не заметила ли Белль раны на затылке, когда помогала Питеру, женщина ответила утвердительно.

– Было ли кровотечение? – спросил коронер.

– Несильное. Мне показалось, оно уже остановилось.

Продолжая свой рассказ, Белль объяснила, что они сидели на кухне и она растирала мазью обожженную шею мужа. Он боялся, «что от ожога у него выпадут волосы». Потом они вернулись в гостиную, где пробыли «около двух часов». Затем, по ее словам, «ему стало немного легче», и она спросила:

– Может, тебе лучше лечь?

А муж ответил:

– Пожалуй.

– Наверх не поднимайся, ложись прямо здесь, в гостиной, а я прибавлю тепла, чтобы ты не замерз.

Он согласился, Белль приготовила ему место, сменила одежду на ночную рубаху, а потом сказала, что идет «спать наверх к девочкам» и чтобы он позвал ее, «если ему будет что-нибудь нужно». Она ушла и «уснула, потому что очень устала».

Исход событий Белль живописала драматическими красками.

– Вдруг я услышала его крик: «Мамочка!» Он был таким громким, что проснулись дети. Мне кажется, я сказала им, чтоб не шумели, что папа обварился и я должна пойти к нему. Наскоро оделась, потому что было холодно, а когда спустилась, увидела, что он ходит по комнате и все время повторяет: «Ой, мамочка, голова! Не знаю, что с головой». Я спросила, что случилось, но он только повторял: «Голова, голова… Очень, очень болит голова». – «Ты, наверное, содрал кожу», – отвечаю. А он: «Ой, голова!»

Я решила позвать врача, поднялась наверх, разбудила дочь, послала ее к Николсонам, а когда вернулась, он, держась за голову, простонал: «О мамочки, я, кажется, умираю». Я спросила, что же так сильно болит, принесла воды, но он не хотел, чтобы я дотрагивалась до его головы. Я как раз ее растирала, когда пришли соседи. Потом, кажется, я открыла дверь, они вошли. Николсон подумал, что Питер скончался, но, я думаю, он был еще жив тогда и просто потерял сознание.

– Как вы считаете, сколько времени прошло от того момента, когда Питер поранился, до его смерти? – продолжал допрос Боуэлл.

– Ну, он, должно быть, поранился около одиннадцати, но до вашего прихода я не знала, что он умер.

– После травмы вы провели с ним два часа. Так?

– Да. Конечно, наверху я была совсем недолго. Пожелала ему спокойной ночи, поднялась в спальню, но он очень скоро меня позвал.

– Вы сказали, что у него был сильный ожог. Это верно?

Белль утвердительно кивнула.

– Шея очень покраснела, и около уха вздулся волдырь.

– Как, по-вашему, он получил травму головы?

– Не знаю, доктор. Я подняла мясорубку с пола. Мне кажется, она как-то на него свалилась, но это только догадки, я ничего не видела.

– А муж про нее что-нибудь говорил? – спросил Боуэлл.

– Он не говорил, как поранился.

– Когда вы увидели пробитую голову, вы сказали об этом мужу?

– Я спросила, почему у него рана на затылке, но он молчал.

На остальные вопросы Боуэлла Белль отвечала, что ее муж не объяснил ей, «как на него опрокинулся» чан с горячим рассолом, а говорил только, что, «должно быть, толкнул его». Когда ее спросили, как Питер сломал нос, она изобразила неведение:

– Не знаю. Пока мне об этом не сказали, я ничего не заметила.

– А сам Питер не жаловался? – спросил Боуэлл. – Может быть, из носа текла кровь?

– Нет, кровотечения никакого не было, – ответила Белль.

Боуэлл поинтересовался, не приходила ли ей в голову мысль, что кто-то мог проникнуть в дом, убить Питера мясорубкой, а Белль этого не услышала.

Она решительно отмела такое предположение:

– Я бы обязательно услышала, если бы кто-то вошел.

Последний вопрос Боуэлла касался отношений между Белль и Питером, чья ужасная смерть всего два дня назад так потрясла миссис Ганнесс, что она оказалась на грани безумия.

– Можно ли сказать, что ваша семейная жизнь была счастливой?

– Насколько мне известно, да, – пожала плечами Белль. Глаза ее при этом слезой не увлажнились.

Второй на вопросы коронера отвечала двенадцатилетняя Дженни Ганнесс. Ее рассказ о той ночи в точности совпадал с версией Белль. По ее словам, родители «закололи поросенка, приготовили фарш и собирались делать колбасу». Когда мама закончила работу, она «все вымыла и положила на плиту… сушиться». Потом мать пошла к мужу в гостиную, где они «читали газеты, а потом он вышел за ботинками». Вскоре, услышав страшный шум, Белль побежала на кухню и увидела, что Питер «обварился. Мама подумала, что ему просто нужно отдохнуть».

Уложив его на софу, Белль пошла наверх и легла спать рядом с детьми. И вдруг он стал звать: «Мамочка, мамочка!» и сказал, что «поранил голову, и просил, чтобы мама спустилась».

На вопрос, что случилось потом, Дженни ответила, что «сразу вскочила», побежала вниз и увидела отчима на полу в гостиной. Пока мама лечила ожог, Дженни, схватив «кочергу, чтобы стучать в дверь и разбудить соседей», пошла к Николсонам. Когда Дженни привела Свана и его сына, Белль – она явно была не в себе – «попросила поскорее позвать врача».

– Она говорила тебе, что отец обварился?

– Да, сказала, что он обжегся. Она не думала, что это серьезно.

– А когда обмывала ему голову, она заметила порез? – продолжал Боуэлл.

– Не знаю. Может, она думала, что он маленький, раз его не было видно.

– А как, по-твоему, отец поранил голову?

– Я тоже не знаю, и мама не знает, но когда она спустилась, эта штука уже была на полу, – ответила девочка.

– А он ей не сказал?

– Не знаю.

– Как ты думаешь, он знал про рану на голове?

– Ну да, наверное, но я не знаю.

Заподозрив, что девочка просто повторяет, что велела мать, коронер спросил, «не обсуждали ли они с матерью, как отец поранился». Дженни, отрицательно качая головой, настаивала на том, что «они об этом вообще не разговаривали». В то же время девочка утверждала, что, когда все произошло, она спала. Учитывая, что ее ответы полностью совпадали с версией матери, было очевидно, что Дженни к допросу тщательно готовили.

Боуэлл заметил, что в истории, рассказанной Белль и пересказанной ее приемной дочерью, были определенные странности. Даже учитывая вес мясорубки, вряд ли она могла, упав с полки, так раскроить череп мужчине. Как Белль и Питер просидели после этого два часа в гостиной и не обсуждали происшедшее? Почему он не сказал про рану на голове? Как она не заметила кровоточащий сломанный нос? Почему вскрытие не обнаружило следов ожога?

Несколько вопросов, заданных Дженни, заставили Боуэлла не только усомниться в версии Белль. Он заподозрил, что она, возможно, относится к тому типу убийц, которых будущие криминалисты назовут «Черной Вдовой», то есть психопаткой, убивающей своих сожителей из-за денег. Была ли застрахована жизнь отчима Дженни? Оставил ли он завещание? Были ли у Питера деньги, когда он переехал в Ла-Порт? На все эти вопросы девочка дала один ответ: «Я не знаю».

Когда Боуэлл вдруг спросил, была ли она «дома», когда умер первый муж матери, Мэдс Соренсон, у Дженни нашлось что сообщить.

Она тут же рассказала о случившемся.

– По ночам он работал в «Мандел бразерс», – сказала девочка, – и домой приходил утром, около восьми. Днем папа отдыхал, по утрам же мы ждали его на крыльце, чтобы поиграть. В то утро я тоже вышла на крыльцо, со мной были подружки. Он

сказал, что пойдет спать, и ушел. С нами рядом еще жили люди. Мама пошла в прачечную – она стирала для других, а миссис С. крикнула, что папа зовет ее. Мама побежала и спросила, что ему надо. Он сказал, чтобы она заперла дверь. Потом она принесла ему воды, но он ее не пил. Вдруг мы услышали его крик, но я не знаю, где тогда была мама, но потом говорили, что он стал надевать ночную рубаху, закричал и умер.

Подозрения Боуэлла относительно вдовы, потерявшей двоих мужей при столь необычных обстоятельствах, только усилились.

– Его жизнь была застрахована? – спросил он.

– Не знаю.

– Что, совсем не оставил денег?

– Я не знаю. Думаю, оставил, но ничего об этом не знаю.

– А где мать взяла средства, чтобы купить этот дом?

– Откуда мне знать? – ответила девочка.

Последним допрашивали Свана Николсона. Он утверждал, что на теле Питера «ожогов не видел», как и крови на тахте, где предположительно лежал тяжело раненный Ганнесс. На вопрос, могла ли «мясорубка, упав с полки, ударить Питера по голове и проломить ему череп», Сван отвечал уклончиво, сказав, «что такое, наверное, возможно, но, так как Белль рассказала, как все было, я больше про это не думал».

В конце короткого допроса Боуэлл прямо спросил, не считает ли Николсон, что «она [миссис Ганнесс] сама убила мужа». На этот раз Николсон был еще решительнее и сказал, что он «никогда ее не подозревал. С того самого дня, как они поженились, Белль и Питер выглядели как пара голубков». Однако немного раньше, отвечая на вопросы коронера, Николсон говорил, что почти ничего не знает о новых соседях. Когда Свана спросили, какое впечатление на него произвела Белль, он ответил, что «вполне нормальное, но мы с ней почти не встречались. Моя жена была здесь прошлой зимой один раз, а я не был ни разу».

Одновременно с дознанием Боуэлла по округе поползли слухи, что дело «нечистое», как писала одна местная газета[13]. Люди смеялись над объяснениями, которые давала Белль. «Питера Ганнесса, свалившись ему на голову, убила мясорубка, – издевалась жена одного фермера. – Очень правдоподобная история!»[14] Говорили, что поведение вдовы на похоронах тоже вызвало удивление. Отпевание состоялось в гостиной Ганнессов 19 декабря, в пятницу. Обряд проводил преподобный Джордж С. Мур, тот же священнослужитель, что обвенчал Белль и Питера восемь месяцев назад. Во время молитвы, как писал один

репортер, «вдова стонала, закрыв руками лицо». Но Альберт Николсон видел, что миссис Ганнесс подглядывала, стараясь понять, какое производит впечатление на окружающих[15].

Юный Альберт был так убежден в ее вине, что после похорон делился своим мнением с другими участниками церемонии, пока, по его словам, «отец не велел мне замолчать»[16]. И Альберт не был одинок в своем мнении. Поэтому многих жителей Ла-Порта поразило заключение доктора Боуэлла, обнародованное в день, когда на кладбище Паттон хоронили мистера Ганнесса.

Заключение гласило: «Изучив останки и опросив свидетелей, мы пришли к выводу, что смерть наступила в результате ранения, полученного из-за падения с нагревательной полки кухонной плиты шнека мясорубки, который ударил его [Ганнесса] по затылку. Удар вышеупомянутого шнека мясорубки привел к перелому черепа и внутреннему кровоизлиянию, повлекшему за собой смерть»[17].

Руководствуясь выводами коронера, дело закрыли, но слухи не прекратились. Один распространился особенно широко и был связан с именем маленькой Миртл Соренсон, которой на момент смерти отчима было пять лет. Как раз за неделю до ее собственной смерти, она якобы “шепнула своей однокласснице: “Мама убила папу. Она стукнула его топором, и он умер. Только никому не говори”»[18].

Глава 4
Вдова-фермер

Со дня похорон второго мужа прошло всего несколько месяцев, как в доме Белль появился еще один ребенок – мальчик, которого она назвала Филиппом. Появление младенца сопровождалось таинственными обстоятельствами. Вызванная повитуха была изумлена, когда увидела, что ребенок «уже был рожден, искупан и завернут в пеленки».

Узнавшая от юной Дженни Ганнесс, что ее мама «родила маленького мальчика», Катерина Лэфен, соседка, тем же утром пришла предложить помощь. Каково же было ее удивление, когда она застала Белль у корыта за стиркой белья.

– Вам нельзя вставать! – воскликнула миссис Лэфен.

– А, – ответила Белль, – в стране, где я жила раньше, после родов никогда не лежат.

Не меньше была поражена и еще одна жена фермера – Луиза Дайслен, посетившая вдову на следующий день: та «гонялась по двору за свиньей». Когда пораженная миссис Дайслен спросила, как она, вчерашняя роженица, может так неосторожно себя вести, Белль только от нее отмахнулась.

Но, кроме чудесного восстановления после родов этой сорокатрехлетней матери, женщины заметили и другие странности. Одна из них считала, что «для новорожденного ребенок слишком большой». Быстро распространился слух, что Ганнесс его не рожала. Соседи решили, что она его усыновила.

В последующие годы по поводу появления этого мальчика среди жителей Ла-Порта распространялись и другие, куда более зловещие слухи[1].

Среди тех, кто не поверил в официальный вердикт о смерти Питера Ганнесса, оказался и его брат Густ. Подозревая, что убит был не только Питер, но и его семимесячная дочь Дженни, умершая меньше чем через неделю после женитьбы Белль и Ганнесса, Густ обеспокоился благополучием своей второй племянницы – пятилетней Сванхильд, оставшейся на попечении мачехи. Ему было известно, что брат еще до женитьбы оформил в пользу младшей дочери страховку на 2500 долларов, и Густ хотел убедиться, что деньги будут выплачены тому, кому принадлежат по праву.

В начале 1903 года – точная дата неизвестна – Густ Ганнесс прибыл из Миннеаполиса в Ла-Порт. Увидев, что живущая вдали

от миннеаполисских родственников Сванхильд вполне счастлива, он успокоился. Однако его не удовлетворил ответ на вопрос о двух с половиной тысячах долларов, принадлежавших племяннице. Белль объяснила, что муж «передал страховку добывающей компании на покупку акций, и, если они вырастут, Сванхильд будет очень богатой девушкой». Тогда Густ попросил показать сертификат, но Белль не смогла его предоставить. Вместо этого она предложила брату покойного мужа «остаться и помочь ей на ферме». Не было ничего удивительного, что из-за подозрений в насильственной смерти брата Густ отказался. Белль бросила на него злобный взгляд. «Мне вообще не нравились ее глаза», – вспоминал Густ позже. Он провел на ферме еще несколько тревожных дней и однажды утром, меньше чем через неделю после приезда деверя, Белль обнаружила, что он забрал племянницу и уехал [2].

После переезда в Ла-Порт Белль поддерживала хорошие отношения со своими соседями, но теперь их дружеское расположение было потеряно. «Никто не хотел с ней знаться, – вспоминала Дора, дочь Луизы Дайслен. – Никто не хотел иметь с ней ничего общего. Никто из соседей, не только мы».

Разрыв с Дайсленами спровоцировали заблудившиеся коровы. Как объясняла Дора, две телки с фермы Белль паслись на их лугу. Возмущенный таким серьезным «нарушением правил жизни маленького города», отец Доры предупредил Белль, что ей придется платить за использование его пастбища, если не будет следить за своими коровами. Следующий раз, обнаружив ее телят на своем участке, Дайсен выполнил угрозу, запер телят на скотном дворе и отказался возвращать, пока Белль не заплатит один доллар. Вскоре после этого происшествия Белль нанесла ответный удар. Увидев на дороге коров соседа, она загнала их на свою ферму, а когда Уильям пришел за ними, Белль тоже потребовала доллар за их возврат.

– Но вы же угнали скотину с дороги! – возмутился Дайслен.

Белль же невозмутимо утверждала, что коровы «вторглись на ее участок», и повторила свое требование.

А когда Уильям в ярости подбежал к воротам, чтобы освободить коров, повернувшись к дочери, Белль сказала:

– Принеси револьвер!

Через минуту девочка вернулась с оружием.

– Не подходи к воротам, – взяв соседа на мушку, сказала вдова.

«И ему пришлось заплатить доллар! – рассказывала Дора. – Вот какой она была соседкой!»

Похожий конфликт из-за скотины привел к разрыву с Николсонами, хотя раньше они с Ганнесс были лучшими друзьями. Как рассказывал Альберт Николсон, ее свиньи на ферме «поедали кукурузу». Устав выпроваживать чужих животных, Сван загнал их в свой свинарник, запряг повозку и отправился писать жалобу констеблю. За возвращение свиней Белль присудили заплатить штраф в одиннадцать долларов, «по доллару со свиньи за причиненный ущерб».

На следующей неделе, в понедельник, мать Альберта в городе встретила Белль. И, хотя свидетельство Николсона, данное коронеру, способствовало тому, что Белль не предъявили обвинений в убийстве Питера Ганнесса, сосед – в глазах «помешанной на деньгах» женщины – нанес ей смертельную обиду. Красная от злости, Белль накинулась на жену Николсона: «Все эти годы мистер Николсон только пытается вытянуть мои деньги. Теперь он их получил. Я больше не хочу иметь с вами никаких дел!»

С тех пор Белль и Николсоны перестали бывать друг у друга и больше никогда не разговаривали[4].

После смерти Питера вдова продолжала делать всю мужскую работу. Она сеяла и собирала урожай, косила и ворошила сено, доила коров. Надев котиковую шапку, мужское кожаное пальто и старые башмаки Питера, она сама отправлялась на сельскохозяйственные ярмарки. В то время как «другие жены фермеров оставались дома, миссис Ганнесс, шлепая по грязи, разглядывала выставленную там технику». На распродаже скота она обычно покупала огромную свинью, сама тащила ее и, словно мешок с бельем, легко забрасывала в телегу. Когда приходило время забивать животное на мясо, она все делала сама: закалывала свинью, спускала кровь, опаливала, потрошила, сохраняя голову для зельца[5].

Как и другие фермеры, она получала дополнительный доход, продавая часть продуктов в городе. Одна уроженка Ла-Порта, Мэйбл Карпентер, вспоминала эпизод из детства, когда, подъехав к их дому на старой повозке, Белль Ганнесс соскочила с сиденья, «подхватила огромный мешок картошки, взвалила его на плечо и потащила прямо в дом»[6].

Перечень имущества на ферме Ганнесс обычно включал «свиноматок, хряка, телочек и телят, быка, кур, лошадей, жеребенка и шотландского пони. У нее были телеги и культиватор, сеялка и борона, плуг, седла и упряжи, пилы, лестницы, тачки, бричка, повозка для пони, мотки проволоки, ушаты и ведра всех сортов и размеров»[7]. Даже такой могучей и

умелой женщине, как Белль, было трудно управиться со всем хозяйством. К зиме 1904 года у нее возникла острая нужда в мужчине, но не только для хозяйства.

В феврале того же года тридцатилетний иммигрант Олаф Линдбой, три года назад прибывший из Норвегии в Чикаго, прочел объявление в газете «Скандинавен». Предлагалась работа на ферме в Индиане. Прихватив все пожитки и накопленные 600 долларов, он отправился в Индиану, где его наняла хозяйка фермы, вдова Белль Ганнесс.

Вскоре соседи начали замечать: миссис Ганнесс, похоже, очень довольна своими отношениями с Олафом – настолько необычными, что одна газета назвала «работника женихом хозяйки»[8]. Сам Линдбой этого не отрицал. В письме, отправленном отцу в Норвегию всего через два месяца после переезда, он воспевал «исключительное местоположение» фермы и упомянул, «что, возможно, скоро женится». С другими иммигрантами, включая Свана Николсона, Олаф был еще откровеннее. Как свидетельствовал позже Сван, миссис Ганнесс «так хорошо относилась к Олафу, что он стал подумывать о женитьбе и уже видел себя хозяином фермы»[9].

Вскоре после того дня, как ушло письмо Олафа, Ганнесс обратилась к одному из соседей, Крису Кристофферсону, «за помощью, потому что Линдбой бросил работу и уехал». Когда Крис пришел на ферму, Белль пахала землю под кукурузу. Он поинтересовался, куда пропал Олаф, она ответила, что тот отправился на Всемирную выставку в Сент-Луис и «собирается купить там участок земли». Но Сван Николсон услышал другую историю: якобы его друг Олаф вернулся «на родину посмотреть коронацию нового норвежского короля». А когда отец Олафа, много месяцев не получавший от него ни строчки, сам написал сыну, Белль ответила, что «он уехал на Запад и, насколько она знает, собирался купить где-то там землю»[10].

На самом деле Олаф все еще был на ферме. Прошло четыре года, прежде чем удалось найти Олафа Линдбоя – или, вернее, то, что от него осталось.

На второй неделе апреля 1905 года, ровно через месяц после исчезновения Олафа, в дом Ганнесс, где в это время находился сосед Кристофферсон, из города прибыл неизвестный. Он представился как Генри Гурхольт и объяснил, что «приехал работать у миссис Ганнесс». При нем был огромный чемодан, и Кристофферсон помог отнести его наверх, в бывшую комнату Олафа. Она приезжему очень понравилась, за что он выразил

благодарность своей новой хозяйке.

– Конечно, – ответила миссис Ганнесс, – я всегда стараюсь, чтобы мой работник жил в чистой и красивой комнате.

Гурхольту на новом месте все нравилось. Через неделю, сочиняя письмо матери, Генри описал ферму как «самое прекрасное место во всей округе» с красивым – на тринадцать комнат – домом, окруженным «чудесной зеленой рощей». Далее он сообщал, что «к нему относятся, как к члену семьи»[11].

Несколько недель после появления нового работника Крис Кристофферсон часто видел его в компании миссис Ганнесс. Но однажды в августе 1905 года, во время сбора урожая, она вдруг появилась в доме Криса и, объяснив, что Гурхольт неожиданно уехал, попросила помочь ей убрать овес.

– Он уехал, когда должен был жать овес? – поразился сосед.

– Сказал, что заболел и работать не может, – сказала Белль и добавила, что Генри уехал в Чикаго, взял только «сумку с некоторыми вещами», оставив чемодан и всю одежду, даже теплое меховое пальто.

Той зимой, как позже рассказывал Крис, пальто, «которое оставил Гурхольт, носила Ганнесс». Кристофферсону показалось странным, что человек уехал в Чикаго без пальто. Сосед поинтересовался, «не просил ли Гурхольт его прислать».

Но Белль ответила, что «не получала от бывшего работника никаких известий»[12].

Глава 5
Пропажа

В конце лета 1905 года, вскоре после исчезновения Гурхольта, несколько норвежских газет по всему Среднему Западу – в Миннеаполисе, Айове, Иллинойсе – стали из номера в номер публиковать зашифрованное объявление. В переводе оно выглядело так:

> Владелица богатой, хорошо оборудованной фермы, расположенной в красивом месте, ищет честного и надежного мужчину в качестве помощника и партнера. С собой нужно иметь небольшую сумму наличных. Сохранение тайны гарантируется[1].

Заинтересованным лицам предлагалось написать в редакцию газеты на имя «Б.Г.».

Сколько откликов пришло на объявление, неизвестно, но почтальон Д. Дж. Хантер, доставлявший корреспонденцию на ферму Ганнесс, сообщал позже, что каждое утро она получала «от одного до четырех» писем, а иногда даже «восемь или десять»[2]. В числе первых откликнулся норвежский иммигрант Джордж Берри. Он приехал из Тасколы, Иллинойс, и привез с собой 1500 долларов наличными. По грубым подсчетам, сейчас эта сумма равняется 40 000 долларов. Джордж сообщил знакомым, что переезжает в Ла-Порт «на работу и, возможно, там женится»[3]. Несколькими днями раньше один из подписчиков «Декора-постен», Кристиан Хильквен из Висконсина, продал за 2000 долларов свою ферму и, распорядившись, чтобы газету ему доставляли по новому адресу в Ла-Порте, распрощался с друзьями[4].

Сообщив начальнику, что «женится на богатой вдове», Эмиль Телль, холостяк из Осейджа, штат Канзас, оставил работу на мебельной фабрике и с 2000 долларов в кармане отправился в Ла-Порт[5]. Продав ферму сыновьям и сообщив им, что «едет в Ла-Порт жениться», отправился в Индиану и пятидесятилетний вдовец Оле Будсберг (Иола, штат Висконсин)[6]. В декабре 1905 года из Миннесоты прибыл сорокалетний холостяк Джон Моу. Этот подписчик «Скандинавен» взял в местном банке 1000 долларов, объяснив кассиру, что «едет в Индиану, в Ла-Порт, и там ему очень понадобятся деньги»[7].

Дальше – больше.

Как рассказывал Эмиль Грининг – «красивый и умный»

девятнадцатилетний батрак, – «к миссис Ганнесс все время приходили мужчины, и почти все с чемоданами. Каждую неделю в доме появлялся новый жилец. Белль представляла их как кузенов из Канзаса, Южной Дакоты, Висконсина или Чикаго. Детей к этим родственникам хозяйка не подпускала, а держала их постоянно при себе – в спальне или в гостиной».

Никто из кузенов не останавливался надолго, хотя, чтобы кто-нибудь покидал ферму, Грининг не видел. И – странное дело – каждый оставлял свой чемодан. В итоге, вспоминал молодой человек, в доме их оказалось «не меньше пятнадцати, а одна комната была полностью забита мужской одеждой. Миссис Ганнесс сказала, что это вещи кузенов, и она не знает, вернутся ли они за ними позже»[8].

Летом 1906 года, в перерыве между визитами «кузенов», Белль наняла местного польского иммигранта Уильяма Брогиски выкопать в загоне для свиней две ямы. Размер она указала очень точно: шесть футов в длину, три фута в ширину и четыре в глубину.

– Для мусора, – объяснила хозяйка.

Через неделю, вернувшись на ферму, Уильям заметил, что ямы все еще пусты. Позже он говорил, что «никогда не видел, чем и когда эти ямы заполняли».

Прошло еще несколько лет, прежде чем Брогиски и другие соседи открыли их истинное предназначение[9].

К осени 1906 года Дженни – шестнадцатилетняя приемная дочь миссис Ганнесс, уже стала красавицей. С фотографии тех лет приветливо смотрит светловолосая девушка. У нее пухлые губы, нежная кожа – типичный портрет молоденькой молочницы. Поэтому совсем неудивительно, что она нравилась мужчинам.

К их числу принадлежал и молодой батрак Эмиль Грининг. Конечно, за несколько месяцев его работы на ферме Дженни и Эмиль подружились. Он объяснял позже, что, когда они оставались вдвоем, «она много о себе рассказывала». Однажды зимой 1906 года Дженни сообщила, что ее посылают учиться в Калифорнию. Так решила мать, она все устроила, и скоро в Ла-Порт приедет профессор, чтобы отвезти девушку в колледж.

Незадолго до Рождества Грининг услышал, что профессор уже прибыл. На другой день, с самого утра, Эмиль был отправлен на работу, а когда вернулся, поинтересовался, где Дженни – хотел перед отъездом с ней попрощаться. Слова миссис Ганнесс привели молодого человека в замешательство.

Белль сказала ему, что Дженни уже уехала. Но, по словам Грининга, никто в округе «не видел ее отъезда. И профессора

тоже никто не видел»[10].

С влюбленным в Дженни железнодорожным рабочим Джоном Вайндером случилась похожая история. Когда за десять дней до Рождества он приходил к Дженни, она сказала, что ее отправляют в Лос-Анджелес, в колледж, и что мать уже все устроила. Вайндер огорчился. Ему показалось, что девушку предстоящий отъезд тоже не радовал. Она взяла с Джона слово, что к следующему воскресенью он вернется и они смогут попрощаться.

В назначенное воскресенье Вайндер нанял экипаж и отправился на ферму. Позже он вспоминал, что в тот день дул сильный ветер, шел снег. Приехав, он постучал в дверь и спросил Дженни, на что миссис Ганнесс ответила: «А Дженни уехала в Лос-Анджелес». Молодой человек удивился, ведь девушка просила повидать ее перед отъездом, но услышал от Белль, что «Дженни уехала в среду».

В течение полугода Вайндер слал в Калифорнию письма, но на них не пришло ни одного ответа. В октябре 1907 года, встретив миссис Ганнесс в городе, Джон пожаловался, что никак не может связаться с ее дочерью.

– Ну, конечно, – засмеялась Белль, – я слышала, ты женился, и сообщила об этом Дженни.

Вайндер объяснил, что женился его брат, и попросил написать Дженни, что он «все еще свободен». Миссис Ганнесс обещала выполнить его просьбу.

Но Дженни так и не ответила[11].

Глава 6
Рэй

С неожиданным отъездом девушки Грининга на ферме ничего больше не удерживало, и через полгода, уволившись, он тоже подался на Запад. Прошел месяц, и место Эмиля Грининга занял Рэй Лэмфер[1].

С сохранившейся газетной фотографии на нас смотрит длиннолицый большеносый мужчина с копной вьющихся волос и пышными неухоженными усами. Обращает на себя внимание его затравленный взгляд. Рэй был сыном довольно известного в округе бывшего учителя, политика и мирового судьи Уильяма Лэмфера, который «пропил свое положение, деньги и семейное благополучие»[2].

Рэй, подобно отцу, тоже любил приложиться к бутылке. Хотя в трезвом состоянии он был хорошим плотником, но люди считали его «слабым и никчемным», тратившим заработанное на проституток, выпивку и азартные игры. По слухам, он мог за вечер проиграть в автомате пятьдесят долларов[3].

Существуют разные версии того, как Рэй Лэмфер нанялся к Белль Ганнесс. Некоторые хроникеры писали, что какое-то время она к нему приглядывалась, а потом, в июне, встретив на улице, предложила кров и работу. Другие – это кажется более убедительным – сообщали, что Рэй как член местного союза плотников узнал про работу на ферме от другого мастера и специально встретился с Белль для разговора. Она тут же взяла его в помощники по хозяйству[4].

Как бы там ни было, доподлинно известно, что в начале июля Лэмфер уже жил на ферме и занимал комнату на втором этаже, которую совсем недавно освободил Эмиль Грининг. Рэй, как он неоднократно хвастался собутыльникам, стал любовником хозяйки. Один из исследователей дела предположил, что к грубой толстухе, которая была старше его почти на одиннадцать лет, щуплого молодого человека влекло «материнское начало», и это вполне объяснимо с позиций психоанализа. «Одинокий молодой человек жаждал покровительства, безопасности материнского чрева, и такой тип женщины олицетворял собой защищенность, ничего не требуя взамен»[5].

Возможно. Правда, другие работники тоже делили ложе с хозяйкой. Питер Колсон, проработавший у нее два года, в мельчайших деталях рассказывал потом, как она приходила по ночам в его комнату и «любила, осыпая ласками и нежными

словами». Она «мурлыкала как кошка и была полна нежности во всем. Я никогда не встречал таких женщин», – свидетельствовал Колсон[6].

Осенью 1907 года Рэя и миссис Ганнесс часто видели вместе. Они выглядели счастливой парочкой, ездили в город, прогуливались по улицам рука об руку. Лэмфер хвастался дружкам, что хозяйка умоляет его жениться на ней, и щеголял ее подарками, в том числе красивыми серебряными часами. Как писал один газетчик, «бездельник и бродяга» из городского посмешища готов был превратиться в хозяина прекрасной доходной фермы[7].

Однако вдруг появился Эндрю Хельгелейн.

Глава 7
Хельгелейн

С лета 1906 года, когда на ферму по объявлению один за другим приезжали мужчины, Белль вела постоянную переписку с Эндрю Хельгелейном[1] – сорокадевятилетним фермером из Южной Дакоты. Он откликнулся на объявление в газете «Миннеаполис титендэ» и за восемнадцать месяцев получил от вдовы Ганнесс множество писем. Как свидетельствуют наиболее надежные источники, она сочинила от семидесяти пяти до восьмидесяти посланий[2].

Все они написаны по-норвежски. По словам переводчика этих писем на английский язык, ужасный почерк, множество орфографических и стилистических ошибок свидетельствовали, что их автор – «человек чрезвычайно безграмотный и невежественный»[3]. Топорно составленные, эти «песни сирены» (как окрестила их газета тех дней) сделали свое черное дело – соблазнили адресата, и он, подобно череде других «воздыхателей», оказался в доме, который вскоре по всей стране станет известен как «ферма убийцы»[4].

Белль расставляла ловушки целых полтора года. И это не только свидетельство ее изощренного коварства, но и результат изворотливости самого Хельгелейна. Он, в отличие от других жертв, оказался нелегкой добычей. Сохранилась его тюремная фотография – в профиль и анфас. На ней предстает крепкий норвежец с короткой шеей и свиноподобной физиономией. Снимок был сделан в исправительной колонии в Миннесоте, где, осужденный за ограбление и поджог деревенской почты, он провел десять лет. Его переписка с Белль началась через двенадцать лет после освобождения. К тому времени он уже фермерствовал в Абердине, Южная Дакота. Поблизости, в окрестностях Мэнсфилда, жил на своей ферме брат Эндрю – Асле, а в Лебаноне – сестра Анна[5].

Белль ответила на письмо Эндрю Хельгелейна 8 августа 1906 года. Начиналось письмо с обращения «Уважаемый сэр», подписано было «миссис П. С. Ганнесс» и представляло ее как хозяйку «прекрасного дома в прекрасном месте, где состоятельные люди строят летние резиденции, где растут фруктовые сады, в добротных новых домах есть все современные удобства, а вдоль дорог проложены тротуары, утопающие в зелени деревьев». Она уверяла, что у нее «74 акра земли» (на самом деле ее земельный участок был примерно в два раза

меньше), которая стоит от 12 000 до 14 000 долларов (по современным меркам это примерно 400 000 долларов). Белль хотела убедиться, что фермер из Южной Дакоты достоин ее внимания, и поэтому в конце письма попросила Эндрю «рассказать немного о себе» и, самое главное, «сколько наличных денег он собирается вложить в общее дело»[6].

Хотя писем Хельгелейна к Белль не сохранилось, из ее ответа, датированного 20 августа, понятно, что она удовлетворена его финансовым положением. Тон ее послания передает с трудом сдерживаемое возбуждение рыбака, который чувствует: наживку заглотила большая рыба и, вытаскивая добычу, нужно приложить все усилия, чтобы она не сорвалась.

«Дорогой друг, – начинает она свое письмо, – мне кажется, что у тебя добрая душа и сильный характер. Настоящий норвежец. Не каждая женщина понимает, как трудно найти такого мужчину. Мне пишут разные американские щеголи, но я их в расчет не принимаю». Она рисует идиллическую картину, описывая Индиану как штат, где «зима мягкая, а лето не такое жаркое [как в Южной Дакоте], часто идут дожди, но не бывает гроз, и поэтому можно выращивать все что хочешь».

По ее словам, Ла-Порт – это золотое дно. «Он находится недалеко от Чикаго, а земля все время дорожает, – пишет Белль, – многие из купивших здесь участок несколько лет назад уже почти миллионеры. Стоимость земли за это время несколько раз удваивалась, и они разбогатели, продавая ее небольшими кусками бизнесменам из Чикаго для строительства летних домов. Здесь вы сможете удачно вложить свой капитал и, возможно, обеспечить себя на всю жизнь». Объявляя Хельгелейну, что предпочла его «сотне других претендентов», Ганнесс советует Эндрю забрать из банка все деньги и приезжать «как можно скорее».

Спустя месяц после начала переписки Белла (так она стала подписывать письма уже в августе) обращается к Хельгелейну как к потенциальному сожителю, а не просто деловому партнеру. «Я очень хочу узнать тебя поближе, но стараюсь сохранять терпение и дождаться твоего приезда, – пишет она со страстью женщины, которая разлучена с возлюбленным и жаждет встречи с ним. – Я выбросила все письма, которые получала от других, а твои храню в секретном месте. Ты не представляешь, как я их ценю, потому что за двадцать лет в Америке не встречала ничего настолько истинно норвежского».

Изображая влюбленность, Белль возносит Хельгелейна над всеми остальными мужчинами и уверяет, что не может дождаться

часа, когда целиком посвятит себя его нуждам. «Мне кажется, даже королева, и та недостаточно хороша для тебя, – продолжает свои излияния миссис Ганнесс. – В моем представлении ты выше всех, и я не позволю, чтобы какие-то обстоятельства помешали мне служить тебе».

Она нарисовала заманчивую картину их будущего семейного уюта. «Как только ты приедешь, мы заживем так счастливо, – обещает Белль. – Я буду готовить кремовый пудинг и много других вкусностей. Тебе, наверное, там очень одиноко, поэтому стоит поспешить и как можно скорее переехать ко мне. Ты посвятил много лет тяжелой работе, а теперь остаток дней должен прожить в покое».

Есть одна вещь, подчеркивала Белль, которая сделает их совместную жизнь еще прекраснее. Хельгелейн никому – особенно родственникам – не должен рассказывать о своих планах: «Когда устроимся, мы пригласим твою дорогую сестру Анну из Лебанона. Тогда она сама все увидит и будет приятно удивлена. Ведь гораздо лучше все сохранить в тайне, чтобы насладиться выражением лиц родственников, когда все вдруг откроется».

И перед тем как поставить подпись, Белль – в который раз за последние месяцы! – дает практический совет: «Продай все вещи, за которые можешь получить наличность, а те, что не купят, смело бери с собой. Здесь мы их реализуем по очень хорошей цене. Не оставляй там ни денег, ни акций, чтобы ни о чем не беспокоиться и не возвращаться в Дакоту».

Письмо заканчивается словами: «Приезжай скорей, мой добрый друг».

В послании, которое Белль получила от Хельгелейна 27 октября 1906 года, он упоминает о своей болезни. В тот же день она пишет ответ: «Ты не представляешь, как я расстроилась, что ты болеешь, а рядом никого нет. Приготовь себе горячий пунш, надень теплое белье и будь все время в тепле. Здоровье – это самое ценное, что у нас есть, дорогой друг».

Не сомневаясь, что он обязательно приедет, она обещает встретить его у поезда. Эндрю не составит труда ее узнать. «Я довольно статная, настоящая норвежская женщина, – подчеркивает она, – с каштановыми волосами и голубыми глазами». Хельгелейну, конечно же, будет обеспечен самый теплый прием: «Ты должен помнить, что я всем сердцем жду этой встречи. Пусть жизнь порой была жестока ко мне, но я сохранила свою природную доброту».

«Очень важно, чтобы никто не знал о поездке, – игриво

намекает Белль. – Приезжай один, никого сюда не привози, пока мы не познакомимся ближе. Не кажется ли тебе, что лучше нам побыть наедине, особенно вначале?»

Прощается она, как это обычно делают разлученные любовники: «Заканчиваю, потому что очень хочу спать. В постели буду думать о тебе, дорогой».

Зима приближалась, а Хельгелейн все медлил. Письма из Ла-Порта становятся все более настойчивыми. Белль умоляет «дорогого друга» как можно скорее закончить все дела и поспешить к ней: «Почему ты все еще там, где так плохо? Боюсь, если еще задержишься, опять захвораешь. Приехал бы, и нам обоим стало бы лучше – и тебе, и мне. Ты не должен там оставаться и истязать себя работой, мой дорогой друг. Как ты сам писал, приятнее жить в покое и получать от жизни удовольствие».

Демонстрируя супружескую заботу, Белль советует Хельгелейну утеплиться перед дорогой: «Достань хорошее шерстяное исподнее и большую медвежью шубу, чтоб не замерзнуть». Но Ганнесс волнует не только здоровье будущего партнера. «Ты пишешь, что собираешься оставить какие-то деньги. Я бы на твоем месте этого не делала, – добавляет она. – Здесь ты сможешь получить высокие проценты. Друг мой, переведи все средства в самые крупные купюры, спрячь их на себе – зашей хорошенько в белье – и, чтобы не было заметно, проложи сверху тонкую полоску материи».

Белль снова напоминает Эндрю, что их планы важно сохранять в секрете. «Никому о нас не рассказывай, особенно родственникам». Как и раньше, ее слова выглядят очень двусмысленно. По выражению одного историка, «эти строчки на белизне бумаги предсказывали, что случится потом на белизне простыней»[7]. «Дорогой друг, – не перестает твердить Белль, – никто не должен об этом знать, кроме нас двоих. Думаю, у нас будет еще много секретов, правда? Между нами будет много такого, что доставит нам удовольствие. Зачем знать об этом другим? Дорогой, я знаю: ты будешь здесь счастлив».

Последние строчки, учитывая, какое будущее Белль готовила Хельгелейну на самом деле, свидетельствуют об ее изощренном коварстве и садистском удовольствии, которое она получает, играя в кошки-мышки со своей жертвой. Ганнесс напоминает «дорогому другу», что во время путешествия нужно особенно следить за деньгами: «Ты человек опытный и знаешь, как много жуликов и ловкачей, на какие уловки они способны, чтобы обобрать человека до нитки. Они способны на любое преступление – только бы не работать. Мой друг, держись от

таких людей подальше».

В начале декабря 1906 года Хельгелейн сообщает, что не сможет переехать в Ла-Порт, как они рассчитывали. Четырнадцатого числа Белль посылает ответное письмо. «Мой дорогой, ты не представляешь, как я расстроилась, когда узнала, что ты решил остаться и не приедешь на Рождество. Кому же достанется норвежская треска и кремовый пудинг? Кто будет наслаждаться развлечениями, которые я спланировала?»

Несмотря на разочарование, Белль продолжает уверять Хельгелейна, что все еще терпеливо ждет его приезда. «Нет на свете человека, который в моих глазах был бы выше тебя, – пишет она, – и так будет до тех пор, пока ты не приедешь». Со своей обычной расчетливостью в конце письма она рисует идиллическую картину, перед которой, конечно же, не сможет устоять холостяк, коротающий одиночество на неустроенной ферме в Дакоте: «Если бы ты был здесь и сидел в кресле-качалке, мы бы с тобой разговаривали. А потом я бы принесла тебе плодового вина, которое делаю сама. Но ты сможешь его попробовать, только когда приедешь».

Вскоре после Нового года Хельгелейну из Норвегии пришло известие о смерти матери. 12 января 1907 года Белль шлет Эндрю соболезнование и уговаривает утешиться сознанием, что на небе мать будет вознаграждена, так как «ее призвал к себе Бог».

Конечно, Белль понимает, «какие крепкие узы связывают детей и родителей», но советует «склониться перед мудростью Господа, потому что когда-нибудь все встретятся на небесах». «В этом грешном мире надо стараться жить как можно лучше, – увещевает она. – И не стоит оплакивать мертвых, потому что их ждет счастье и покой».

Лучшее утешение тем, кто потерял близкого человека, уверяла она, – постараться забыть об усопшем и жить «для живых, делая для них все возможное».

Наступила весна. Белль понимала, что у Хельгелейна больше нет причин тянуть с переездом, и усилила натиск. Теперь она называла его не просто «дражайший друг», а, неустанно заполняя страницы писем розовыми картинами их будущей совместной жизни, величала «самым дорогим и преданным другом в целом мире».

В апреле она пишет: «Я жду тебя. Когда ты приедешь, появятся телята, поросята, цыплята и котята. Правда, мило? Я вожусь с ними, как с домашними питомцами, и они меня тоже

очень любят».

Через несколько недель она радостно сообщает, что, готовясь к приезду партнера, «ремонтирует комнаты». Когда ремонт закончится, все «будет удобно и красиво», и она надеется, что он «приедет, и ему дом тоже понравится». «Мы заживем так уютно, – обещает Белль, – будем есть домашний пирог, пить крепкий кофе с кремовым пудингом и другими сладостями. Потом станем разговаривать, разговаривать – до изнеможения. Дорогой друг, это будет нам наградой за долгое ожидание. Если б ты только знал, как много я хочу тебе рассказать, как хорошо нам будет вместе».

Хельгелейн, очевидно, обещал Ганнесс, что летом 1907 года он наконец пожалует в Ла-Порт, но приезд был опять отложен. Той осенью она впервые дает волю раздражению.

«Уже 25 сентября, заканчивается последний год моего ожидания, если ты вообще когда-нибудь приедешь, – сетует она. – Я знаю, тебе можно верить, поэтому ждала тебя долго и преданно, но в одиночестве так трудно, и опять пришла осень. Целый год я управлялась с хозяйством без постоянной помощи, все ждала тебя, а ты только обещал, обещал и, похоже, так никогда и не соберешься приехать ко мне».

Продолжая уверять Эндрю, что он «самый дорогой и преданный друг в целом мире», в конце письма она выдвигает что-то вроде завуалированного ультиматума: «Как можно быстрее определись, что ты на самом деле собираешься делать. В следующем письме доставь мне радость и сообщи, что ты скоро приедешь. Тогда я буду счастлива, что нашла самого лучшего друга на свете».

Ответ Хельгелейна, как и его другие письма, не сохранился. Но из последнего сохранившегося письма Белль становится ясно, что он серьезно отнесся к ее предупреждению и заверил, что долгому ожиданию скоро придет конец.

«Молю тебя, поторопись, – напишет миссис Ганнесс 2 декабря. – Я так за тебя волнуюсь, ты мой единственный друг. Каждый день я жду сообщения о твоем приезде. Организуй все так, чтобы обратно больше не возвращаться».

Прошел еще месяц, прежде чем Эндрю Хельгелейн выполнил обещание. В начале января 1908 года он наконец прибыл в Ла-Порт.

Глава 8
Соперник

В пятницу 3 января 1908 года на ферму приехал дородный мужчина в долгополой косматой шубе. С этого момента счастливая жизнь Рэя Лэмфера – батрака, плотника и любовника Белль Ганнесс – дала трещину. На следующий же день хозяйка заявила, что сам он должен «идти спать в амбар», а комнату освободить для гостя[1].

На рассвете Рэй пришел в дом, чтобы, как обычно, затопить печь в гостиной и согреть комнату к завтраку. Он уже почти закончил работу, как вниз спустился новоприбывший. Между мужчинами завязался разговор, но тут появилась Белль и сердито приказала Рэю уйти. Как он свидетельствовал позже, она «напустилась на меня и приказала оставить гостя одного».

Очевидно, с появлением норвежского фермера из Южной Дакоты отношения Белль и Рэя сразу же изменились. «Раньше мы все время были вместе, она приходила ко мне по ночам, – рассказывал он, – а когда он приехал, я стал ей не нужен»[2].

Утром 6 января, в понедельник, перед Фрэнком Дж. Питнером – кассиром ла-портовского отделения Первого национального банка – появилась Белль Ганнесс в сопровождении широкоплечего мужчины. Человек в меховом пальто представился мистером Хельгелейном и, предъявив три сертификата, выданных Первым национальным банком в Абердине, Южная Дакота, сказал, что хочет их обналичить. Когда Питнер объяснил, что для получения наличных сертификаты придется отправить в тот банк, который их выпустил, миссис Ганнесс поинтересовалась, сколько времени это займет.

– Четыре-пять дней, – ответил Питнер.

Хельгелейн воспринял его ответ совершенно спокойно, а Ганнесс не могла сдержать раздражения. По свидетельству одного историка, «она настаивала, спорила, но так как наличных все равно не было, Белль и ее спутник наконец ушли»[3].

Одиннадцатого января банк в Ла-Порте получил заказанные деньги, но Ганнесс и ее спутник появились только через три дня. Питнер заметил, что, по-видимому, срочность в деньгах отпала, но посетители объяснили задержку болезнью Хельгелейна.

Принимая во внимание величину суммы – 2839 долларов (или 75 000 по современным меркам), кассир предложил

выписать банковский чек. Хельгелейн было согласился, но Ганнесс настояла, чтобы он взял все наличными. Питнер, отсчитывая деньги (половину – золотыми монетами, половину – банкнотами), поинтересовался, что Хельгелейн собирается с ними делать.

– Не лезьте не в свое дело! – рявкнула миссис Ганнесс и, взяв компаньона под руку, увела его из банка[4].

В тот же день, во вторник, 14 января, Белль отправила Рэя Лэмфера в другой город. Она сказала, что они с кузеном – его зовут Джон Моу – договорились о покупке лошадей, и Лэмфер должен встретить того в Мичиган-Сити, где и состоится торг. Если по какой-то причине Моу до вечера не приедет, Лэмферу предписывалось провести там ночь и встречать кузена Джона на следующее утро.

В пять часов вечера Лэмфер отправился в Мичиган-Сити. Для компании – ехать от Ла-Порта предстояло двенадцать миль – Рэй прихватил с собой приятеля, возницу пивного фургона. Звали друга Джон Рай. Когда они прибыли на конюшню – место предполагаемой сделки, Джона Моу там не оказалось. Лэмфер с приятелем сначала коротали время в таверне, потом посмотрели дешевый водевиль.

Около восьми они опять наведались в конюшню, после чего, вопреки приказу хозяйки, Лэмфер решил вернуться. В пятнадцать минут девятого молодые люди сели в междугородный поезд и через час оказались в Ла-Порте.

Лэмфер решил «посмотреть, что старуха затеяла», о чем и сказал другу. Обещая прийти позже в салун Смита, Лэмфер скрылся в темноте, в направлении фермы Ганнесс. Джон ждал приятеля в баре целый час, но Лэмфер так и не пришел [5].

Что касается Эндрю Хельгелейна, его живым никто больше не видел.

Глава 9
Конец игры

Собираясь в Ла-Порт, Хельгелейн последовал не всем добрым советам, которые получил от «самой преданной подруги на свете». Например, он не стал забирать из банка все деньги и, зашив в нижнее белье, везти в Ла-Порт. В то же время он согласился, что лучше об их отношениях никому не рассказывать и что волнующий план вместе начать новую жизнь стоит сохранить в тайне. В результате, отправляясь в Индиану, он не сказал брату Асле, куда едет, а сообщил только, что «через неделю точно вернется домой»[1].

Прошло десять дней, и, не получив вестей от брата, Асле забеспокоился. Решив, что Эндрю, возможно, поехал навестить Минни Кон, их знакомую из Миннеаполиса, Асле послал ей письмо. Она подтвердила, что Эндрю заходил к ней и пробыл «около часа»[2]. «Мне странно, что он не вернулся домой», – ответила Минни.

Джон Хульт, батрак, которого Эндрю нанял приглядывать за скотом, тоже начал волноваться из-за отсутствия хозяина. Осматривая его жилище и пытаясь понять, куда же тот уехал, Хульт наткнулся на пачку писем и немедленно передал их Асле. Под каждым письмом стояла подпись: «Белла Ганнесс»[3].

Что точно произошло 3 февраля 1908 года между Белль и Лэмфером, неизвестно. Одни газеты писали, что Белль его уволила, другие, что он сам ушел, так как хозяйка недоплатила ему за работу[4]. Ясно одно: они поссорились, и, не взяв ни своих вещей, ни плотницких инструментов, Рэй спешно покинул ферму. Меньше чем через неделю его комнату на втором этаже занял новый работник – Джозеф Максон.

Лэмфер же обратился к местному адвокату, который посоветовал Рэю вернуться на ферму, потребовать свои вещи и причитающиеся ему деньги. Если же миссис Ганнесс откажет, сообщить ей, что он уже подготовил против нее иск с целью возврата незаконно удерживаемой собственности. Лэмфер последовал совету адвоката, однако Белль ничуть не испугалась. Она не только выгнала Рэя, но и немедленно написала несколько писем шерифу округа Альберту Смутцеру. Она жаловалась, что уволенный батрак ее терроризирует. В следующем месяце, заметив Лэмфера около фермы, Ганнесс потребовала задержать его за вторжение на ее земельный участок. Суд состоялся 13

марта, защитника у подсудимого не было, и мировой судья С. Е. Гроувер, признав Рэя Лэмфера виновным, присудил ему один доллар штрафа и компенсацию всех судебных издержек[5].

Тем временем Асле Хельгелейн обратился к ла-портовскому почтмейстеру и, получив подтверждение, что в городе действительно проживает особа по имени Белль Ганнесс, в середине марта написал ей письмо. «Вы хотите знать, где находится ваш брат? – последовал ответ. – Я тоже хотела бы это знать, так что помочь вам ничем не могу». Если верить ее странному письму, Эндрю поехал искать своего второго брата, карточного шулера, еще в январе сбежавшего из Абердина. Не найдя брата в Миннеаполисе, Эндрю ненадолго остановился в Ла-Порте, а потом двинулся дальше. «Эндрю надеялся разыскать его в Чикаго или в Нью-Йорке, – писала миссис Ганнесс. – Еще он говорил, что поедет в Норвегию, где, скорее всего, брат и укрылся».

По словам миссис Ганнесс, Эндрю, прибыв в Чикаго, прислал ей письмо и просил не писать ему, так как он «начинает поиски брата», не знает, где окажется, и позже сам выйдет на связь. С тех пор Белль об Эндрю ничего не слышала.

«Сама каждый день жду весточки и добавить ничего больше не могу», – завершала она письмо[6].

Белль отправила письмо Асле Хельгелейну 27 марта, а на следующий день подписала под присягой заявление, что Рэй Лэмфер – душевнобольной.

Заполняя бланк с отпечатанными вопросами, она утверждала, что «первые признаки душевного расстройства» заметила у Лэмфера в декабре 1907 года. Тогда он сказал ей «такое, чего никогда не было и быть не могло». На вопрос, не замечала ли она за Рэем необычных проявлений, Белль ответила твердо: «Замечала. Он приходит к моему дому каждую ночь, в самое разное время, заглядывает в окна и совершает всякие безобразия». И хотя Лэмфера раньше уже оштрафовали за домогательство, он «не унимался», особенно в пьяном виде. В опросном листе она отметила характерные черты личности Рэя Лэмфера: мрачность, замкнутость, назойливость, скрытность, тупость, грубость, развратность, преступные наклонности и пристрастие к алкоголю.

К заявлению Белль было приложено заключение доктора Боуэлла. Врач, напротив, душевнобольным Лэмфера не считал. За последние пять лет доктор несколько раз выписывал Рэю лекарства, но ни разу не лечил его от психических заболеваний.

Чтобы проверить заявление Ганнесс, назначили комиссию из

трех врачей. Они обследовали Лэмфера и пришли к следующему выводу: «Пациент не возбужден, одет чисто и аккуратно. Несколько нервозен. Нарушений долговременной и кратковременной памяти нет. Речь связная и разумная. Рэй Лэмфер психическим расстройством не страдает»[7].

Не добившись признания Рэя сумасшедшим, в начале апреля Ганнесс опять потребовала ареста бывшего работника. Суд был назначен на пятнадцатое, а незадолго до этого дня опять пришел запрос от Асле Хельгелейна. Он просил показать то письмо, которое она якобы получила от Эндрю из Чикаго.

Белль ответила, что не может этого сделать, так как письмо украл некто Лэмфер, бывший работник. Он начал творить такие странные вещи, что в конце концов его арестовали. Три врача обследовали Лэмфера, но не нашли достаточных оснований, чтобы уложить его в лечебницу. Парень, конечно же, не в своем уме. Сейчас он на свободе, но на следующей неделе состоится суд. «В одном я уверена, – писала Белль, – это он взял письмо Эндрю. Мне говорили, что Лэмфер ревнует. Поэтому и вредил мне, как только мог».

На втором суде интересы Лэмфера представлял адвокат Уирт Уорден. Он попросил перенести слушания в близлежащий городок Стилвелл. Там, в среду, 15 апреля, под председательством судьи Роберта Кинкейда и состоялось заседание.

Во время перекрестного допроса, пытаясь подорвать доверие к Белль, Уорден действовал очень напористо:

– Ваш муж, Питер Ганнесс, умер внезапно, не так ли?

Неожиданно выступил прокурор Ральф Смит:

– Протестую!

– Правда ли, что жизнь вашего мужа была застрахована на довольно значительную сумму? – продолжал Уорден.

– Протестую!

– Вы получили страховую премию?

– На этот вопрос вы не должны отвечать, – все больше распаляясь, заверил свидетельницу Смит.

Но Уорден не отступал:

– Миссис Ганнесс, как все-таки мясорубка и котел с горячим рассолом могли упасть на голову мистера Ганнесса?

Смит, красный от возмущения, вскочил на ноги и выразил решительный протест против запугивания свидетельницы и оскорбления беззащитной женщины.

Адвокат продолжал расспрашивать, как все произошло, была

ли у первого мужа страховка на случай смерти и получила ли вдова по ней деньги. Смит горячо опротестовывал каждый вопрос, и судья Кинкейд его поддерживал. Тогда, пытаясь надавить на Ганнесс, Уорден спросил, не было ли предложений, ввиду подозрительных обстоятельств смерти Соренсона, эксгумировать его тело. Ведь ходили слухи, что он был отравлен. Тут Смит дал волю ярости:

– Я категорически протестую! Это не имеет никакого отношения к делу Лэмфера, которое слушается сегодня. Требую положить этому конец. Миссис Ганнесс, – продолжил прокурор, повернувшись к свидетельнице, – вы поступили правильно, изгнав этого человека из своего дома!

Судья согласился, что вопросы далеки от рассматриваемого дела, и заявил, что, по его мнению, Уорден может свидетеля отпустить. Белль собралась было уйти, как прозвучал еще один вопрос:

– Минуточку! Миссис Ганнесс, а когда вернется домой ваша дочь Дженни Олсон?

Судья немедленно предупредил Уордена, что тот «отнимает время не относящимися к делу вопросами».

Белль, сохранявшая до того момента невозмутимое спокойствие, вдруг разволновалась. Кинкейд не нашел в ее реакции ничего необычного. Порядочной женщине тяжело выслушивать подобные намеки. Вскоре он, правда, придет к совсем другому выводу: острые вопросы Уордена наложились на страх, вызванный письмами Асле Хельгелейна о брате, и она испугалась разоблачения[8].

Лэмфера признали виновным и присудили штраф – пять долларов, а также возмещение судебных издержек. Таким образом, ему нужно было заплатить 19 долларов и 1 цент. Расходы взял на себя фермер Джон Витбрук, у которого Рэй в то время работал. Но Белль не оставила в покое бывшего батрака и отставного любовника. Меньше чем через неделю за проникновение на ее участок Лэмфера опять арестовали[9].

Его поместили в окружную тюрьму, а Белль в это время получила еще одно встревоженное письмо от Асле Хельгелейна. Отвечая 24 апреля, она пишет, что сама хотела бы знать, где Эндрю, обещает «рассказать все, что ей известно» и опять повторяет все, что писала раньше, добавляя некоторые незначительные подробности. Когда точно Эндрю прибыл в Ла-Порт, она не помнит, но это случилось 15 или 16 января. Вот ее ответ:

Моя дочка отвезла его на станцию. Он поехал в Мичиган-Сити. Городок находится в двенадцати милях от Ла-Порта, и Эндрю хотел его посмотреть. На ферме он провел всего один день, а на следующий, в час дня, уже покинул Ла-Порт.

Через два или три дня пришло письмо из Чикаго. Эндрю разыскивал там брата, но не нашел. Если брат не найдется, Эндрю поедет в Нью-Йорк, чтобы выяснить, не отплыл ли тот в Норвегию. Я думаю, что в этом случае он тоже отправится в Норвегию. Как я уже вам сообщала, Эндрю просил на это письмо не отвечать, пока сам не напишет, где остановится и куда посылать ответ. Письмо пришло утром, я прочла его и оставила в кухне, на буфете, а сама пошла доить коров. Когда вернулась, письмо уже исчезло. Там был Лэмфер, он, наверное, его и взял.

Не понимаю, почему от Эндрю так долго нет вестей. Может, как вы предположили, он попал в переделку и не хочет, чтобы мы об этом знали. Странно, что он мне не пишет. Я больше чем уверена: то письмо взял Лэмфер. И все равно не могу понять, почему Эндрю не пишет вам.

Отвечая Асле, который решил приехать в Ла-Порт на поиски брата, Белль уверяет, что готова на любую помощь, хотя и не знает, «что может для этого сделать».

Письмо ушло адресату, а на следующий день Рэя Лэмфера опять задержали. По свидетельству миссис Ганнесс и ее одиннадцатилетней дочери Миртл, бывший работник снова проник на ферму. А несколькими днями раньше его застали в загоне для свиней. Мать и дочь были в нескольких шагах, когда Лэмфер на их глазах «хладнокровно перерезал проволоку, вырвал столб забора и, убегая, унес его с собой»[10].

На этот раз для защиты обвиняемого Уирту Уордену удалось найти двух свидетелей. Эти «уважаемые жители округа» поклялись, что в день, когда Рэй якобы покушался на собственность госпожи Ганнесс, «он был в шести милях от города, в доме Джона Витбрука, и никак не мог в то же время находиться на ее ферме». Лэмфера оправдали, а Белль присудили возмещение судебных издержек.

Берта Шульц, продавщица из продовольственного магазина с Мэйн-стрит, «куда часто заходила миссис Ганнесс», позже рассказывала, что на последней неделе апреля Белль выглядела

подавленной. Когда мисс Шульц поинтересовалась, чем она расстроена, Белль пожаловалась на Лэмфера, который «ее все время изводит», ведет себя нагло, как будто знает о ней что-то плохое.

На следующий день она опять пришла в магазин и опять жаловалась на бывшего работника. «Ганнесс опасалась, что он подожжет дом и всех их убьет», – не раз повторяла потом Берта Шульц[11].

Глава 10
27 апреля 1908 года. Понедельник

Джозеф Максон, нанятый вместо Лэмфера, говорил впоследствии, что в тот день Белль не пустила девочек в школу. Правда, их учительница, мисс Керри Гарвуд, рассказала совсем другую историю:

> *Утром 27 апреля я заметила, что дочери миссис Ганнесс пришли на уроки подавленные, с опухшими от слез глазами.*
>
> *Я позвала Миртл, хотела узнать, что случилось. Девочка ответила, что их избила мать. Я очень удивилась, ведь с таким раньше никогда не сталкивалась. Стала расспрашивать. Миртл рассказала, что они перед школой полезли играть в погреб, а миссис Ганнесс бросилась на лестницу, не дала им спуститься, вытащила наверх и поколотила.*
>
> *«Убирайся отсюда! – крикнула она старшей. – Не суй свой нос куда не просят!»*
>
> *Тогда я спросила у девочки, не запрещалось ли им входить в погреб. Она ответила, что запрещалось, но они забыли*[1].

В тот же день, позже, Белль запрягла лошадь и направилась в город. Вначале ее повозка остановилась около адвокатской конторы Мэлвина Лелитера. Чуть не плача, она пожаловалась, что боится Рэя Лэмфера, который грозит сжечь ее «вместе с домом».

Лелитер посоветовал просто выпустить в обидчика «заряд дроби», чтобы не являлся больше на ферму без приглашения. Но Белль предложение отклонила. Она пришла написать завещание, чтобы, если что-то случится, «оставить дела в полном порядке».

Следуя указаниям миссис Ганнесс, Лелитер подготовил документ. Все «движимое и недвижимое имущество» она завещала своим детям: Миртл Адолфине Соренсон, Люси Бергьют Соренсон и Филиппу Александру Ганнессу. Если кто-то из детей умрет раньше матери, имущество разделят оставшиеся. Если же все трое умрут раньше, чем миссис Ганнесс, все ее имущество должен унаследовать чикагский приют для норвежских сирот [2].

Когда завещание было оформлено и подписано, Белль отнесла его в отделение государственного банка и вместе с наличными – 730 долларов – оставила на хранение в ячейке [3].

Затем она заехала в магазин, где, купив торт, конфеты и

игрушечный поезд, сказала продавщице Мари Фарнхейм, что хочет устроить детям маленький праздник.

– У кого-то день рождения? – поинтересовалась Мари.

– Нет, просто хочу им сделать небольшой сюрприз, – последовал ответ [4].

Последним пунктом той поездки был универмаг Джона Минича, где, по рассказам приказчика Джорджа Вейза, она купила «очень много продуктов» и, кроме того, два галлона керосина. Посуды у женщины не было – сказала, что не смогла дома найти бидон, – поэтому горючее ей отдали в пятигаллонной канистре хозяина магазина.

Она провела там уже около пятнадцати минут, когда появился Рэй Лэмфер. Он пришел купить пачку жевательного табака. По словам Вейза, Ганнесс и бывший работник даже не кивнули друг другу. Лэмфер просто стоял у прилавка и ждал, когда она расплатится. Потом он вышел за ней из магазина и не сводил с нее глаз, пока она не отвязала лошадь и не уехала[5].

Белль вернулась домой в 17:30. Джо Максон помог ей выгрузить покупки, поставил канистру под лестницей черного хода.

Через час все, включая Джо, сели за стол. Ели бутерброды, вяленую говядину, лосося и картошку с бифштексом. «Аппетит у всех был прекрасный, – вспоминал Максон, – мы съели по две порции мяса и много печенья с джемом».

После еды, убрав со стола, все пятеро – Максон, Белль, Люси, Миртл и Филипп – стали играть в гостиной в разные игры. По воспоминаниям работника, хозяйке больше всего нравились «Красная Шапочка и Лиса». Когда «плохой» Лисе удавалось поймать Красную Шапочку, миссис Ганнесс принималась «горько плакать».

В 20:30 Максон захотел спать. Пожелав всем спокойной ночи, он ушел наверх. Последнее, что он видел – миссис Ганнесс сидит на полу в окружении детей. Они играли с купленными днем «паровозиком и вагончиками»[6].

Часть 2
Ферма смерти

Глава 11
Пожар

Джо Максона разбудил сильный запах подгоревших пирожков. Спросонья Джо решил, что миссис Ганнесс уже поднялась и хозяйничает на кухне. Закашлявшись, он проснулся окончательно. Комната заполнилась дымом.

Выскочив из кровати, Максон распахнул окно, выглянул наружу и остолбенел: весь дом был охвачен пламенем. Надев башмаки, батрак принялся выбивать дверь на хозяйскую половину, где спали Белль и дети. «Горим!» – закричал было Джо, но из-за дыма было невозможно дышать.

Максон натянул комбинезон, схватил ранец, кое-какие вещи и по черной лестнице сбежал вниз. Спасая свои пожитки, он бросил их в каретном сарае, в пятидесяти шагах от дома, и кинулся обратно. Молодой человек опять попытался пробраться в свою комнату, поднялся на второй этаж, но огонь выгнал Максона на улицу.

Джо попытался вышибить входную дверь, но она не поддалась. Тогда батрак принес из сарая топор и стал ее рубить. Вдруг над головой раздался страшный треск, и горящая крыша проломила потолок в комнате Максона, где всего несколько минут назад он крепко спал[1].

Майкл Клиффорд уходил на работу на рассвете, и его жена Элла, как всегда, проснулась в четыре утра, чтобы приготовить мужу завтрак. Увидев из окна кухни горящий дом, миссис Клиффорд разбудила сына-подростка, и Уильям, как вспоминал он позже, оседлав велосипед, помчался к ферме Ганнесс, чтобы «разбудить тех, кого еще можно было спасти».

Уильям подъехал как раз, когда Максон ударил топором по входной двери. Подбежав, мальчик заглянул внутрь, но не увидел ничего, кроме пламени[2].

Тем временем миссис Клиффорд подняла мужа и зятя, Уильяма Хамфри. Прибыв к дому Ганнесс, они увидели Джо Максона, державшего в руке теперь уже бесполезный топор.

– Где они спят? – Хамфри пытался перекричать шум пожара.

Джо показал два окна на втором этаже, и Хамфри, подобрав с земли обломки кирпичей, запустил их в окна. Сквозь разбитые стекла вырвалось пламя, но изнутри никто не отозвался.

– Есть лестница? – спросил он.

Максон бросился за ней в дровяной сарай. Установили лестницу, Майкл и его сын удерживали ее, а Хамфри взобрался на второй этаж, к разбитому окну. В углу комнаты он увидел пустую кровать. По его словам, на ней не было ни тел, ни постели – только матрас. Сквозь пол пробивалось пламя.

Мужчины сдвинули лестницу ко второму окну, Хамфри опять забрался наверх, опять заглянул в комнату и опять увидел ту же картину, что и в первой спальне. Он хотел залезть внутрь, но решил не рисковать, так как «уже загорелся пол»[3].

Хамфри послал Майкла Клиффорда к жившему по соседству Дэниелу Хатсону. Тот вспоминал потом, что кто-то так колотил в дверь, словно собирался ее выломать. Шатаясь, Хатсон в ночной рубахе подошел к двери и спросил, что случилось.

– Ты так и будешь спать, пока твои соседи не сгорят дотла? – кричал Клиффорд, указывая на участок миссис Ганнесс.

Хатсон увидел, что «весь дом полыхает, и вокруг светло как днем».

Майкл побежал обратно, а Дэниел – «полуодетый, даже не завязав шнурки ботинок», – помчался к горящей усадьбе. «Когда я прибежал, – вспоминал он позже, – все было охвачено огнем. Нетронутым оставался только юго-восточный угол, где сильный ветер сбивал пламя. Весь дом представлял собой сплошной костер, а восточная стена могла рухнуть с минуты на минуту».

Хатсон сразу понял, что ни он, ни другие соседи ничего сделать не смогут.

– Надо сообщить шерифу, – сказал он Максону.

Тот немедленно вывел из конюшни одну из четырех лошадей. «Лошадь была напугана, – вспоминал Дэниел, – но мы втроем запрягли ее в повозку, и Максон помчался в Ла-Порт»[4].

Когда Максон прибыл к тюрьме, часы на башне показывали пять утра. Дежурный – заместитель шерифа, Уильям Энтисс, выслушав Джо, повел его к жившему неподалеку шерифу Смутцеру.

В облике шерифа, несмотря на ковбойскую манеру носить на бедре шестизарядный револьвер, было что-то франтовское. На самой известной газетной фотографии мы видим круглолицего мужчину с аккуратно подстриженными усами, элегантно одетого – трикотажный свитер с высоким воротом, прекрасно сидящий шерстяной пиджак, сдвинутая на затылок кожаная кепка. Передвигаться Альберт Смутцер тоже любил стильно. Его красный «Форд», разъезжавший по улицам города, резко выделялся на фоне конского транспорта соседей[5].

Усадив Энтисса на пассажирское место, Смутцер повел машину к ферме Ганнесс. Максон поехал следом. Когда они прибыли на место, от дома остались только три полуразрушенные стены. «Нечего было и думать, – писал один хроникер, – чтобы осматривать место происшествия, пока не погаснет пламя». Смутцер организовал команду волонтеров, которые «стали водой из ведер поливать горящие обломки и остатки кирпичных стен»[6].

К этому времени собралось до пятидесяти зевак, вскоре их стало уже несколько сотен. Среди них оказался и Гарри Дарлинг, редактор газеты «Аргус-бюллетень» – одной из двух, ежедневно выходивших в Ла-Порте. В тот день это издание положило начало потоку сенсационных публикаций, который, не спадая несколько месяцев, захлестнул всю страну.

Заглавие было выдержано в мелодраматическом ключе: «Загадочный дом превратился в дом ужасов».

> Раньше этот дом был окутан тайной. Сегодня перед нами погребальный костер. Мы все помним трагедию бесследного исчезновения мужа и отца, а сегодня в катастрофическом пожаре сгорели вдова и дети. <…> Лишь три уцелевшие стены – огонь уничтожил дом за час – стали мрачными свидетелями разрушительной работы пожара[7].

Хотя пожар начался еще затемно, раскаленный воздух не давал спасателям приблизиться к дымящимся руинам. Добровольцы, выстроившись в живую цепь до ближайшего озера, из рук в руки передавали ведра с водой для охлаждения развалин. Около дверей погреба запах гари был такой сильный, что мужчины заподозрили поджог. Среди зевак пополз слух: Ганнесс, «помешавшись» от выпавших на ее долю несчастий, сама подожгла дом. «Она, – писал Дарлинг, – в состоянии депрессии спланировала эту душераздирающую катастрофу и осуществила задуманное»[8].

Однако шериф и те, кто слышал о вражде между Белль и Лэмфером, думали иначе. И Дарлинг не замедлил сообщить читателям мнение официальных лиц: дом из ревности поджег бывший работник. Смутцер немедленно послал двух помощников отыскать подозреваемого. Когда печатался дневной выпуск газеты, местоположение Рэя еще установить не удалось. Поэтому Дарлинг утверждал, что «следов возможного поджигателя не обнаружено. Он исчез».

А тем временем начались другие поиски. Вооружившись кирками и лопатами, десяток мужчин во главе с шерифом принялись разгребать руины сгоревшего дома, чтобы найти хоть

какие-нибудь следы его пропавших жителей, обнаружить «доказательства, что эти четверо действительно сгорели»[9].

Глава 12
Находки

В двух милях от фермы Ганнесс, неподалеку от проложенной по берегу озера Мичиган железнодорожной ветки, располагалось передовое учебное заведение. Школу, где учились тринадцать мальчиков, от девяти до восемнадцати лет, в сентябре 1907 года основал один из самых уважаемых жителей Ла-Порта – доктор Эдвард Рамели. Как объяснял он в одном интервью, задача школы – воспитать «самостоятельных, инициативных и смелых молодых мужчин, способных на великие дела. Они не станут преклоняться перед прошлым и в будущем, заняв ответственные посты, смогут достойно проявить себя во благо великой промышленной республики»[1].

Одним из первых, кому, по замыслу Рамели, предстояло сделать блестящую карьеру предпринимателя, гражданского активиста и покровителя изящных искусств, в школу был зачислен Картер Хью Мэнни. Юноша – в день пожара ему не было и семнадцати – оставил воспоминания о событиях 28 апреля 1908 года. В неопубликованных мемуарах Мэнни писал, что в четыре утра его разбудил соученик – «Пузя» Уошберн. Окно в его комнате выходило на север, прямо на усадьбу Ганнесс. Уошберн сказал, что в двух милях бушует «страшный пожар». Через несколько минут все комнаты учеников обошел доктор Рамели. Он позволил мальчикам, если пожелают, не ложиться спать и наблюдать за пожаром, но ни в коем случае не покидать школу.

Пытаясь выяснить, что происходит, директор пошел звонить по телефону, а Мэнни с Уошберном, распахнув большое окно в его спальне, смотрели на горящую усадьбу. «По-видимому, полыхал фермерский дом, – записал Мэнни, – потому что пожар длился почти два часа. Сарай сгорел бы гораздо быстрее».

Когда рассвело, Рамели сообщил ученикам, что пострадала ферма вдовы Ганнесс. Тогда они в первый раз услышали это имя. Утренние занятия директор отменил и разрешил мальчикам сходить на место происшествия с условием «к полудню обязательно вернуться в школу». Вот как описал события Картер Мэнни:

> *После завтрака мы все бросились на ферму. То, что мы увидели, нас поразило: там были два полицейских из Ла-Порта и шериф с помощниками – все в униформе; на помощь пожарным-добровольцам из Ла-Порта прибыл*

вагон-цистерна с водой. На некотором удалении поставили отдельный навес для газетчиков, где собралось несколько человек из Мичиган-Сити, Ла-Порта и Саут-Бенд. Вскоре приехали репортеры из Чикаго, Индианаполиса и других городов, так как железнодорожный телеграф уже разнес весть о небывалом пожаре.

От прекрасного дома остались только «жуткие черные стены». Мэнни видел, как пожарные под началом Томаса Хорвелла, вооружившись лестницами, веревками и крюками, ломали стены. Нужно было обезопасить от падения обломков тех, кто будет разбирать завалы: когда команда Хорвелла справилась со стенами, несколько мужчин во главе со Смутцером начали раскапывать единственное уцелевшее помещение – подпол, похожий, по описанию Мэнни, «на открытый колодец»[2], а пожарные продолжали водой из ведер охлаждать дымящиеся руины.

Вскоре, после короткого перерыва на завтрак, к добровольцам опять присоединился Уильям Хамфри. По наблюдениям одного репортера, работа «продвигалась с большим трудом. Из раскаленных развалин все время вырывались дым и пар». Проработав несколько часов, мужчины не нашли ничего, кроме «постельных принадлежностей, кроватей, старого пистолета и еще кое-каких вещей». К середине дня раскопали почти весь подвал, но, как ни странно, тел нигде не было[3].

Оставалось разобрать только юго-восточный угол. Примерно в 15:45, как вспоминал Уильям Хамфри, его лопата уткнулась «во что-то мягкое».

Он позвал находившегося рядом шерифа, и они вдвоем стали осторожно копать дальше. Вокруг сгрудились остальные. Через несколько минут Хамфри, отставив лопату, воскликнул: «Они здесь!»[4].

Жители Ла-Порта узнали о жутких последствиях пожара уже через несколько часов, так как Гарри Дарлинг успел поместить на первую полосу своей ежедневной газеты два предложения. Он поспешил объявить, что «найдены тела всех погибших – матери и ее детей. Мать, тесно прижав их к себе, очевидно, пыталась вместе с ними вырваться из горящего дома»[5].

На следующий день Дарлинг опубликовал еще более подробную и душераздирающую историю. Тело Филиппа Ганнесса – «младшего из троих невинных детишек» – меньше всех

пострадало от огня, и это, как писал Дарлинг, «свидетельство героических, но безуспешных усилий матери спасти свое чадо»:

> Разбуженная звуками пожара и запахом удушливого дыма, мать, подчиняясь инстинкту, укутала дитя стеганым одеялом. Она хотела защитить сына от ночного холода, когда они выберутся из дома. Это одеяло и сохранило тело мальчика.

Подогревая нездоровое любопытство читателей, Дарлинг не скупился на ужасающие подробности в описании детских останков. «Его лицо почернело, на лбу зияет рана, вероятно, от упавшего кирпича. Ноги обгорели до коленей, а открытый рот молчаливо свидетельствует о предсмертной агонии».

Описание сестер представляет собой такую же отвратительную смесь слащавой сентиментальности и бесстыдной сенсационности. «Тела девочек, чьи губы совсем недавно шептали слова вечерней молитвы о спасении души, не сохранили ни малейшего сходства с хранимыми Господом человеческими существами».

Используя отвратительные выражения типа «почерневшие и расчлененные» тела, Дарлинг писал, что «самое ужасное зрелище» представляли останки миссис Ганнесс. Ее тело – «бесформенная масса с костями, торчащими из нагой плоти». Отсутствие головы делало то, что осталось от миссис Ганнесс, еще более ужасающим. Очевидно, предположил Дарлинг, тело было «обезглавлено беспощадным огнем», однако череп – «единственное, что могло сохраниться от пропавшей головы», – пока не найден.

Четыре тела извлекли из руин и положили на деревянный настил в ожидании гробовщика Остина Катлера. Когда он прибыл, останки погрузили в катафалк и отправили в морг похоронного бюро[6].

По сообщениям «Аргус-бюллетень», только Дженни – падчерица миссис Ганнесс – избежала катастрофы, погубившей злополучную семью. Девушка сейчас находится в пути «из Калифорнии в Индиану, со дня на день прибудет в Ла-Порт и, возможно, сумеет пролить свет на это странное происшествие»[7].

Глава 13
Арест

Хотя первые публикации сообщали, что Лэмфер исчез, сам он в то утро работал на ферме Джона Витбрука. Там во второй половине дня и нашли Рэя помощники шерифа – Лерой Марр и Уильям Энтисс. Примерно за милю до фермы дорогу так развезло, что Марру пришлось выйти из машины и пройти это расстояние пешком. Он еще не успел подойти к дому, как открылась входная дверь и на пороге появился Лэмфер. Должно быть, он увидел полицейского в окно.

– Одевайся, поедем в город, – приказал Марр.

Если у него и были какие-то сомнения в причастности Рэя Лэмфера к трагедии, то первые же слова тщедушного батрака их полностью развеяли.

– Женщина и дети из дома выбрались?

На вопрос, откуда он знает про пожар, Рэй ответил, что проснулся в три утра – ведь «до фермы Витбрука топать шесть миль» – и когда шел мимо дома Ганнесс, заметил, что из окон и из-под крыши выбивался дым.

– Почему же ты не закричал?

– Решил, что меня это больше не касается, – ответил Лэмфер[1].

Рэя доставили в тюрьму и подвергли «допросу с пристрастием». В те времена это называлось «надавить на подозреваемого». Вопросы задавали шериф Смутцер, Марр, Энтисс и приехавший, узнав об аресте Лэмфера, прокурор округа Ральф Смит.

Хотя Лэмфер придерживался своих первоначальных показаний, он иначе объяснил, почему не поднял тревогу: боялся, что его самого обвинят в поджоге. Рэй сообщил также кое-какие подробности, о которых умолчал раньше, и умолял дознавателей никому не рассказывать, что ту ночь он провел в постели Элизабет Смит [2].

Общеизвестно, что в Америке начала двадцатого века, где были так популярны анекдоты «про негритят», музыкальные шоу чернокожих артистов и колыбельные песни нянюшек-рабынь, процветал расизм. Необходимо отметить, что во время описываемых событий в Индиане действовала самая большая в стране организация ку-клукс-клана. Она насчитывала 250 000

человек, то есть четверть от всех проживавших в штате белых мужчин[3]. Поэтому неудивительно, что местные газеты, упоминая Элизабет Смит, как и соседи, называли ее Черной Лиззи. По слухам, она родилась в семье рабов, перебравшихся после Гражданской войны из Виргинии в Индиану, и в юности эта «самая красивая негритянка штата» покорила сердца «многих молодых мужчин, причем не только чернокожих». Одним из любовников Лиз был «блестящий адвокат», от которого появилась на свет ее незаконнорожденная дочь. Через пятьдесят лет в Ла-Порте все еще рассказывали историю об удивительном завершении этой любовной связи: адвокат, предложив Элизабет 600 долларов на обучение девочки-мулатки, тем самым «признал свои прегрешения». А негритянка, «пытаясь привлечь к этой истории внимание горожан, прямо на площади, на глазах у толпы, принялась стегать бывшего любовника кнутом. Несчастный с трудом вырвался и нашел убежище в ближайшей аптеке»[4].

К моменту ареста Лэмфера от бывшей миловидности Элизабет Смит не осталось и следа. Худая, морщинистая, «в заношенном бесформенном платье и потрепанной черной шали», Элизабет в свои семьдесят походила на чучело. Ее ветхую лачугу соседские ребятишки считали жилищем ведьмы. Многие, став взрослыми, вспоминали, что «в ужасе старались пробежать мимо него как можно быстрее»[5].

Но, похоже, ни ее возраст, ни физические недостатки для Рэя Лэмфера – человека с весьма гибкими представлениями об идеале женской красоты – значения не имели. Отставленный мужеподобной Белль, он нашел приют в постели тощей старухи.

На следующий день после ареста Лэмфера женщина пришла в тюрьму и подтвердила его алиби. Отвечая на вопросы местных репортеров, она, правда, благоразумно опустила те скандальные подробности, о которых минувшим вечером сообщил на допросе сам подозреваемый. Вот ее рассказ:

> *Лэмфер пришел ко мне вечером в понедельник и попросил дать ему ночлег. Объяснил, что болен и у него нет денег. «Я бы заплатил, если б мог», – сказал Рэй и, посидев немного, уснул в кресле. Он проспал примерно полчаса. Потом Лэмфер встал и спросил: «Ты дашь мне комнату?» Я согласилась, и он пошел в пивную Смита что-нибудь поесть. Я поставила будильник на четыре тридцать, а Рэй перевел его на три тридцать. Будильник отзвенел, я слышала, поэтому пошла будить Лэмфера. А он спал сном праведника. Я сказала, что уже четыре. Тут*

Рэй вскочил и с криком «Боже, мне уже нужно быть у Витбрука!» убежал. С тех пор я Лэмфера до сегодняшнего дня не видела. Одно могу сказать точно: во вторник в четыре утра этот человек был в моем доме[6].

Свидетельство Элизабет Смит задержанному не помогло. Все газеты Среднего Запада именовали его маньяком и «одержимым пироманом», который «в диком отчаянии, что миссис Ганнесс его разлюбила» поджег ее дом. Поползли слухи, что Лэмферу грозит суд Линча. Газета «Кливленд плейн дилер» сообщала: «В Ла-Порте нарастает возбуждение, весь город взбудоражен. Толпа грозит Лэмферу расправой. Полиция усилила охрану тюрьмы»[7].

В тот вечер, проводя дознание, коронер Чарльз Мак опросил еще пятерых свидетелей: Джо Максона, Майкла и Уильяма Клиффордов, Уильяма Хамфри и Дэниела Хатсона. Присутствовали также прокурор Смит, шериф Смутцер, его помощники Энтисс и Марр. Записывал показания секретарь Моррисон и группа репортеров.

Свидетели нарисовали живую картину событий того рокового утра. Максон сообщил, что, когда он уходил спать, огонь в печи уже погас, а керосиновые лампы на ночь никогда не оставляли. Как заключил один газетчик, «показания Максона убеждают, что трагедия на ферме – дело рук какого-то поджигателя»[8].

Но самым драматическим газеты назвали сообщение Дэниела Хатсона, помогавшего выносить из завалов тела погибших. Когда шериф расспрашивал его об обнаруженных останках, Хатсон заявил, что головы у миссис Ганнесс не было, и он, «заглянув туда, где она должна соединяться с телом, увидел между плечами сердце». По крайней мере, он так думал. Женщина настолько обгорела, что наверняка он этого утверждать не мог[9].

Так как при повторном допросе «с пристрастием» добиться признания Лэмфера не удалось, шериф Смутцер прибег к другому популярному в то время средству. Рано утром в четверг его вывели из камеры, в наручниках посадили в автомобиль Смутцера и, сказав, что везут покататься, доставили задержанного в морг похоронного бюро Катлера. Как в своей обычной мелодраматической манере писал Дарлинг, подозреваемый «должен был смотреть на бренные останки женщины, которую он преследовал при жизни, и троих невинных детей, всего два дня назад весело игравших в доме, по воле рока превратившемся для них в погребальный костер».

– Боже! – простонал пораженный Лэмфер. Побледневшего

арестанта колотила дрожь.

– Итак, – сказал Смутцер, – это твоя работа. Что ты об этом думаешь?

– Ужасно, – пробормотал Рэй. Казалось, он едва держался на ногах.

Потрясенного Лэмфера отвезли в суд, где судья Гроувер предъявил ему обвинение:

> *В нарушение закона, порядка и спокойствия штата Индиана, 28 апреля 1908 года Рэй Лэмфер подготовил и осуществил поджог дома Белль Ганнесс. Он преступно, злонамеренно и по собственной воле путем поджога совершил умышленное убийство вышеупомянутой Белль Ганнесс, обгоревшей и погибшей в результате данного пожара.*

Рэй отказался признать себя виновным, и судья приказал оставить его под стражей без возможности освобождения под залог. Лэмфера отвели в камеру, где он должен был ждать заседания большого жюри окружного суда, назначенного на понедельник 11 мая 1908 года[10].

Тем временем мужчины, в надежде найти пропавшую голову женщины, продолжали разбирать завалы. Газета «Чикаго трибюн» вышла с заголовком: «Куда исчезла голова Белль Ганнесс?» Доктор Люсиус Грэй и другие врачи считали, что «трудно представить себе такое пламя, которое бы полностью испепелило ее череп». Расчистка подвала, однако, результатов не дала, и многие сочли этот факт доказательством последней общепринятой версии: Рэй Лэмфер не только поджигатель, но и злодей-убийца, который проник в комнату Белль Ганнесс, в темноте обезглавил ее тело и, заметая следы преступления, устроил пожар»[11].

Глава 14
Братья и сестры

Истории о пропавшей голове продолжали будоражить жителей Ла-Порта. По одной версии, миссис Ганнесс была убита и обезглавлена из-за золота, применявшегося при лечении зубов. Однако шериф Смутцер высмеял эти россказни, заявив, что никто не станет совершать такое зверство «из-за нескольких сотен долларов», которые можно выручить за золотые пломбы. Кроме того, считал шериф, «голова оказалась бы слишком громоздкой ношей»[1].

Изучение останков Ганнесс подтвердило его правоту. Бригада врачей под руководством доктора Люсиуса Грэя пришла к выводу, что голова не могла быть отделена от тела при жизни. Следов насилия не нашли, и все согласились, что она сгорела. «Смерть наступила от удушья и пламени», а не по каким-либо иным причинам[2].

Однако отсутствовала не только голова. Даже написанное бесстрастным медицинским языком заключение о вскрытии останков Белль Ганнесс было абсолютно шокирующим: «Левая рука обгорела до верхней трети предплечья. Правая рука обгорела до плеча. Правая нога обгорела до колена. Левая нога обгорела до щиколотки. Все мышцы полностью сгорели и обуглены». Правая часть туловища – от груди до живота – сгорела, обнажив внутренние органы. Легкие, кишечник, печень и поджелудочная железа «выглядят обычно», указывалось в отчете, но было видно, что «они подверглись тепловому воздействию»[3].

Как сообщалось, 1 мая, в пятницу, предполагаемый преступник, «в поисках утешения, обратился к религии». Он захотел встретиться со священником и попросил принести ему Библию. В камеру к Рэю пригласили пастора местной методистской церкви Эдвина А. Шелла. На следующий день газета Дарлинга – «Аргус-бюллетень» – на первой полосе сообщила своим читателям, что неожиданный интерес заключенного к религии – знак близкого раскаянья. Гарри Дарлинг в обычных напыщенных выражениях писал, что Лэмфер «жаждет прочесть Священное Писание в надежде найти там слово Господа, которое поможет раскаявшемуся сердцу открыться»[4].

Вместе с другими пассажирами чикагского поезда, прибывшего утром той пятницы в Ла-Порт, на перрон вышла

седая пожилая женщина в старомодных металлических очках. Она выглядела лет на семьдесят, хотя на самом деле даме исполнилось только пятьдесят четыре. То была Нелли Ларсон. С того дня, как она видела свою младшую сестру в последний раз – тогда ее звали Белла Соренсон, – прошло восемь лет. В среду, просматривая газету, Нелли Ларсон обнаружила фотографию сестры, с которой давно не поддерживала отношений, и тогда только узнала о страшной участи, постигшей Беллу и троих ее детей.

Когда из следующей статьи стала известна последняя воля покойной, к переживаниям Нелли добавилось беспокойство из-за наследства: в соответствии с завещанием, составленным за день до пожара, все свое состояние, оцениваемое в 15 000 долларов, она оставила чикагскому детскому дому для норвежских сирот. Тут миссис Ларсон, в сопровождении сына, Джона Р. Ларсона, и дочери, миссис Эдвард Ховард, поспешила в Ла-Порт [5].

Сойдя с поезда, Ларсоны проследовали в морг Катлера. Сама Нелли не могла вынести ужасного вида останков и доверила опознание сыну. Потом все трое обсудили с гробовщиком транспортировку тел в Чикаго, где, в соответствии с последней волей миссис Ганнесс, они обретут вечный покой на кладбище Форест-Хоум.

Затем миссис Ларсон с сыном и дочерью нанесли визит Мэлвину Лелитеру – поверенному миссис Ганнесс. Там посетители заявили, что как ближайшие родственники намерены оспорить завещание Белль и заявить права на долю в недвижимости[6].

В то же утро на поезде приехало еще одно заинтересованное лицо, узнавшее о трагедии из газет, – проживавшая в Чикаго на Саут-парк-авеню, 2818, миссис Джордж Оландер, старшая сестра Дженни Олсон. С тех пор как Дженни отдали на попечение Белль, сестры не виделись, но вели постоянную переписку. Однако миссис Оландер уже давно не получала от сестры никаких вестей. Два года назад в своем последнем письме Дженни сообщала, что ее отправляют в Калифорнию, в норвежский религиозный колледж. Миссис Оландер пыталась узнать точное название и местоположение школы, но безуспешно.

Как и Нелли Ларсон, миссис Оландер, узнав о трагедии в чикагских газетах, поспешила в Ла-Порт. Ходили слухи, что в Калифорнии Дженни вышла замуж и совершает свадебное путешествие. «Аргус-бюллетень» сообщал: «В ближайшее время она с мужем прибудет в Ла-Порт, возможно, ничего не подозревая о трагическом конце взрастившей ее женщины». Кроме того,

миссис Оландер опасалась, что Дженни могла вернуться домой накануне пожара и ее постигла участь сестер, брата и приемной матери.

Но было еще одно обстоятельство, озадачившее миссис Оландер. Она тоже прочла статью о завещании Белль Ганнесс и не могла понять, почему наследниками объявлялись Миртл, Люси и Филипп, а в случае их смерти – детский дом в Чикаго, но ничего не доставалось Дженни[7].

В поисках пропавшего брата Асле Хельгелейн связывался не только с Белль, но и с Клинтоном Кокрейном – шефом полиции Ла-Порта. Тот подтвердил, что человек, по описанию похожий на Эндрю, приезжал в город. Узнав, что Эндрю Хельгелейн перевел свои сбережения в отделение Первого национального банка в Ла-Порте, Асле, приложив фотографию брата, отправил запрос банковскому служащему Фрэнку Дж. Питнеру, проводившему операцию с деньгами Эндрю. «Без сомнения, за наличными по депозиту в банк вместе с миссис Ганнесс приходил Эндрю Хельгелейн», – немедленно ответил Питнер.

Первого мая, в день, когда миссис Оландер и миссис Ларсон с дочерью и сыном прибыли из Чикаго, Асле получил письмо от Питнера. В конверт была вложена первая страница «Ла-Порт дейли геральд» за 28 апреля с первым сообщением о пожаре в доме Ганнесс и о гибели всех его обитателей[8].

На следующий день Асле Хельгелейн выехал в Ла-Порт.

Глава 15
Кошмар

Приехав вечером в воскресенье, 3 мая, Асле Хельгелейн остановился в гостинице «Тигарден».

Наутро он отправился в редакцию газеты «Ла-Порт геральд», купил все вышедшие после пожара номера и читал их несколько часов, не отрываясь. Потом он пошел в тюрьму к шерифу Альберту Смутцеру. Тот, выслушав Асле, тут же отвез его на ферму Ганнесс.

На развалинах сгоревшего дома осталось к тому времени только двое: Джо Максон – наемный работник Белль Ганнесс, и ее сосед Дэниел Хатсон. Они искали пропавшую голову хозяйки фермы, и Асле, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, чтобы выяснить судьбу брата, стал копать вместе с ними.

В подвале не было ничего, кроме обугленных обломков домашнего скарба. В ночь на вторник Асле воспользовался гостеприимством Свана Николсона. Его семья с удовольствием предоставила кров приезжему норвежцу. Когда утром Асле пришел на пожарище, Максон и Хатсон уже работали в развалинах погреба.

В поисках чего-нибудь подозрительного брат Эндрю решил осмотреть окрестности. Обнаружив поблизости большое озеро, Асле вернулся и поинтересовался у Джо и Дэниела, глубокое ли оно в этих местах и не было ли зимой во льду прорубей. Если его брат нарвался на преступников, то они, заметая следы, вполне могли сбросить тело в озеро Фиштрэп. Но Максон и Хатсон ответили, что его всю зиму покрывал сплошной нетронутый лед[1].

Тогда Асле решил не терять времени в Ла-Порте и поискать след брата где-нибудь в другом месте. «Я попрощался с ребятами, – вспоминал он, – и отправился в дорогу». Однако пройдя несколько шагов, он вдруг остановился и поспешил обратно. Что-то не давало Асле уйти. Вернувшись, он спросил Максона, не помнит ли тот, чтобы весной на участке или около него копали ямы.

Максон помнил. В марте – точную дату он назвать не мог – батрак помогал хозяйке грузить в тачку старые консервные банки, рваную обувь и всякий хлам, а потом отвез его в загон для свиней, что в пятидесяти шагах от дома, вывалил в яму и закопал.

Асле попросил показать это место, и все трое, взяв лопаты, пошли на скотный двор.

Они только начали копать, как в ноздри ударил «ужасный

запах». Максон объяснил Асле Хельгелейну, что хозяйка выбросила туда много банок от рыбы и томата. Но зловоние не имело ничего общего с запахом гнилых помидоров или тухлой рыбы.

На глубине четырех штыков лопата уткнулась в «мешок с чем-то твердым». Через дыру в мешковине мужчины увидели человеческую шею. Рядом с мешком в грязи виднелась отрубленная рука.

Максон немедленно запряг повозку и помчался в город. Осмотрев двор, Асле нашел старое пальто, несколько мешков и прикрыл жуткую находку. Потом они с Хатсоном взялись за лопаты и продолжили расчищать от грязи смердящую могилу.

Они едва успели закончить работу, как прибыл шериф Смутцер. С ним был коронер Чарльз Мак – крупный седобородый мужчина в мятом костюме-тройке; рубашку с высоким воротником украшала черная бабочка, а из жилетного кармана свисала цепочка от карманных часов. Под пристальным взглядом коронера Смутцер с помощниками вынули разлагающиеся части тела на поверхность.

Коронер Мак впоследствии сообщал, что невозможно было достоверно описать тело, «так как голова была отделена от туловища, руки от плеч, а каждая нога отрублена на три дюйма выше колена. Кроме того, началось разложение»[2]. Лицо или то, что от него осталось, по выражению одного хроникера, представляло «ужасное зрелище»: черные глазницы, перекошенный рот, зигзагообразная трещина, пересекающая лобную кость[3].

Останки находились в ужасающем состоянии, однако их осмотр позволил сделать некоторые выводы. Стало понятно, что жертва преступления боролась за свою жизнь. На левом запястье, поднятом для защиты от внезапного нападения, обнаружили два глубоких пореза, обнажавших кость. Другой ужасный удар отсек первые фаланги всех пальцев правой руки. Застывшая изуродованная кисть сжимала клок темных волнистых волос, принадлежавших убийце [4].

По лицу, напоминавшему скорее маску для Хеллоуина, нежели человека, по расстоянию между глазами, по скулам Асле Хельгелейн все-таки смог определить, что перед ним то, что осталось от Эндрю. «Если вы видели своего брата каждый день пятнадцать лет подряд, – сказал Асле, – невозможно его не узнать»[5].

Так в мусорной яме на скотном дворе Белль Ганнесс после долгих поисков Асле Хельгелейн нашел наконец брата.

Начал моросить дождь. Коронер, присев на корточки, осматривал обнаруженные останки, а шериф спросил Максона, не знает ли он о других «подозрительных местах» – ямах, заваленных землей. Джо показал еще одно такое место.

Между тем около фермы собралась кучка зевак. Прижимая лица к металлической сетке забора, они наблюдали за работой Максона, Смутцера и Хатсона. На глубине трех штыков лопаты под слоем мусора они опять нашли части человеческого тела: обернутые мешковиной обнаженные туловища, отделенные от них руки, ноги и головы.

Ужасающие находки сложили в импровизированный морг – каретный сарай. Тела каждой из четырех жертв – женщины, двоих мужчин и девочки-подростока – были разрублены на шесть частей. Как и в случае с останками Эндрю, разложение усложняло идентификацию. О трудностях, с которыми столкнулись судмедэксперты, можно судить по представленным коронеру результатам вскрытия женского тела. Вот что написал доктор Франклин Т. Уилкокс:

> Внутренние органы, за исключением матки, идентифицировать не удалось. Обе руки отделены от тела. Правая на дюйм ниже головки плеча отрезана каким-то инструментом. Бедра обрублены на треть. Обнаружено четыре предплечья с кистями рук, но невозможно определить, какие из них принадлежат данному телу. Найдено два черепа, две нижних челюсти, однако соответствие данному телу установить не удалось. Не соответствуют ему и две малые берцовые кости. Причина смерти не установлена[6].

И все-таки, несмотря на ужасное состояние, среди останков молодой женщины обнаружили важную зацепку: на лишенном кожи черепе сохранилась спутанная прядь светлых волос. И тем, кто знал эту женщину при жизни, стало ясно, чье тело нашли на скотном дворе.

Два года назад Дженни Олсон не отправили учиться в Калифорнию. Девушка не выходила замуж, не совершала свадебное путешествие. Ее расчлененное на полдюжины частей тело, завалив отходами, закопали в загоне для свиней на скотном дворе приемной матери. Останки Дженни обнаружили, как писали газеты по всей стране, 5 мая 1908 года – в день ее так и не наступившего восемнадцатилетия[7].

Глава 16
Душегубица

Конечно, в Индиане и раньше случались убийства, совершенные жителями штата. Возможно, самым известным из убийц был преподобный Уильям Е. Хиншоу. В 1895 году этого весьма уважаемого священнослужителя из Бельвиля обвинили в убийстве жены, которая узнала о связи мужа с хорошенькой молодой прихожанкой. Убив Тирзу Хиншоу, преподобный с помощью пистолета и бритвы нанес себе около двадцати ран и порезов, а потом объявил, что пострадал в героической борьбе с двумя разбойниками. Якобы они ночью проникли в спальню и убили его жену. В сентябре суд признал Хиншоу виновным, и предмет слушаний привлек большое общественное внимание, которое не ослабевало в течение двух месяцев[1].

Однако, несмотря на увлекательные пикантные подробности, за пределами Индианы о «бельвильской трагедии» почти ничего не было известно. Дело Ганнесс, напротив, попало на первые полосы газет по всей стране и даже за океаном[2]. «В Ла-Порт съехались репортеры самых успешных печатных изданий, – писал один историк-криминалист. – Двадцать два хроникера работали на семь чикагских газет. Другие прибыли из Нью-Йорка, Сент-Луиса, Детройта – всего тридцать пять представителей прессы». Все они обосновались в отеле «Тигарден», и «через десять дней огромными тиражами стали выходить подробные описания небывалого происшествия»[3].

За одну ночь из мученицы и героини, которая, как писали репортеры, «отчаянно и, к сожалению, тщетно боролась за жизнь своих детей», Белль Ганнесс превратилась в демона. Уже в первых сообщениях об ужасных открытиях, сделанных 5 мая, газета «Чикаго американ» заклеймила хозяйку фермы как коварную дьяволицу и предположила, что обезглавленное тело, найденное в подвале, ей не принадлежало. То была одна из жертв, умерщвленная, чтобы инсценировать гибель «проклятой душегубицы».

Теперь газеты писали, что Ганнесс в пожаре не погибла[4].

Когда в камере Лэмфера появился шериф, заключенный, пожевывая табак, читал Библию.

– Боже! – воскликнул Рэй, услышав об ужасных находках. – Пять трупов! Я знал, что Ганнесс – злая женщина, но ни о чем подобном не мог даже подумать.

Лэмфера вывели из камеры, и он предстал перед группой журналистов. Они засы́пали его вопросами о последних находках. Молодой человек, по его словам, догадывался, что у хозяйки были какие-то тайны, но про найденные тела ничего не знал.

– Кое в чем я ее подозревал, но теперь понимаю, что все было гораздо страшнее, чем я думал, – сказал он.

Когда Лэмферу предложили рассказать о своих подозрениях подробнее, он вспомнил, как сразу после приезда Хельгелейна получил задание купить в городе банку крысиного яда, на девяносто процентов состоящего из мышьяка. В другой раз хозяйка послала его за хлороформом.

Один из репортеров продолжал допытываться, не может ли Лэмфер вспомнить о каких-нибудь других подозрительных случаях.

– Около года назад, – начал он, – на ферму приехал мужчина с пышными черными усами. Ганнесс называла его другом Дженни. У него был огромный чемодан. «Друг» вскоре уехал, а чемодан с мужскими вещами так и остался в доме, на втором этаже. Мне это показалось странным.

– Не думаете ли вы, – спросил кто-то, – что найденное тело молодой женщины может оказаться останками Дженни?

– Может, – горестно кивнул Рэй. – Я никогда не верил, что она уехала в Калифорнию. И от Дженни никогда не приходили письма.

Перед возвращением в камеру Рэю задали вопрос о Хельгелейне.

– Послушайте, – ответил заключенный, – я ничего не знаю о нем и ничего, кроме того, что давно рассказал, не знаю о пожаре. Хозяйка запрещала мне общаться с этим человеком. Как-то она застала нас вдвоем в гостиной, разозлилась и велела никогда с ним больше не разговаривать. А я ответил, что если захочу, то буду. Ну, а через несколько дней я вернулся из города, а Хельгелейна уже не было. Я спросил про него, а хозяйка ответила: «Я же сказала: больше вам с ним не разговаривать».

Шериф Смутцер собрался было увести арестованного, когда тот добавил:

– Тогда я не знал, что она имела в виду. Теперь понимаю[5].

В тот же день на почту пришло письмо из штата Висконсин, адресованное миссис Ганнесс. Оно, как и вся ее майская корреспонденция, попало к душеприказчику Белль, местному торговцу Уэсли Фоглю.

В письме некий Карл Петерсон из Уопаки, Висконсин, сожалел, что «его финансовое положение не соответствует

требованиям миссис Ганнесс», но уверял, что в остальном он «очень уважаемый и достойный человек». Когда журналисты разыскали Петерсона, он объяснил, что откликнулся на газетное объявление. В ответе, который пришел ему на прошлой неделе, миссис Ганнесс в радужных тонах описывала свою ферму и сообщала, что ищет партнера для совместного ведения хозяйства. Петерсона, если он сможет «вложить в дело 1000 долларов наличными», она считала вполне подходящей кандидатурой. В противном случае, по ее мнению, не было смысла продолжать переписку.

Так что, как писали газеты по всей стране, «Карл Петерсон мог себя поздравить: он был на волосок от смерти». Оказывается, всего за неделю до пожара Белль еще заманивала своих потенциальных жертв[6].

Глава 17
Кладбище

Утром 6 мая, в среду, автомобиль шерифа, объезжая заполонившие дорогу повозки, телеги и велосипеды, с трудом пробился к ферме Ганнесс. Плотная толпа людей – мужчин, женщин, детей, – приникнув к ограждению свиного загона, жаждала хоть одним глазком посмотреть на новые ужасы[1].

Долго ждать им не пришлось. Смутцер, Джо Максон и еще несколько мужчин принялись за скорбную работу в северном углу загона, в нескольких шагах от того места, где накануне нашли четыре разложившихся тела. Почти сразу, отбросив верхний слой земли, копающие почувствовали тошнотворный запах и на глубине трех футов обнаружили кости еще одной жертвы. Грудная клетка, таз, позвоночник слиплись с гнилой мешковиной. Отделенные конечности лежали рядом с продырявленным черепом – трехдюймовое отверстие, «казалось, было сделано с помощью какого-то режущего инструмента». Трупный запах смешивался с ужасным зловонием, так как человеческие останки просто свалили в яму бывшего отхожего места[2].

Несмотря ни на что, мужчины копали без остановки, до самого обеда, и сразу же после получасового перерыва возобновили свою дьявольскую работу. В нескольких шагах от бывшей уборной лопаты уткнулись в кучу мужских башмаков, прикрывавших человеческие кости.

Одна чикагская газета сообщала:

> Сначала один из мужчин нашел фрагменты четырех человеческих ног. Второй удар лопаты показал, что в яме спрятаны три жертвы. Все останки были свалены в мешки с негашеной известью, но она не везде соприкасалась с телами, так что в некоторых местах еще оставались не разъеденные химикатом мягкие ткани. Когда кости вынули на поверхность, стало очевидно, с какой безумной яростью эта женщина кромсала тела своих жертв. Суставы она разрубала топором, а обрубки костей, по всей видимости, дробила молотком. В одном из двух черепов из-за недостатка извести сохранился мозг. Нижние части тел полностью разложились, и не удалось определить, мужчинам или женщинам они принадлежали[3].

Зловонные останки складывали в ведра и относили в

каретный сарай, служивший временным моргом. Оттуда, как писал один репортер, «исходил такой запах, который отпугивал даже самых любопытных»[4].

Итак, с последними находками число расчлененных трупов, захороненных на скотном дворе миссис Ганнесс, составило девять человек. Газеты – от «Нью-Йорк таймс» до «Сан-Франциско кроникл» – разнесли весть о чудовищном открытии по всей стране. Они присваивали Белль Ганнесс самые ужасные прозвища, представляли «современной леди Макбет, которая, наполняя сундуки кровью жертв, превращала ее в золото», называли «Вампиром из Ла-Порта», «Людоедкой из Индианы», «Вурдалаком в женском обличье», «Леди Синяя Борода», «Верховной жрицей смерти», «Хозяйкой замка смерти», «Королевой злодеяний» и «Принцессой ада». По мнению «Питсбург пресс», ужасы, описанные Эдгаром По в романе «Убийство на улице Морг», меркли перед открывшимся на ферме Ганнесс. Питсбургской газете вторила «Чикаго ивнинг американ»: «Если бы По восстал из мертвых, он сочинил бы новую, еще более жуткую версию “Падения дома Ашеров”. Мрачная вдова из Ла-Порта, ее замок смерти и могилы на скотном дворе предоставили бы автору материал для новой “странной истории”, еще более волнующей, чем придуманные им при жизни»[5].

Если учесть близость Ла-Порта к Чикаго, где Ганнесс жила раньше, и бесстыдное подогревание интереса к событиям со стороны желтой прессы, становится понятным, что для чикагских газетчиков настал звездный час. В среду газета «Игзэминер» – издание Уильяма Хёрста – вышла с устрашающим заголовком – «Белль Ганнесс – член местной банды гангстеров» – и сообщила, что преступницу уже разыскивает полиция[6].

Как утверждал Герман Шуттлер, помощник шефа чикагской полиции, в городе обосновалась «банда, убивающая людей из-за страховок». Белль Ганнесс он считал участницей преступной группы. По его мнению, избавляясь от убитых, гангстеры перевозили их в Ла-Порт, на ферму Ганнесс. Умозаключения Шуттлера основывались на показаниях нескольких местных извозчиков. Они рассказали, что в 1906 и 1907 годах доставили ей, по крайней мере, девять тяжелых чемоданов. Полиция считает, писала газета, что «в этих чемоданах находились мертвые тела».

Один извозчик, Клод Стерджис, рассказал, с чем он сам столкнулся на ферме осенью 1907 года. Подняв на крыльцо тяжелый «туго перевязанный» чемодан и втащив его в прихожую, Стерджис начал снимать веревки. В эту минуту на него «с криком

“Что это ты делаешь?” налетела миссис Ганнесс». Мужчина ответил, что, доставляя «чемодан для леди, всегда помогает его развязать». В ярости Белль обругала извозчика и, «схватив за рукав, вытолкала за дверь».

Получив информацию о двух «подозрительных чемоданах», которые дожидаются отправки на ферму Ганнесс, капитан О’Брайен из чикагского криминального отдела распорядился немедленно обыскать местные железнодорожные компании и их багажные отделения. По сообщению информатора, в чемоданах могли находиться тела жертв[7].

Подхватив эту историю, газеты по всей стране объявили Белль Ганнесс членом сообщества, которое называли то «преступной группировкой», то «криминальным подпольем», то «синдикатом убийц», то «предприятием по убийству мужчин». Считали, что Белль укрывала краденое и распоряжалась деньгами банды, закапывавшей на ферме своих жертв.

Ходили слухи, что в «доме ужаса» была «тайная камера смерти», игравшая в этом дьявольском рэкете страшную роль. По утверждению одной из газет, в это помещение не имел права входить никто, кроме хозяйки. Запрет распространялся и на ее детей. В комнате «за тяжелой дубовой дверью, где всегда были плотно задернуты шторы, Белль складывала привезенные из Чикаго трупы. Женщина выдерживала их там, пока еще сохранялась возможность кровотечения, а потом рубила на куски»[8].

Доктор Уильям Мейер – бывший сотрудник госпиталя в округе Кук и президент ассоциации выпускников Медицинского колледжа Раш, высказал другое предположение. После изучения некоторых останков с фермы Ганнесс, включая те, что предположительно принадлежали Эндрю Хельгелейну, Мейер сообщил репортерам: «Головы и конечности отрезал человек, знающий анатомию… и привыкший работать в прозекторской».

«Об этом свидетельствует разъединение частей плечевого сустава», – объяснял Мейер и настаивал, что «непрофессионал, пользуясь обычными инструментами, этого сделать не мог». Каждый разрез был выполнен «сильной рукой, вооруженной острым скальпелем»[9]. Отсюда следовал вывод: расчленял тела сведущий в медицине чикагский убийца, а затем, уже по частям, их перевозили в Ла-Порт [10]. В то время еще помнили о знаменитом серийном убийце докторе Генри Холмсе. До сих пор неизвестно, сколько людей было отравлено и разрублено на куски в подземелье его «замка ужасов». Так что жители Чикаго легко могли поверить в существование алчного монстра с опытом врача[11].

Версия о чикагских подельниках Белль Ганнесс укрепляла распространенное мнение о том, что она жива. Его поддерживало и сообщение неназванной свидетельницы: на рассвете 28 апреля, в день пожара, в чикагский поезд, отбывавший из Ла-Порта, села некая «скрывающая лицо персона». Основываясь на этих данных, Шуттлер пришел к заключению, что «в Чикаго Белль Ганнесс встретил сообщник, и теперь она прячется в его доме», дожидаясь удобного случая «сбежать в Норвегию».

Начались интенсивные поиски преступницы.

Газета «Игзэминер» писала: «В Чикаго полиция проверила каждый склад, под непрерывным наблюдением находится почтовое ведомство и другие места, где можно ожидать появления этой женщины. Все пакгаузы и багажные отделения осматриваются в поисках каких-либо чемоданов, адресованных Ганнесс или отправленных ею. Полицейская операция охватывает весь город»[12].

Пока полиция искала исчезнувшую преступницу, репортеры нашли доктора Миллера. За восемь лет до описываемых событий его вызывали к раненому Мэдсу Соренсону. Последние находки на ферме заставили доктора Миллера пересмотреть свое первоначальное заключение.

Вот что он рассказал газетчикам: «Когда я приехал, Соренсон, испытывавший страшные мучения, вцепился в стойку кровати. Через полчаса он умер. До того он был совершенно здоров, поэтому тогда я решил, что смерть наступила от кровоизлияния в мозг. Но теперь я вспоминаю, что некоторые симптомы указывали на отравление стрихнином»[13].

Убежденный, что Ганнесс и раньше была связана с «чикагской бандой чемоданных убийц», Шуттлер приказал немедленно поднять сведения обо всех людях, исчезнувших в районе Остин, когда там проживала Белль. Встретившись в среду вечером с журналистами, полицейский сообщил, что его люди «с самого утра начнут копать во дворе» бывшего дома Соренсонов на Альма-стрит.

«Мы уверены, что найдем тела и там», – заявил он репортерам.

Более того, у Шуттлера были основания полагать, что там, кроме останков взрослых женщин и мужчин, спрятаны в земле трупы детей. Он считал, что, вдобавок ко всем ужасным преступлениям, Белль Ганнесс участвовала в особом бизнесе – «зарабатывала деньги, давая приют чужим детям»[14].

В конце девятнадцатого и в начале двадцатого века некоторые женщины – не состоящие в браке, проститутки или женщины, уже обремененные детьми, – отдавали своих

нежеланных младенцев на попечение другим людям. Попечители (за единовременную или помесячную плату) соглашались предоставить младенцам кров или найти подходящие семьи для усыновления. Некоторые из этих опекунов относились к детям с материнской заботой, но нередко встречались и бессердечные женщины. Стремясь извлечь максимальную выгоду, они содержали приемных детей в нищете.

В Чикаго, проводя проверку таких приютов по поручению службы защиты несовершеннолетних, социальный работник Артур Гилд обнаружил сотни больных голодных детей, живущих в ужасных условиях[15]. Уровень смертности в этих заведениях был таков, что им больше подходило название «ловушки смерти». Однако некоторых попечительниц обвиняли не только в преступной халатности, но и в гораздо более серьезных преступлениях. Самой известной из них оказалась англичанка Амелия Дайер, умертвившая несколько сотен взятых на содержание детей[16].

Чикагские власти пришли к убеждению, что Ганнесс тоже была вовлечена в этот страшный промысел: брала детей на воспитание и при первом удобном случае от них избавлялась. До Амелии Дайер, подозревала полиция, убийце из Ла-Порта было далеко, однако лейтенант Зиммер из остинского районного отдела сообщил репортерам, что на счету Белль может быть около двадцати убитых детей, а «успех в сокрытии их тел вдохновил миссис Ганнесс на более масштабные зверства».

По мнению Зиммера, череда ужасных злодеяний душегубицы из Индианы «началась с убийств беззащитных детей»[17].

Однако власти Ла-Порта гипотезу чикагской полиции не поддержали. Мэр города, Лемюэль Дарроу, узнав о версии, что тела якобы доставляли на ферму сообщники Белль из Чикаго, решительно заявил репортерам: «У этой тайны есть разгадка. Мы знаем, что миссис Ганнесс намеренно завлекала сюда мужчин, чтобы завладеть их деньгами и убить».

«Если она узнавала, что вдовец или холостяк норвежского происхождения имеет некоторый капитал, то вступала с ним в переписку, – продолжал Дарроу, – предлагала заключить брак или соблазняла рассказами о выгодном вложении в какой-нибудь земельный участок. Мужчина приезжал, вдова окружала его таким гостеприимством, что он не спешил покидать ее дом, а хозяйка, дождавшись удобного случая, травила гостя, скорее всего, мышьяком или хлороформом. Когда же наступала смерть, она расчленяла жертву и закапывала на скотном дворе».

«Ганнесс в течение нескольких лет удавалось скрывать свои

преступления, – записывали журналисты слова Дарроу, – и я уверен: дальнейшее расследование найдет новые следы ее бесчеловечного промысла».

На вопрос одного репортера, сколько же еще тел собирается откопать мистер Дарроу, он без колебаний ответил: «Не удивлюсь, если количество ее жертв – мужчин, женщин, детей – приблизится к двадцати»[18].

Глава 18
Будсберг

В четверг, 7 мая, из-за проливного дождя земляные работы пришлось отложить, и шериф Смутцер с утра уехал в Чикаго на совещание.

Пока он там находился, к его заместителю Энтиссу прибежал посыльный и сообщил, что два человека проникли в каретный сарай, где лежали эксгумированные жертвы миссис Ганнесс.

Энтисс поспешил на ферму. Джо Максон, увидев заместителя шерифа, рассказал, что видел двух мужчин, вылезавших из заднего окна сарая.

«Один был высокий с черными усами, а второй, коренастый – ростом пониже, – объяснял Джо. – Лиц я разглядеть не смог: лил дождь, к тому же они подняли воротники и надвинули шляпы. Я крикнул, что, по приказу шерифа, никому не разрешается входить в сарай. В ответ услышал, что у них есть такое право, потому что они врачи, а мне нечего совать нос в чужие дела».

Максон без промедления послал в Ла-Порт, к Энтиссу, соседского мальчишку. «Врачи» же, вскочив в припрятанную поблизости повозку, скрылись в лесу. Тут поползли слухи о подельниках Ганнесс, которые пробрались в сарай, чтобы уничтожить улики. Якобы ее сообщники украли бутылки с ядом и так перемешали кости скелетов, чтобы никто не мог их опознать[1].

Правда оказалась куда более прозаичной. Во временный морг через окно забрались, как позже будет установлено, два жителя Мичигана, а двигало ими всего лишь нездоровое любопытство: хотели посмотреть на обгорелые человеческие останки[2].

В 13:30, еще до возвращения Смутцера, на поезде из Иолы, штат Висконсин, в Ла-Порт прибыли два молодых человека. Их сопровождал более взрослый знакомый – торговец техникой Эдвин Чапин. На станции прибывших встретил президент местного отделения сберегательного банка Джеймс Бак и отвел к помощнику шерифа. Молодые люди оказались братьями Матиасом и Оскаром Будсбергами (двадцати семи и двадцати девяти лет), как писала одна газета, «простодушными и молчаливыми деревенскими тугодумами»[3]. Братья прибыли со скорбной миссией – проверить, не принадлежал ли один из найденных на ферме черепов их отцу, Оле Будсбергу.

Больше года назад овдовевший подписчик «Скандинавен» и «Декора-постен» – на тот момент ему исполнился пятьдесят один

год – сообщил сыновьям, что уезжает в Ла-Порт, где, возможно, станет управляющим на ферме. А брату вдовец Оле Будсберг поведал, что собирается жениться на богатой вдове.

Он уехал на третьей неделе марта 1907 года, а через неделю вернулся, чтобы подготовиться к переезду на новое место. Будсберг продал Матиасу ферму, взял полученные от сына 1000 долларов наличными, ипотечное обязательство, обеспеченное участком земли такой же стоимости, и 5 апреля выехал в Индиану, обещав написать, когда устроится.

По свидетельству кассира Крампэкера, Будсберг и сопровождавшая его миссис Ганнесс появились в Первом национальном банке уже на следующий день. Мужчина хотел получить наличные по ипотечному обязательству и просил направить бумагу в отделение Государственного фермерского банка в Иоле. 16 апреля пара вернулась за деньгами, и с тех пор Крампэкер приезжего больше не видел[4].

В конце апреля, не получив от отца ни строчки, Матиас забеспокоился и послал письмо на адрес фермы. К удивлению Матиаса, отдел невостребованной корреспонденции в Вашингтоне вернул письмо как недоставленное. Тем временем кассиру Крампэкеру пришел запрос от кассира Государственного фермерского банка в Иоле. Дж. Свенсон интересовался, не видел ли Крампэкер «мистера Будсберга после получения наличных». Крампэкер передал это письмо президенту банка Баку. Тот в поисках адресата отправился на ферму. Бак постучал в дверь, к нему вышла хозяйка, но в дом не пригласила. На вопрос о Будсберге ответила, что не знает, где он. Еще она добавила, что Оле ездил в Чикаго, где у него «украли почти все деньги». Вернувшись в Ла-Порт, «он решил податься на Запад, чтобы заработать похищенную сумму. Хотел скрыть ограбление от родственников». А еще через несколько дней – когда точно, не помнит, – она отвезла Будсберга на станцию и он уехал в Орегон. Больше они не встречались[5].

Бак попросил Крампэкера ответить Свенсону. А через несколько месяцев после пожара, когда в свином загоне на ферме Ганнесс обнаружили первые тела, Крампэкер послал кассиру Свенсону вырезки из газет. Тот немедленно оповестил братьев Будсберг, и те, опасаясь самого худшего, сразу выехали в Ла-Порт[6].

Примерно в два часа дня помощник шерифа Энтисс отвез их на ферму. Несмотря на плохую погоду, перед каретным сараем толпилось около двадцати человек. Их привлекло известие о взломе временного морга.

В свете масляной лампы братья Будсберг увидели на досках фрагменты тел. Заметив поверх массы сгнившей плоти и костей человеческую голову, братья наклонились, чтобы рассмотреть ее вблизи.

Хотя черты лица сохранились плохо, но по остаткам растительности можно было безошибочно установить, кому принадлежала эта голова. Как описывает один историк, «в ротовую полость набились спутанные рыжие усы»[7]. Отпрянув, братья горько посмотрели друг на друга и быстро вышли на открытый воздух.

Там их ждал Энтисс. Перед тем как снова вернуться в сарай, Матиас прошептал:

– Я уверен, это он.

– Этого мы и боялись, – едва слышно произнес Оскар[8].

Так сыновья Оле Будсберга нашли своего отца.

Газета «Нью-Йорк таймс», вышедшая 7 мая, на первой полосе привела четыре главных версии событий на ферме Ганнесс – «серии преступлений, потрясших всю страну»:

> Версия № 1: Миссис Ганнесс, испугавшись разоблачения и пытаясь скрыть следы многолетних преступлений, подожгла дом и сгорела вместе с детьми.
>
> Версия № 2: Миссис Ганнесс, испугавшись разоблачения, убила детей, заметая следы, подложила в дом обезглавленное тело какой-то женщины и скрылась.
>
> Версия № 3: Убийство совершил Рэй Лэмфер, работник Ганнесс. Им двигали два мотива – ревность и месть.
>
> Версия № 4: Четверное убийство – дело рук членов какой-то чикагской банды. Они опасались, что кто-то обнаружит тела людей, которых они убивали из-за страховок и закапывали на ферме Ганнесс[9].

Статья уже была готова к печати, когда последнюю версию чикагские власти уже успели опровергнуть. Шуттлер, помощник начальника полиции, который еще накануне выражал твердую уверенность в причастности Ганнесс к делам «преступного синдиката», полностью поменял свое мнение на этот счет. Частично на Шуттлера повлиял разговор с шерифом Ла-Порта, который не нашел никаких доказательств, что эксгумированные тела были доставлены из Чикаго. Следователи установили также,

что информация о двух «загадочных чемоданах» оказалась ложным следом или даже откровенным обманом.

Отвечая на вопросы репортеров, Шуттлер заявил:

> *Я больше не считаю, что миссис Ганнесс была агентом банды убийц. Не содержала она и приют для младенцев. Скорее всего, она сама убивала своих поклонников, тела которых мы нашли в ямах на скотном дворе. Она, по-видимому, как бы неправдоподобно это ни звучало, заманила и убила больше десяти мужчин. Я уверен, что Белль, отвечая на письма норвежцев, приглашала их на ферму. Ганнесс показывала им плодородные поля, увлекала радужной перспективой. Говорила, что поддерживать в порядке налаженное хозяйство труда не составляет. А потом яд, добавленный в пиво или кофе, приносил легкую смерть. Довершал дело точный удар молотка или топорика. Почему бы этой крупной сильной женщине самой не похоронить тело? Ведь ферма расположена довольно далеко даже от ближайших соседей.*

Шуттлер придерживался мнения, что убийца осталась жива. «Я не могу поверить, что она умерла, – говорил он. – Она слишком изощренная преступница, чтобы дать себя поймать. Возможно, она скрывается где-нибудь в Чикаго»[10].

Подозрения Шуттлера, казалось, поддерживал один знакомый Белль Ганнесс. Он сообщил полиции, что днем ранее, в среду, 6 мая, видел эту женщину в трамвае на Саммердэйл-авеню[11]. Другие свидетели уверяли, что на прошедшей неделе она попадалась им в окрестностях Уобаш-авеню, к югу от делового центра города. Один из свидетелей – фармацевт Ал Леви, владелец аптеки в здании отеля на углу Уобаш-авеню и Гаррисон-стрит, – узнал Белль по фотографии в «Чикаго трибюн». Аптекарь обратился в полицию и заявил, что через четыре или пять дней после пожара на ферме Ганнесс эта женщина пыталась купить у него морфий.

«Я уверен, то была она. Такие же нос, рот, те же глаза», – настаивал Леви.

Он был не последний из тех, кто сообщал о встречах с Белль Ганнесс[12].

Шуттлер пришел к выводу, что преступления Ганнесс ограничивались ее фермой в Ла-Порте, и отказался от планов искать останки пропавших людей во дворе ее бывшего дома в районе Остин. Но решение полицейского не остановило газетчиков. Вооруженные лопатами, они явились на Альма-стрит,

где столкнулись с противодействием тогдашних владельцев дома – двух дюжих водопроводчиков, братьев Джона и Дэниела Неллисов из Висконсина. Они купили дом в ноябре 1907 года и грозились «по суду наложить запрет на любые земляные работы». «Это наша недвижимость, – заявил Дэниел, – а вся эта шумиха ее обесценит»[13].

Мэр Ла-Порта Лемюэль Дарроу и шеф полиции Клинтон Кокрейн придерживались того же мнения, что и Шуттлер: Белль инсценировала свою смерть и скрылась в Чикаго. Однако шериф Смутцер и прокурор Смит стояли на своем: Ганнесс погибла при пожаре. И газеты, конечно, тут же написали, что шериф и прокурор Ла-Порта заинтересованы в этой версии. Как отметила «Чикаго трибюн», если допустить, что Белль жива, то «развалится дело, которое они возбудили против ее бывшего работника Рэя Лэмфера».

В полдень 7 мая Смит выступил перед представителями прессы с важным заявлением. Он объявил, что следствие по взволновавшему весь штат делу Лэмфера «закончено». Рэй Лэмфер, обвиняемый не только в поджоге, но и в убийстве, будет предан суду.

«Я удовлетворен доказательствами, которые мы собрали. Без сомнения, они говорят об ответственности Лэмфера за смерть всех погибших в доме, – сказал прокурор, – и мы предоставим свидетелей, которые видели бывшего работника около фермы и незадолго до пожара, и потом, когда Рэй убегал с места происшествия. Мы докажем, что Лэмфер поджег дом в отместку за те действия, которые эта женщина предприняла против него. Они поссорились на почве убийства Хельгелейна, и, по нашим данным, Лэмфер был соучастником этого преступления»[14].

На вопрос одного из репортеров, не применяла ли полиция пытки, чтобы получить показания Лэмфера, Смит возмущенно ответил: «Мы здесь не пытаем. Ла-Порт – цивилизованный город, не похожий на Нью-Йорк или Чикаго»[15].

«Мы приложим все усилия, чтобы как можно скорее передать дело в суд», – заключил прокурор и пообещал, что это случится в ближайшие три недели[16].

Глава 19
Паутина

«Рэй Лэмфер запутался в паутине». Под таким заголовком пятничный выпуск «Чикаго трибюн» опубликовал заявление прокурора Смита. Паутина в том номере упоминалась в переносном значении. Карикатура на первой странице изображала стаю крылатых мужчин – у каждого в руке по чемодану, – летящих в объятия толстой паучихи. У нее на спине красовалась надпись: «Брачное агентство»[1].

По заслуживающей доверия оценке, в первом десятилетии двадцатого века в Чикаго действовали не меньше 125 брачных агентств. Большинство было создано с преступной целью – выманить как можно больше наличных у тех, кто тяготился одиночеством и хотел найти себе пару. Многие попались на удочку некой Э. Л. Глинн. От имени успешных предпринимателей или богатых вдов она давала в газетах фальшивые объявления о поиске партнера. Откликнувшимся простакам предлагали отправить по почте «первоначальный взнос» – пять долларов, который давал доступ в клуб знакомств миссис Глинн. За эти деньги обещали выслать более подробную информацию о несуществующем женихе или мифической невесте, а также список с данными других (тоже фиктивных) кандидатур. До разоблачения, ареста и суда Глинн успела одурачить более шестисот доверчивых мужчин и женщин. Конечно, не нужно объяснять, что ни один из них не нашел свою половину[2].

Чикагские власти, преследуя Глинн и ей подобных, объявили брачные агентства «угрозой идеалам американцев», сводящей любовь и таинство брака к «банальной коммерции»[3]. Сержант Клифтон Р. Вулдридж – этакий американский Шерлок Холмс – вел против подобных контор жестокую войну и за двадцать лет карьеры арестовал около двадцати тысяч человек. Он рассматривал их мелкое жульничество как «одну из самых коварных форм преступности», сравнивал с «вулканом, извергающим мошенничество и двоеженство». В своих весьма популярных воспоминаниях под названием «Двадцать лет расследований в самом порочном городе мира» сержант пишет, что разоблачил и пресек больше сотни схем «быстрого обогащения», уничтожил «сорок вагонов» завлекательных проспектов и соблазнительных объявлений разных брачных агентств[4].

После находок на ферме Ганнесс борьба со «сводниками»

превратилась в настоящий крестовый поход. Местный прокурор, полностью игнорируя тот факт, что Белль никогда не давала объявления через брачную контору, немедленно распорядился арестовать «на территории Чикаго всех брачных агентов».

Помощник прокурора Сьюард Ширер сообщил репортерам: «Находки в Ла-Порте убедили нас, что разные сомнительные “клубы знакомств” посылали людей туда, где, как на ферме Ганнесс, их ждала верная смерть. Лишив простаков нескольких монет, их можно было убить, не опасаясь разоблачений». Допуская, что не все агентства были вовлечены в «торговлю смертью», Ширер настаивал: невозможно предсказать, как далеко может зайти сводник, чтобы обобрать попавшего в его сети бедняка»[5].

Похожими размышлениями делился в своих мемуарах и сержант Вулдридж, переключаясь с геологической метафоры – извержение вулкана – на ботаническую, и сравнивал брачное агентство с «адским растением», а «ферму смерти» миссис Ганнесс – с его самым отвратительным «цветком».

Вопреки фактам, Вулдридж провозгласил, что «эта убийца завлекала жертв соблазнительными объявлениями в листках знакомств или через какое-нибудь брачное агентство». С помощью таких преступных контор, утверждал детектив, она «умертвила больше людей, чем любой другой убийца на свете». На иллюстрации к этому тексту была изображена Белль. Ночь. Вооруженная косой миссис Ганнесс стоит посреди двора, а вокруг вьются растения, усыпанные черепами вместо плодов. Подпись под карикатурой гласила: «Урожай смерти».

В заключение Вулдридж написал: «Деятельность этого “брачного агентства” обернулась жутким кладбищем расчлененных тел и ужасным склепом в выгребной яме. В Библии сказано: “По плодам их узнаете их”. Вот какие плоды принесла эта контора!»[6]

Глава 20
Урожай

Пятничным утром 8 мая не утихавший тридцать шесть часов ливень перешел в моросящий дождь, и к середине дня дорогу на «ферму ужаса» заполонила вереница экипажей, повозок, телег и прочих средств передвижения. К 8:00 там собралось множество мужчин, женщин, детей. Торговцы, фермеры, служащие и прочие жители окрестных городов – всем не терпелось увидеть, что еще обнаружат в ямах на скотном дворе[1].

Невдалеке от места, где в среду был обнаружен и раскопан участок «рыхлой земли», шериф Смутцер, Джо Максон и Дэниел Хатсон снова принялись за работу. Лопаты легко входили в мокрую почву, и через полчаса Дэниел наткнулся на полусгнивший деревянный ящик. От удара он сразу развалился на части.

Как писал репортер, «когда подняли прикрывавшую содержимое ящика мешковину, под ней оказались комья гашеной извести. На дне ямы лежали кости, причем на некоторых еще сохранились желеобразные остатки мягких тканей». Там же обнаружили череп с прядями темных волос[2].

Коронер Мак принялся осматривать кости. Как и все ранее найденные на ферме Ганнесс, этот скелет был расчленен: ноги отпилены на два дюйма ниже колен, руки отделены в районе плечевых суставов. Хотя в яме лежала пара женских туфель, по размеру костей и черепа Мак заключил, что принадлежали они мужчине.

Как только весть о находке достигла толпы, люди бросились к разрытой могиле. Один корреспондент оставил описание ужасной сцены. Бородатый пожилой мужчина пришел на ферму с тачкой. В ней он привез двух детей, очевидно, внуков. Около загона тачка перевернулась, дети выпали прямо в грязь. Как раз в это время кто-то крикнул, что «нашли еще одно тело», и старик, бросив плачущих внуков, побежал к яме[3].

Вскоре разрешилась и тайна женской обуви. Хатсон откопал еще одно захоронение. Вначале обнаружили только череп, поэтому Смутцер предположил, что все кости принадлежат одной жертве. Но коронер довольно быстро разубедил шерифа, объяснив, что такой человек был бы ростом в десять или двенадцать футов, то есть выше трех метров[4]. На опытный взгляд Мака, часть костей когда-то принадлежала женщине.

Останки сложили в два ведра и перенесли в каретный сарай,

к другим жертвам Белль Ганнесс. Вместе с ними число тел, отрытых в «саду смерти», достигло одиннадцати.

Из газет о последних событиях стало известно за пределами штата, и полицию Ла-Порта захлестнул поток запросов. Писали те, у кого были основания опасаться, что их давно пропавший родственник окончил свои дни в загоне для свиней. Миссис Канари из Индианы справлялась о девятнадцатилетнем сыне Эдварде. Этот слабоумный батрак ради интереса поджег пустое строение и, видимо, убегая от преследования, в июле 1906 года неожиданно исчез. С тех пор его больше никто не видел[5].

Уильям Стерн, хозяин трактира из Филадельфии, спрашивал про бывшего работника – двадцативосьмилетнего шведского иммигранта Чарльза Нейбурга. Он «рассчитывал взять в жены богачку» и все свободное время «отвечал на брачные объявления», а в июне 1906-го, сообщив хозяину, что вскоре женится на «вдове с большой фермой», уехал в Индиану. Оставив сундук с одеждой и велосипед, Нейбург думал забрать свое добро, как только узаконит отношения с фермершей, но Стерн с тех пор ничего о бывшем работнике не слышал[6].

Еще в одном письме – из Иллинойса – интересовались Джорджем Брэдли. «В прошлом октябре, – писал его работодатель мистер Берк, – сорокачетырехлетний Джордж объявил о намерении вступить в брак с «вдовой и владелицей хорошей фермы в окрестностях Ла-Порта», выручил за проданное имущество 1500 долларов и отбыл в Индиану». Вещи он оставил у Берка, обещая забрать их позже, но так и не вернулся[7].

Жена агента страховой компании из Чикаго пыталась выяснить хоть что-нибудь о судьбе пропавшего мужа, Бенджамина Карлинга. Год назад он уехал в Ла-Порт, «сказав, что одна богатая вдова поможет удачно вложить деньги. Уверенный в успехе, Бенджамин заинтересовал своим планом нескольких жителей Чикаго и взял у них взаймы значительную сумму. Кроме того, у него была 1000 долларов, принадлежавших страховой компании». Больше мистера Карлинга никто не видел[8].

Миссис Калерс из Пенсильвании искала пропавшего отца – Джона Хантера. В ноябре 1907 года, как написала она шерифу Смутцеру, отец с большой суммой денег покинул свой дом на севере Индианы, в Дюкене. Семье он сказал, что женится на богатой вдове и не знает, когда вернется[9].

О Густаве Танзе – еще одном жителе Пенсильвании – спрашивал в письме его работодатель Пэт Шиммак. Танз рассказывал родным и друзьям, что переписывается с «богатой вдовой из Ла-Порта, куда и отправился прошлым летом, взяв с

собой 1000 долларов наличными»[10].

Письма и телеграммы свидетельствовали о нескольких десятках исчезнувших мужчин. Среди них был Герман Коницер из Чикаго, Август Гундерсон из Висконсина, Линднер Никкельсон из Южной Дакоты, Эндрю Андерсон из Канзаса, мистер Плато из Огайо, Стривер из Небраски, Эмиль Телль из Миссури, Берт Чейз из Индианы, Джордж Уильямс из Пенсильвании и множество других[11].

Подробные описания внешнего вида и физических данных этих людей почти не могли помочь в идентификации. По отделенным черепам и раздробленным полусгнившим костям никого опознать было нельзя. Однако собранные доказательства не оставляли сомнений: по крайней мере, часть пропавших нашли последнее пристанище на ферме Ганнесс.

Из показаний свидетелей власти заключили: самыми первыми жертвами Белль оказались ее наемные работники Олаф Линдбой и Генри Гурхольт[12]. Еще один Олаф – Олаф Йенсен из Индианы – сообщал норвежским родственникам о переезде «из Кэррола в Ла-Порт», где он женится на богатой вдове. Соседи видели, как этот приезжий помогал Ганнесс по хозяйству. Но вскоре, успев обналичить в Первом национальном банке чек на крупную сумму, Йенсен исчез. На вопрос соседей, куда он пропал, Белль заявила, что «Ла-Порт Олафу не понравился, и он уехал на Запад»[13].

С помощью кассира Артура Пеглоу удалось установить имя еще одной жертвы Белль Ганнесс. Он по фотографии опознал посетителя банка, Джона Моу. Это подписчик «Скандинавен», сорокалетний холостяк из Миннесоты тоже сказал родственникам, что переезжает в Ла-Порт. В декабре 1906 года Джон предъявил в ла-портовском банке два чека и получил 1000 долларов. Больше его никто не видел[14].

В начале 1906 года, неожиданно продав за 2000 долларов ферму, покинул свой дом пятидесятипятилетний Кристиан Хильквен из Висконсина. Его судьбу прояснил Йоханес Вист, редактор газеты «Декора-постен», выходившей на норвежском языке. Прочитав о зверствах Белль, Вист сообщил властям, что весной 1906 года получил письмо от постоянного подписчика Хильквена, в котором тот переадресовал доставку газеты «на ферму миссис Ганнесс в Ла-Порте»[15].

Как это обычно бывает, если выясняется, что где-то по соседству жил убийца, появляются истории о тех, кто чудом избежал смерти. Некоторые рассказы порождает растревоженное воображение. Например, восемнадцатилетняя Гарриет Дэниельсон из Остина сообщила, что в прошлом сентябре Дженни

Олсон – подруга детства – позвала Гарриет погостить на ферме в Ла-Порте. Дженни написала, что у них прекрасный дом и они чудесно проведут вместе время. Еще она добавила, что мама просит Гарриет принять ее приглашение. К счастью, поездка не состоялась. По утверждению мисс Дэниельсон, друг не хотел ее отпускать. Выдумав предлог, она написала Дженни, что приехать не сможет, но та не ответила. «Миссис Ганнесс точно убила бы меня, окажись я в ее доме, – уверяла Гарриет. – Она замышляла убить и меня, и Дженни. Только представлю, как мне отрубают голову и отпиливают руки, – делается дурно»[16].

А Мэлвин Канага из Индианы прославился, выдавая за истинное происшествие совершенно невероятную историю. Он рассказывал, что в прошлом августе они с другом ехали с работы. На остановке в трамвай вошла «странная женщина». Она подсела к его приятелю Делберту Ландерсу и стала жаловаться на одиночество. Потом, всем видом показывая, что Ландерс ей очень понравился, сообщила, что не замужем и владеет фермой недалеко от Ла-Порта. В конце концов, слово за слово, женщина позвала Делберта в гости, обещала, что на ее «богатой ферме» ему очень понравится. «Когда же он спросил, нельзя ли взять с собой друга, – рассказывал Канага, – она повернулась ко мне и тоже пригласила».

Женщина вышла в Ла-Порте, и Мэлвин о ней больше не вспоминал, пока не узнал о событиях на ферме. «Если бы он принял приглашение, – писали газеты, – то мог бы разделить участь других жертв. Нет сомнений: то была Белль. Она хотела заманить его, заставить оформить страховку, а потом убить»[17].

Вряд ли Белль Ганнесс действительно жаждала крови Гарриет Дэниельсон или делала столь соблазнительные предложения Мэлвину и его другу. Однако некоторые в это верили, и газеты писали, что все трое «чудом выскользнули из лап злодейки».

Кроме тридцатишестилетнего Карла Петерсона из Висконсина, отвергнутого Ганнесс, так как у него не нашлось 1000 долларов, был еще Алонзо Таунсенд – зажиточный фермер из Канзаса, собиравшийся приехать к ней в начале мая. К счастью, из-за «дождливой весны» ему не удалось вовремя закончить сев, и поездку пришлось отложить. А когда Таунсенд собрался – дом Белль уже сгорел.

«Если бы пожар случился на несколько дней позже, – писал обозреватель «Аргус-бюллетень», – Таунсенд, скорее всего, тоже оказался бы среди ее жертв. Сейчас же он на утреннем поезде едет в Канзас-Сити, чтобы вместе с невестой отпраздновать свое чудесное спасение»[18].

Таунсенду помогла избежать смерти плохая погода, а другой

фермер – Олаф Катчоузен из Иллинойса – уцелел благодаря «семейным обстоятельствам». Подчинившись настойчивым и все более страстным призывам Белль, фермер снял в банке 2000 долларов и собрался было в Ла-Порт. Но неожиданно родители вызвали Олафа в Бишоп. Если бы не это обстоятельство, «лежать ему разрубленным на части в свином загоне»[19].

Тридцатидевятилетний Джордж Андерсон из Миссури тоже был на волосок от смерти. В 1906 году он ответил на объявление Белль. Финансовое положение Андерсона вдову вполне устроило. Она согласилась выйти за него замуж, как только он продаст свое имущество и получит за него наличные.

Вечером в день приезда на ферму Андерсон прилег отдохнуть на втором этаже и уснул. Около полуночи он проснулся от «какой-то неясной угрозы». Открыв глаза, Джордж «увидел около кровати миссис Ганнесс. Она что-то сказала и вышла из комнаты». Напуганный, он до утра не сомкнул глаз и на рассвете уехал. Как писала одна газета, узнав о находках на ферме Ганнесс, Андерсон пришел к убеждению, что в ту ночь Белль замыслила его убить. И, не проснись он тогда, ему пришлось бы заплатить страшную цену. Но вмешалось провидение. Без его помощи, обезглавленный и разрубленный на куски, лежал бы Джордж в земле «ужасного некрополя».

И еще кое в чем Андерсон совершенно не сомневался. «Я уверен, что эта женщина жива, – сказал он репортерам. – И она сама подожгла дом»[20].

Тем временем продолжали поступать сообщения, что Белль видели в Чикаго: она разъезжала в трамваях, ходила по улицам, ела в ресторанах. Мэй Вагнер – официантка из кафе на улице Ван Бюрен, заявила полиции, что женщина, «как две капли воды похожая на Ганнесс», заходила к ним утром 8 мая. За несколько минут до этого она вместе со спутником сошла с поезда, прибывшего из Рок-Айленда. Мужчина попросил приготовить два бифштекса, и мисс Вагнер, приняв заказ, принесла посетителям свежую газету с последними новостями о трагедии в Ла-Порте и фотографией миссис Ганнесс на развороте. Взглянув на газету, мужчина бросил ее на пол, и пара, «не выпив ни глотка и не съев ни кусочка», поспешила удалиться. «Может быть, – пыталась выяснить официантка, – вам не понравилась наша кухня?» В ответ Мэй услышала, что дело не в еде, просто посетитель плохо себя чувствует. Через час ту же пару видели в ресторане на пересечении Вест-Джексон и Холстед-стрит. Мужчина и женщина явно торопились поскорее покончить с завтраком и привлекли внимание хозяина ресторана своим «скрытным поведением»[21].

По утверждениям «Чикаго трибюн», все эти свидетельства почти не оставляли сомнений, что убийца находится в городе. «Терзаемая муками совести, скрываясь от двух десятков детективов и страшась попасть в руки закона, Белль Ганнесс нигде не задерживается», – сообщало издание своим читателям[22]. Конкурирующая газета – «Чикаго интер оушен» – опубликовала еще более сенсационный материал. Ее корреспондент в Ла-Порте как-то пробрался в морг похоронного бюро Остина Катлера, куда свезли обугленные останки из подвала сгоревшего дома. Катлер, прежде чем укрыть саваном изуродованное тело женщины, в присутствии газетчика взвесил и измерил ее останки. Гробовщик рассчитал, что с учетом отсутствующей головы и ступней рост умершей составлял 5 футов и 2 дюйма, а вес – 130 фунтов. Белль Ганнесс же, по свидетельству соседей, весила 280 фунтов при росте 5 футов и 7 дюймов. «Отсюда следует поразительный вывод, – провозглашала газета. – Миссис Ганнесс, эта сирена, соблазнившая и погубившая два десятка мужчин, осталась в живых»[23].

Глава 21
Психология убийцы

Руководство норвежского лютеранского приюта для детей, расположенного в Чикаго на пересечении Вест-Ирвинг-бульвара и Пятьдесят восьмой авеню, оказалось в трудном положении. Когда объявили имя человека, неожиданно пожертвовавшего приюту крупную сумму, как раз проходила кампания по сбору 25 000 долларов на новое здание в Норвуд-парке. К сожалению, деньги детскому дому были завещаны самой известной американской преступницей и частично, если не все, принадлежали ее многочисленным жертвам. В момент оглашения завещания председатель попечительского совета преподобный Солберг, находившийся по церковным делам в Миннесоте, спешно выезжает в Чикаго. Однако еще до возвращения Солберга управляющая заведением мисс Кэролайн Уильямс объявила, что норвежский детский дом не намерен принимать «кровавые деньги» Белль Ганнесс[1].

Число ее жертв неизвестно до сих пор, и невозможно точно сказать, сколько она заработала своим кровавым промыслом. Автор широко разошедшейся публикации под заголовком «Денежки для убийцы» сложил страховые выплаты за двух «умерших» мужей с наличными, которые Белль могла «получить от обитателей ее сгоревшего дома», и получил 46 900 долларов, что на сегодняшний день равно примерно 1 200 000 долларов[2].

Хотя Белль была помешана на деньгах, одной только жадностью ее зверства объяснить было невозможно. Ганнесс явно получала удовольствие, применяя к своим жертвам схему разделки домашних животных. Специалисты, занимавшиеся изучением человеческого разума, бросились анализировать сознание убийцы. Один известный психиатр предположил, что всему виной «раздвоение личности, из-за чего терпеливая мать временами превращалась в дьяволицу, которую не страшил ни Божий суд, ни закон»; другой описал ее как «заложницу непреодолимого желания отнимать жизни, мании убивать»[33].

Гуго Мюнстерберг, профессор психологии Гарвардского университета и автор книги «На взгляд свидетеля: сборник эссе по психологии преступлений», полагал, что Белль, подобно всем психопатам, неспособна испытывать сочувствие. Объясняя ее необычные преступления, профессор написал:

> Почти каждая женщина чувствительна к проявлениям жестокости, но если сострадание ей незнакомо, открывается дорога любому преступлению. В отличие от нормальных людей, такая женщина не боится вида крови, не знает жалости и потому способна недрогнувшей рукой, без всяких эмоций разрубить тело на части, свалить останки в мешок, при свете луны выкопать во дворе могилу и зарыть там свой зловещий груз[4].

Доктор Фицджеральд, «специалист в области исследования личности», основываясь на газетной фотографии Белль, описал ее как «женщину властную и эгоистичную», которой присущи «характерные для мужчин решительность и сила ума», а также «природная склонность к убийству». Об этом, по словам эксперта, свидетельствовал «ее мозг, удивительным образом расширенный у основания». Доктор Рехарт из Вашингтона заключил, что эта фотография служит «практической иллюстрацией достоверности френологии[2]. На снимке запечатлена женщина умная, изобретательная, которой наряду с выраженной тягой к разрушению свойственны конструктивность, скрытность и жажда обогащения; у нее хорошо развиты социальные навыки, но нет и намека на религиозность и нравственность. Обладающая такой психикой женщина – способная придумывать и планировать, соблазнять и заманивать жертву, чтобы потом без моральных запретов, без сострадания исполнить задуманное, – вполне могла совершить те преступления, в которых обвиняют Белль Ганнесс»[5].

Однако Чарльз Джонс – семейный врач четы Соренсон – придерживался иного мнения. Джонс заявил, что хотя он и не психиатр по образованию, но как человек, «добросовестно штудировавший психологию преступлений», считает Белль религиозной фанатичкой. Джонс полагал, что ее злодеяния сродни средневековым пыткам и кострам инквизиции.

«Изучая психологию, я узнал, – объяснял Джонс, – что религия не знает моральных ограничений. Это не этика. Религиозный фанатизм часто лишен всякой нравственной основы и не гнушается никакими средствами».

По мнению Джонса, Ганнесс, «пораженная странной религиозной одержимостью», начала свой преступный путь с убийства Мэдса. Неожиданно свалившееся богатство – страховка мужа – заронило у вдовы мысль о легком способе обогащения, и тогда «у женщины возник соблазн совершить другие приписываемые ей преступления»[6].

Самым знаменитым из всех «светил науки», пытавшихся

разобраться в душевном состоянии Белль Ганнесс, оказался Чезаре Ломброзо. Сейчас он, правда, признан умалишенным, но в свое время был всемирно признанным криминологом. В своем чрезвычайно популярном труде «Преступный человек» Ломброзо доказывал, что опасные убийцы не только ведут себя как жестокие дикари, но и буквально наделены чертами далеких первобытных предков. Он полагал, что преступное поведение – это атавизм. По мнению Ломброзо, выступающими надбровными дугами и мощными челюстями, толстыми шеями и некоторыми другими особенностями преступники напоминают обезьян, и это позволило «эксперту» отнести современных злодеев к недоразвитым существам, застрявшим на ранних ступенях эволюции человека[7].

В разлетевшейся по американским газетам статье, посвященной делу Ганнесс, Ломброзо утверждает, что убийца из Ла-Порта является ярчайшим примером «прирожденной преступницы». По мнению криминолога, «обычно такие создания совершают меньше преступлений, чем мужчины, но гораздо более жестоки, чем представители сильного пола. Женщине недостаточно просто убить врага. Она хочет заставить его страдать, она наслаждается его смертью». По словам Ломброзо, в преступлениях женщин-убийц всегда присутствуют сексуальные мотивы, и миссис Ганнесс тоже «заманивала жертв, используя сладострастие как приманку». Автор утверждал, что «чрезмерная сексуальная извращенность Белль проявилась в странном удовлетворении, которое она испытывала, обрекая на смерть самых дорогих людей». В убийстве детей Ломброзо увидел еще одну черту, присущую женщинам-убийцам. По его мнению, материнский инстинкт у них не только подавлен, но и «превращается в свою противоположность: они получают удовольствие, мучая своих отпрысков».

Объяснение, предложенное «великим криминологом», выдает в нем женоненавистника и абсолютно непоследовательного в своих выводах псевдоученого:

> Женщина во многом напоминает ребенка. Она так же мстительна и ревнива, но эти недостатки подавляются богобоязненностью, материнским инстинктом, менее пылкими страстями, слабостью и умственной недоразвитостью. Но если в мозгу человека возникает болезненное возбуждение определенных центров, отвечающих за дурные наклонности, если отсутствуют сострадание и материнский инстинкт, если кипят страсти и желания, порожденные повышенной

> сексуальностью, если хватает хитрости и физической силы для совершения злодеяний, – тогда появляется «прирожденный преступник», причем женщина в этом случае гораздо страшнее мужчин[8].

Известный журналист Артур Пеглер привел доводы еще одного неназванного эксперта, который указал на сходство преступлений миссис Ганнесс со зверствами Джека-потрошителя. По мнению этого специалиста, маньяк убивает не только «из-за денег». Он «жаждет наносить раны, упиваться запахом крови, окунать в нее руки». Однако Ганнесс, в отличие от других преступников, обезглавливала тела своих жертв и всегда отсекала конечности[9].

Сравнивая Белль с кровавым Джеком-потрошителем, неизвестный эксперт очень точно отнес Ганнесс к тем маньякам, которых в будущем назовут серийными убийцами.

Глава 22
Иоганн и Кейт

После вскрытия тела Эндрю Хельгелейна его желудок, печень и почки в герметично укупоренном сосуде отослали доктору Уолтеру Гейнсу в Медицинский колледж Раш при Чикагском университете. Доктор обнаружил в желудке почти полтора грана стрихнина, что в несколько раз больше смертельной дозы, а также «изрядное количество» мышьяка[1]. Конечно, точно сказать, как Белль отправила на тот свет всех своих жертв, было нельзя, однако Гейнс предложил довольно правдоподобный сценарий.

Несчастный, отведав приготовленное хозяйкой и щедро приправленное ядом кушанье, вскоре начинал испытывать нестерпимые муки. Миссис Ганнесс двумя-тремя сильными ударами топора по голове избавляла жертву от последних страданий и переносила убитого в подвал – для разделки. Там, отрезав голову и конечности, Белль складывала останки в мешки, перетаскивала их в загон для свиней, сваливала в яму и, чтобы ускорить разложение, засыпала негашеной известью.

Вопрос, скольких погубила убивица из Ла-Порта, так и остался без ответа. Согласно первым двенадцати изданиям Книги рекордов Гиннесса, от руки Белль погибло двадцать восемь человек – «результат, которого не достигла ни одна из известных к настоящему времени женщин-убийц»[2].

За два года до того, как открылись преступления Ганнесс, всеобщее внимание было приковано к другому, не менее жестокому серийному убийце. Его звали Иоганн Шмидт. Совершая свои ужасные преступления, он именовал себя то Албертом Хушбергом, то графом Отто фон Кейном, то доктором Хартом, то Мартином Дотцем. Он пользовался, по крайней мере, еще десятком имен, включая то, под которым стал известен миру: Иоганн Хох[3].

Этот двадцатипятилетний выходец из Германии, бросив на родине жену и троих детей, в 1887 году прибыл в Америку. В 1895-м, используя фамилию Хафф, он, будучи женатым, вступил в брак с богатой вдовой Мартой Штейнбухер. Через четыре месяца ее неожиданно поразил страшный кишечный недуг. В предсмертной агонии женщина пожаловалась врачу, что ее отравили. Доктор воспринял это как горячечный бред и не придал словам несчастной никакого значения. На следующий день она умерла, а муж немедленно продал имущество и, получив за него

4000 долларов, пропал.

Второй жертвой Хаффа стала жительница Западной Виргинии Кэролайн Хох. Вскоре после свадьбы Кэролайн тоже тяжело заболела. Священник, который зашел ее проведать, увидел, что муж дает женщине какой-то белый порошок, будто бы лекарство. На следующий день ее не стало, а Хафф в срочном порядке продал дом, получил по страховому полису жены 900 долларов, а затем, инсценировав самоубийство, исчез.

Назвавшись Иоганном Хохом, убийца направился в Чикаго. По дороге он напал на неустановленное число женщин, одних обирал, других лишал жизни. Через некоторое время он стал работать на чикагских скотных дворах, где и заработал убийственное прозвище «Синяя Борода скотобойни».

В декабре 1904 года в немецкоязычной газете Хох поместил брачное объявление. На него откликнулась владелица кондитерской лавки Мари Уолкер, вдова сорока шести лет. Вскоре состоялась свадьба, а уже через неделю у Мари начались невыносимые боли в желудке, ее мучили сильная жажда и покалывание в руках и ногах. По словам новобрачной, ей казалось, что по всему телу бегают мурашки. Налицо были классические симптомы отравления мышьяком, но врач нашел у женщины болезнь почек. Через две недели больная скончалась. Она еще не успела испустить дух, а Хох уже сделал предложение ее сестре Джулии, дежурившей у постели умирающей. Через три дня образовалась новая семейная пара, и почти сразу, прихватив все деньги новоиспеченной жены, Хох испарился.

Обратившись в полицию, Джулия узнаёт, что он уже находится под подозрением как мошенник и убийца. Тело Кэролайн Хох к тому времени эксгумировали, но яд при вскрытии обнаружен не был: Хох предусмотрительно вырезал внутренние органы и утопил их в реке Огайо. Однако с телом Мари Уолкер властям повезло больше: в желудке обнаружили смертельную дозу мышьяка.

Полиция немедленно обнародовала фотографию преступника. Он к тому времени скрывался в Нью-Йорке, где хозяйка квартиры, опознав Хоха по газетному снимку, сообщила о нем в полицию. Во время ареста у него нашли авторучку, заправленную вместо чернил каким-то порошком. Это был мышьяк. 23 февраля 1906 года Иоганна Хоха, обвиненного в убийстве Мари Уолкер, повесили. Число его жертв неизвестно, но, по оценке одного внушающего доверие историка, «у Хоха могло быть от сорока трех до пятидесяти жен, треть из которых он умертвил»[4].

Как только открылся масштаб преступлений Белль Ганнесс,

газетчики принялись сравнивать ее с Иоганном Хохом. Одной из самых странных оказалась растиражированная статья «Их пути пересеклись» – образчик «альтернативной» истории, основанной на рассуждениях Чарльза Питерса, заместителя шерифа города Чикаго.

Выступая перед репортерами, Питерс заявил: «С криминологической точки зрения интересно представить состязание между миссис Ганнесс и Иоганном Хохом. Предположим, он увидел ее объявление, ответил, произошла встреча. Белль охотится за его деньгами, он хочет обобрать ее. При этом каждый изощренно планирует, как обойти противника. Это был бы сюжет для самой захватывающей драмы о злодействе из всех, когда-либо увидевших свет рампы»[5].

Поработав над мрачным «а что, если?» сценарием Чарльза Питерса, автор статьи с устрашающими подробностями описывал воображаемое противостояние двух воплощений Синей Бороды – женского и мужского. Вот Хох, ликуя, с дьявольским оскалом отвечает на объявление Белль. Иоганн предвкушает, что вскоре завладеет «богатой фермой». Ганнесс читает его ответ со «зловещей ухмылкой» и «выглядывает во двор, выбирая среди могил своих обезображенных жертв место для нового захоронения».

Во время первой встречи Хох и Ганнесс оценивают друг друга и каждый решает: «Дело в шляпе!» На следующий день, «показывая гостю свои угодья, Белль держит его за руку, гладит по щеке. Он отвечает на ласки хозяйки, он уверен, что своей внешностью и манерами уже произвел должное впечатление». Потом они обсуждают финансовую сторону вопроса. «Хох сообщает вдове, что при нем тысячи долларов и он готов вложить их в общей котел. Она улыбается и обещает, что, когда они с Хохом поженятся, тот станет хозяином фермы. И, скорее всего, в ту же минуту назначается день свадьбы».

После бракосочетания и короткого свадебного путешествия пара возвращается на ферму. «Взлетает занавес, начинается последнее действие», и «сатанинское представление» приближается к «трагической» развязке.

О том, кто выйдет победителем в беспощадном поединке двух монстров, автор статьи мог только догадываться.

«Кто кого перехитрит? Кто умудрится, подсыпав яд, ударив во тьме топором или в пылу жарких объятий вонзив нож, напасть первым? Кто в результате станет наслаждаться богатством, а кто падет жертвой коварства и окажется в могиле?»[6]

Но преступления Белль сравнивали не только с деяниями

Иоганна Хоха, но и с нашумевшим делом «Кровавых Бендеров» из Канзаса.

Глава семейства – шестидесятилетний грузный бородач Джон – в исторических материалах упоминается как Старик Бендер. Его жена, крупная домохозяйка пятидесяти лет, с угрюмым, как у мужа, выражением бледной физиономии, известна просто как Ма. Их сын, худой мужчина с тонкими усиками на красивом лице – на вид ему не больше тридцати, – был подвержен приступам нервного смеха и поэтому слыл придурковатым. Считалось, что все преступления планировала его сестра Кейт, девушка лет двадцати. Хотя предание приписывало ей роль рыжеволосой обольстительницы, скорее всего, изящным сложением она не отличалась. Девица объявила себя целительницей и, назвавшись «Профессором мисс Кейт Бендер», устраивала спиритические сеансы.

Бендеры прибыли в округ Лабитт где-то около 1870 года. В нескольких милях от железнодорожной станции Черривейл, у самой дороги, они построили дом. Жилище представляло собой большую комнату, разделенную занавеской. В одной половине разместились хозяева, а другая играла роль постоялого двора, где путникам предлагали домашнюю еду, а желающим остаться на ночь – еще и соломенный тюфяк на полу.

Сколько в этой наводящей ужас гостинице за два года побывало гостей, не установлено. Но, по крайней мере, девятерых путников живыми больше никто не видел. Об их страшной участи стало известно весной 1873 года. Это случилось после таинственного исчезновения местного врача Уильяма Йорка. Последний раз его видели в экипаже на старой дороге индейцев осейджи. Поиски Уильяма возглавил брат, полковник А. М. Йорк. Следуя путем доктора, он добрался до лачуги Бендеров. Джон-младший подтвердил, что доктор действительно останавливался у них на ночь, но наутро, уверял Бендер, в полном здравии продолжил свой путь. Он добавил, что сам недавно едва не угодил в лапы разбойников с большой дороги, и предположил, что та же шайка могла напасть на доктора. Полковник в эту историю, конечно, не поверил. Опросив Кейт – та сказала, что обладает даром ясновидения и поможет найти пропавшего, – поисковая группа уехала. Подозрения полковника Йорка только усилились.

Несколько недель спустя один из соседей Бендеров, заехав в дом у дороги, обнаружил, что он пуст и там царит полный беспорядок. Старые часы, грязные тарелки, Библия на немецком, несколько молотков, пила для разделки мяса, нож с длинным лезвием, свернутая в узел матерчатая перегородка в углу – все

говорило о спешке, в которой хозяева покидали свое жилище.

Когда весть об их исчезновении дошла до полковника Йорка, он с группой мужчин, не теряя ни минуты, приехал на постоялый двор Бендеров. В той части дома, где готовили еду, Йорк заметил в полу люк. Когда его открыли, наружу вырвался тошнотворный запах, источником которого оказалась запекшаяся на каменном полу лужа крови.

Приподняв хибару с помощью опорных столбов, мужчины сдвинули ее с фундамента и взломали каменный пол. В подвале было пусто. Однако в косых лучах заходящего солнца один из них заметил на земле странное прямоугольное углубление, напоминавшее осевшую могилу. В этом подозрительном месте стали копать и почти сразу обнаружили в земле труп полуодетого мужчины. Он, с проломленным черепом, лежал лицом вниз, а когда тело перевернули, то увидели, что у несчастного от уха до уха перерезано горло. Как показало вскрытие, потерявшего сознание мужчину зарыли в землю еще живым. Хотя разложение исказило его лицо, полковник без труда узнал пропавшего брата Уильяма.

Между тем наступила ночь. На следующее утро бригада полковника опять вернулась к дому Бендеров. Вооружившись металлическими прутами, они тщательно проверили землю под яблонями и в итоге нашли еще восемь тел. Семь из них принадлежали мужчинам, которые ехали куда-то по дороге осейджей, но конечной цели своего путешествия так и не достигли. У каждого из путников, убитых по одной схеме, была с собой значительная сумма наличных. И у каждого был проломлен череп и перерезано горло. Только одна жертва – восьмилетняя Мэри Ланчер, которую нашли рядом с отцом, была задушена шелковым шарфом. Потерявшую сознание девочку, как показало вскрытие, тоже похоронили заживо.

Дьявольский modus operandi семейства Бендеров выявили не только по вещественным доказательствам – кровавым пятнам на занавеске и ранам такой величины и формы, что они с большой вероятностью могли быть нанесены молотками, найденными в жилище; помогли также свидетельские показания выживших постояльцев гостиницы. Когда появлялся состоятельный с виду путешественник, его усаживали за стол спиной к занавеске. Пока Кейт занимала обедавшего гостя разговором, ее брат или отец уже стояли за матерчатой перегородкой, вооружившись молотком, который при первом удобном случае пробивал череп ничего не подозревавшему человеку. Потом несчастного связывали и бросали в подвал. Там для верности гостю перерезали горло, а ночью закапывали тело в саду.

За головы убийц объявили награду в 3000 долларов, и хотя немало полицейских, разного рода агентов и просто линчевателей хотели получить эти деньги, Бендерам удалось избежать ареста. Не один год ходили слухи, что Джон-младший работает на железной дороге в Техасе, что Кейт держит бордель в Сан-Франциско, что Старик Бендер покончил с собой в Мичигане, что при попытке перелететь в Мексику на воздушном шаре вся семья разбилась. Но их реальная судьба так и осталась тайной[7].

После событий на ферме Ганнесс газеты тут же отметили «удивительное сходство» между «ужасными деяниями семейства Бендеров» и преступлениями Белль. Во многом два этих дела действительно были похожи, и это послужило почвой для разговоров о возможной связи между Бендерами и Ганнесс. В одной широко известной статье цитировали неназванного корреспондента, написавшего редактору одной луисвиллской газеты, что Белль и Кейт – родственницы, так как «отец Кейт и дед миссис Ганнесс – родные братья»[8].

По другой, еще более удивительной теории, «имена миссис Ганнесс и Кейт Бендер носит одна женщина». И если это так, то «в Ла-Порте Белль превзошла все злодеяния своей прошлой жизни».

Однако мерзкие преступления семейства Бендеров меркнут перед кошмаром свиного загона в Ла-Порте. Кроме того, Бендеры поддерживали друг друга, что помогало им хранить свою страшную тайну. Белль же, напротив, даже прибегая к помощи Лэмфера или другого сообщника, большинство, если не все, злодеяний совершила сама.

Хотя идея о появлении в Ла-Порте под новым именем исчезнувшей тридцать лет назад мисс Бендер не выдерживает критики, нет сомнения, что «в истории преступлений» эти женщины будут связаны навсегда. Преступления Белль Ганнесс и Кейт Бендер подтверждают печальную истину: «В человеческих сердцах есть место не только бесконечной доброте, но и запредельному злу»[9].

Глава 23
Жива или мертва?

В пятницу, 8 мая, два коммерсанта Бьюэлл и Хант сидели рядом друг с другом в пульмане «Атлантик экспресс», следовавшем из Детройта в Рочестер, штат Нью-Йорк. Около семи вечера, когда поезд, пересекая Огайо, остановился в Аштабьюле, в вагон вошла женщина и села через проход от мужчин.

Женщина была крупной, ростом 5 футов 9 дюймов и весила не меньше 200 фунтов. Она носила траур, а ее лицо было скрыто под густой черной вуалью.

Незадолго до этого случая Бьюэлл с Хантом ездили в Чикаго, где не утихали споры о судьбе миссис Ганнесс после пожара. У Бьюэлла при себе была даже газета с фотографией «Леди Синей Бороды». Позже Бьюэлл рассказывал репортерам, что «его удивило поведение женщины: казалось, она избегала внимания окружающих». В какой-то момент дама все-таки подняла вуаль, и тут коммивояжеры обменялись понимающими взглядами.

В Рочестере компаньоны немедленно отправились в отель «Пауэрс», где они сообщили о своих подозрениях охраннику. Охрана сразу же связалась с полковником полиции Генри Макалистером, а тот, в свою очередь, позвонил в Сиракьюз – пункт следующей остановки состава – капитану Томасу Куигли. Капитан направил на вокзал двух детективов – Карла Несса и Джона Доннована, и они вместе с начальником станции около часа ночи вошли в вагон прибывшего поезда. Проводник Бриттон, которому Несс и Доннован описали внешность пассажирки, поинтересовался, не друзья ли они этой даме. Детективы, показав удостоверения, объяснили, зачем пришли, и он подвел их к спящей женщине.

Как позже описывала это «ужасное происшествие» сама пассажирка, увидев над собой двух склонившихся мужчин, она решила спросонья, что «поезд захватили грабители». Детективы представились, объяснили, в чем дело, и женщина «пришла в ужас». Ей приказали немедленно одеться. Она еще продолжала собираться, когда поезд с пятнадцатиминутным опозданием отошел от платформы.

На ближайшей станции, в Ютике, женщину вывели из вагона и препроводили в полицию. Слух об этом прокатился по всему составу, и возбужденные пассажиры решили, что присутствуют при историческом событии – аресте Белль Ганнесс, «Чудовища из Индианы»[1].

Утром 9 мая новость об аресте Белль Ганнесс попала в газеты, однако в полиции штата Нью-Йорк уже догадывались, что произошло досадное недоразумение. Она без труда установила, что задержанную зовут Кора Херрон, что она вдова Фредерика Херрона, главы одной чикагской химической компании. Ехала женщина в Нью-Йорк, где на Вест-Фортис-стрит жила ее родная сестра Этта Рокфеллер, жена трамвайного кондуктора, который представлялся дальним родственником нефтяного магната.

Как только, к удовлетворению властей Ютики, личность задержанной была установлена, миссис Херрон доставили обратно в Сиракьюз. Там, послав сестре телеграмму, в женской камере отделения полиции Кора Херрон и провела ночь. Наутро с женщиной встретился начальник полиции Кондон. Извинившись, он попросил ее подписать бумагу, что его подразделение не несет ответственности за неправомерный арест, но дама отказалась, после чего ее привезли на вокзал и вручили билет на экспресс до Нью-Йорка.

А на центральном вокзале Нью-Йорка в ожидании Этты Рокфеллер уже собрались газетчики. Был среди них и корреспондент «Нью-Йорк таймс».

После эмоциональной встречи двух сестер разгневанная миссис Рокфеллер заявила журналистам: «Это вопиющий случай, и я буду настаивать, чтобы сестра требовала законное возмещение за тот позор, на который выставили ее тупые сиракьюзские полицейские».

Отвечая на вопрос о возможной сумме компенсации, утомленная миссис Херрон сказала, что ее «могли бы удовлетворить пятьдесят тысяч долларов».

Когда сестры уже садились в такси, свой вопрос выкрикнул репортер «Нью-Йорк таймс»:

– Можете рассказать, что вы чувствовали, что пережили?

– Что рассказывать? – дрожащим голосом ответила Кора. – Это было ужасно[2].

То, что ее задержали по ошибке, заместителю шерифа Энтиссу было ясно с самого начала. Подобно другим жителям Ла-Порта, он был уверен: Белль Ганнесс убил ее сообщник Рэй Лэмфер. «Полиция Ла-Порта, – заявил Энтисс, – прибегнув к помощи трех детективов из агентства Пинкертона, собрала достаточно улик, чтобы приговорить Лэмфера к смертной казни»[3]. К неоспоримым доказательствам его вины газеты отнесли и частую бессонницу, объявив, что это угрызения совести не дают преступнику спать по ночам. Пренебрегая, как обычно, легко проверяемыми фактами, «Чикаго американ» назвала

Лэмфера «бесноватым маньяком», которого преследует мстительный призрак миссис Ганнесс. Рэй якобы кричит по ночам, что она тычет в него пальцем и грозит с ним «поквитаться»[4].

Опровергая заявление Энтисса, адвокат Уирт Уорден настаивал на полной невиновности своего подзащитного. Он напомнил, что представлял интересы Рэя в его судебной тяжбе с миссис Ганнесс, и охарактеризовал его как человека «хоть и не слишком умного, но не имеющего преступных наклонностей».

Уорден обозначил две возможные версии пожара на ферме в Ла-Порте.

> По одной из них, миссис Ганнесс, опасаясь, что на следы ее преступлений натолкнется Лэмфер, и зная о расследовании Асле Хельгелейна, решила уничтожить улики и скрыться. Поэтому она убила троих детей, бросила их тела в погреб, подложила туда же труп другого взрослого человека, подожгла дом и исчезла.
>
> По второй версии, Белль предвидела, какие события могут развернуться на ферме с приездом Хельгелейна, и решила, уничтожив улики, свести счеты с жизнью. Что и сделала, предварительно убив детей и устроив пожар.
>
> «В любом случае, – заявил Уорден, – Лэмфер к этому преступлению непричастен. Я уверен: он просто жертва обстоятельств»[5].

На мельницу сторонников первой версии – они считали, что Белль подбросила обезглавленный женский труп, чтобы запутать расследование, – лили воду постоянные газетные сообщения: убийца якобы появлялась то в одном, то в другом городе. Полиция Элкхарта, штат Индиана, шла по следу мужеподобной женщины с «золотыми зубами». Она вызвала подозрения некоего Стилмана, продавца книжной лавки. По его словам, даму отличал сильный скандинавский акцент, и ее внешность полностью соответствовала описанию «Ведьмы из Ла-Порта»[6]. В то же время стражи порядка Ист-Сент-Луиса получили сообщение от аптекаря Джорджа Спуруневски, утверждавшего, что «женщина, очень похожая на Белль Ганнесс», недавно поселилась в их городе [7].

Шериф округа Делта, штат Колорадо, Р. С. Уильямс, убежденный, что преступница скрывается где-то поблизости, послал властям Ла-Порта телеграмму, в которой интересовался, назначено ли за арест убийцы вознаграждение, и обещал задержать преступницу[8]. Другой запрос в полицию Ла-Порта поступил от жителя города Уилмар, штат Миннесота. Он уверял, что Ганнесс служит экономкой у местного фермера и ее нужно

немедленно арестовать[9]. Сэмюэль Харви из Канзас-Сити, штат Миссури, обратился напрямую к мэру Дарроу. 4 мая в городе Огдене, штат Юта, мистер Харви встретил «женщину, якобы сгоревшую дотла шесть дней назад»[10]. Ее «видели» не только в Мичигане, Вашингтоне, Арканзасе, Иллинойсе и Огайо, но даже в Канаде. Более того, пришло сообщение, что Белль, «переодетая в мужское платье, путешествовала по джунглям мексиканского Чьяпаса»[11].

Появившись 9 мая в офисе шерифа Смутцера, местный провидец по имени Джесси Дикенсон объявил, что он способен установить местонахождение миссис Ганнесс, которая все еще находится в Ла-Порте. «Если у Лэмфера сохранилась какая-нибудь ее вещь, – заявил Дикенсон, – с ее помощью я найду, где прячется убийца. Тогда тайна будет раскрыта»[12].

Миссис Джеймс, еще одна провидица и устроительница спиритических сеансов из Милуоки, по звездам определила, где теперь живет Белль Ганнесс. «Это может быть Мичиган-Сити, Форт-Уэйн или Терре-Хот. Переодевшись мужчиной, Ганнесс устроилась работать на какой-то конный двор»[13].

Лавина подобных сообщений породила иронические комментарии в прессе. Одна газета советовала «крупным женщинам не выходить из дому, дабы их не задержали, приняв за Белль Ганнесс». Какой-то шутник утверждал: раз Белль видели в одно время в самых разных местах, то она, по-видимому, уже решила задачу мгновенного перемещения в пространстве»[14].

Однако шериф Смутцер, убежденный, что Белль умерла, придумал для доказательства своей правоты новый, и, как написала одна чикагская газета, «оригинальный, не похожий ни на один из применявшихся ранее, подход к раскрытию убийств». В субботу, 9 мая, он объявил, что воспользуется помощью золотоискателя Луиса Шульца, двадцать лет промышлявшего в каньонах Колорадо и Калифорнии. В понедельник Шульц установит на ферме промывочный желоб и будет искать в золе из подвала золотые зубы погибшей миссис Ганнесс.

«Дайте мне время, – сказал Шульц, – я промою все до песчинки. Если зубы там, я их найду. Даже если от сгоревшей не осталось и следа, ее зубной протез все еще там».

С золотоискателем согласился и дантист Нортон. «Год назад я делал для Ганнесс протез. Она заплатила сорок долларов за два визита, – сообщил доктор репортерам. – Так как у нее отсутствовали все нижние резцы, на два премоляра я поставил золотые коронки с четырьмя фарфоровыми зубами, укрепленными с внутренней стороны шиной из золота высокой

пробы. Если женское тело, найденное в руинах, принадлежало миссис Ганнесс, ее протез можно будет найти. Огонь пожара неспособен сжечь фарфор и расплавить золото»[15].

Смутцер выступил со своим заявлением после долгого дня бесплодных поисков. Впервые с начала раскопок в «саду смерти» не нашли ни одного нового тела. К вечеру, когда землекопы отложили лопаты, толпа, нахлынувшая на ферму еще утром, не могла скрыть удивления. Люди считали, что тела жертв Белль Ганнесс зарыты на каждом квадратном метре ее участка[16].

В воскресенье 10 мая копать не планировали. Причиной тому были не только религиозные соображения, но и ожидавшийся небывалый наплыв зевак. Им будет позволено «беспрепятственно осматривать весь участок, кроме погреба и развалин дома».

Чтобы заработать на лихорадочном интересе к личности Ганнесс, компания «Лейк Эри энд Вестерн рэйлроуд» организовала специальные экскурсионные поезда из Индианаполиса и Чикаго. В каждой гостинице Ла-Порта и близлежащего Мичиган-Сити приготовили дополнительные спальные места, поставив кровати даже в коридорах. Ресторанная выручка била все рекорды. Казалось, в городе, по выражению одной из местных газет, «проходила ярмарка или грандиозный съезд».

Транспортные компании нанимали дополнительных извозчиков, курсировавших между станцией и фермой. По оценке одного из них, в воскресенье, движимые нездоровым любопытством, в Ла-Порт нахлынут не меньше десяти тысяч приезжих, «что составит три четверти от численности населения города»[17].

Глава 24
Карнавал

Предсказания субботних газет не сбылись: десять тысяч любопытных в Ла-Порт не приехали. По самым скромным подсчетам, в воскресенье 10 мая там побывало шестнадцать тысяч, а может быть, даже больше двадцати. В пять утра прибыл первый экскурсионный поезд, и в течение всего дня из переполненных составов высыпали на перрон сотни новых приезжих. На станции их поджидали извозчики, предлагавшие за стандартную цену – десять центов – доставить на ферму. Правда, там седокам сообщали, что обратный путь длиною в милю обойдется уже в четверть доллара[1].

Шоссе на Ла-Порт еще до полудня заполонили всевозможные средства передвижения. Полсотни автомобилей из Чикаго, Саут-Бенда, Мичиган-Сити, Элкхарта, Гошена, Найлза, Мишоки и других городов Среднего Запада везли элегантно одетую публику. Ехали экипажи, кареты, повозки, телеги, фургоны, катила на велосипедах молодежь, двигалась целая армия пешеходов. Мамаши толкали перед собой детские коляски, хромали на костылях старые солдаты. Опасаясь то и дело прорезавших толпу мотоциклистов, ветераны «соперничали друг с другом за место на дороге». Удивительно, что в такой толчее произошла всего одна авария: автомобиль напугал лошадь, запряженную в повозку Бенджамина Занелара, и в результате его жена, выпав из экипажа, сломала руку[2].

На ферме воцарилась праздничная атмосфера. Газетчики сравнивали происходившее с ярмаркой, игровой площадкой и «парком развлечений в разгар воскресного дня»[3]. Лоточники с мегафонами рекламировали свой товар – попкорн, арахис, лимонад. Около ямы, откуда совсем недавно извлекли останки двух несчастных, дородный детина продавал «пирожные и розовое мороженое»[4]. Несколько молодых людей, нанятых по случаю владельцем местной типографии, торговали почтовыми открытками. За одну просили десять центов, за три – двадцать пять. Изображение расчлененного тела Хельгелейна разошлось за несколько минут, большим спросом пользовались почтовые карточки с черепами. Предлагали панорамные виды фермы, фотоснимки Белль и ее детей, открытки с фотографиями мужчин, которые, стоя по колено в земле, раскапывают могилы. Некоторые посетители фермы, нацелив объективы собственных фотоаппаратов, заставляли родственников позировать на краю

могильных ям или на фоне развалин сгоревшего дома[5]. Сновавшие в толпе предприимчивые юнцы продавали части скелетов, найденных в «саду смерти», однако вскоре покупатели догадались: вместо реликвий им всучили осколки свиных костей. Другие охотники за сувенирами подбирали обломки кирпичей, обугленные куски печной трубы, гнутые гвозди, закопченные обувные пуговицы и даже отламывали ветки с фруктовых деревьев. Джо Цанер – член бейсбольного клуба из Саут-Бенда – «разжился старым кофейником и потрепанного вида башмаком»[6].

Некоторые, не обращая внимания на охрану, забирались в руины подвала и выносили оттуда полные мешки обломков и мусора. Другие в поисках зловещих сувениров копались в грязи разрытых могил. Одна миловидная женщина, «подхватив подол нарядного платья, несла в нем часть собачьей тушки. Дама считала, что Ганнесс испытывала на несчастном животном тот яд, которым травила своих жертв»[7].

Самые первые, прибыв на ферму, кинулись прямо к каретному сараю. Шериф Смутцер, стоявший снаружи, организовал очередь посетителей и партиями в несколько человек разрешил им осмотр импровизированного морга. Однако к девяти утра толпа стала неуправляемой, и сарай пришлось запереть. Несколько расстроенных женщин «с криками разочарования бросились к маленькому красному строению… Чтобы заглянуть внутрь, они голыми руками расковыривали щели и трещины». Мужчины же, «подсаживая друг друга, заглядывали в окно, а снизу на прильнувшего к стеклу зеваку покрикивали желающие занять его место»[8].

Погода была прекрасная, и многие из тех, кто приехал утром, прихватили с собой провизию. В полдень в саду под яблонями и на лужайке под елями разложили скатерти и принялись за еду. Вокруг резвились дети. Местный персонаж, этакий дядюшка Бен, рассказывал собравшимся, что с помощью раздвоенного прута – своеобразной волшебной палочки – сможет указать, где захоронены еще не найденные жертвы. «Всего их тридцать семь», – закончив осмотр, торжественно заявил мужчина[9].

Две недели подряд пресса обсуждала подробности трагедии на ферме Ганнесс. Рассказы о происшествии в Ла-Порте не только заполонили первые страницы газет по всему Среднему Западу, но и породили поток нравоучительных статей. Из-за невиданного поведения толпы, осквернившей мирный день отдохновения разгулом на зловещей ферме, на страницы печатных изданий выплеснулась волна возмущения. Писали, что «воскресную атмосферу тишины и соблюдения религиозных обрядов» люди

променяли на «массовые беспорядки и легкомысленные – на грани безумия – дикарские развлечения, полные отвратительной жестокости». Казалось, возбужденные толпы спешили не на жуткое кладбище, а в цирк. Один разгневанный комментатор утверждал, что подобное паломничество пятнадцати тысяч потерявших голову «экскурсантов» доказывает, что «современный человек в своем развитии недалеко ушел от первобытных варваров»[10].

Задетый подобными нападками, редактор «Ла-Порт уикли геральд» выступил в защиту своих земляков. Он заявил, что орды патологически любопытных, собравшихся на ферме Ганнесс, осуждения не заслуживают, и «в любом другом конце страны произошло бы то же самое». Такое случается всегда и везде. В судах всегда толпится народ, «его влекут жестокие преступления, и покойницкая – центр такого притяжения. …Люди хранят предметы, связанные с убийством или несчастным случаем, и во многих домах эти реликвии выставляются напоказ».

Редактор «Ла-Порт уикли геральд» также предположил, что человек, возможно, испытывает необъяснимое удовлетворение при виде чужих страданий. «Некоторые полагают, что в жизни каждого и так достаточно неизбежных трагических событий, – писал автор статьи, – чтобы удержать его от непонятной тяги к страшному и неприглядному. Человек же, сознавая, что другие тоже в муках несут свой крест, находит в столкновении с жестокостью жизни своеобразное утешение»[11].

Как бы то ни было, интерес к каждой скандальной подробности дела Ганнесс не утихал, равно как и попытки предприимчивых торгашей нажиться на этой трагедии. В следующее воскресенье на ферму приехали еще десять тысяч любопытных. А через несколько дней «Ла-Порт уикли» разразилась гневными нападками на два театра, которые «с помощью волшебного фонаря»[3] устроили в Саут-Бенде показ «двадцати двух видов фермы Ганнесс». «Чего доброго, – возмущался автор статьи, – в этих театрах еще начнут демонстрировать фильмы со сценами, где Белль Ганнесс убивает своих несчастных жертв»[12].

Его слова оказались пророческими, и очень скоро по всему Среднему Западу студия «Эдисон компани» выпустила в прокат кинокартину «Миссис Ганнесс – Леди Синяя Борода»[13].

Глава 25
«Тайна миссис Ганнесс»

Публика жаждала все новых материалов о миссис Ганнесс. Чтобы удовлетворить потребности двух местных газет, типографии в Ла-Порте работали сверхурочно. Тираж ежедневной «Ла-Порт геральд» превысил восемьсот экземпляров, многие читатели «покупали по три или четыре газеты», чтобы «одну оставить себе, а остальные отослать друзьям»[1].

Если новостей не хватало, желтая пресса смаковала пикантные подробности, приправленные дикими слухами, сплетнями и откровенными фальсификациями. В одной статье миссис Ганнесс называли «расхитительницей гробниц». Инсценируя собственную гибель, она якобы «вырыла из могилы на ближайшем кладбище труп и подложила в горящий дом»[2]. По словам другого репортера, преступница владела техникой гипноза и могла силой мысли «заставить жертву подчиниться своей воле»[3]. А вот как некто Роберт Эш изображал терзания преследуемой призраками миссис Ганнесс:

> После пожара убийца не знала покоя: по ночам ее мучили кошмары – десяток изувеченных тел, духи Хельгелейна, Дженни Олсон… Темнота наводила ужас, и в горячечном бреду злодейке являлись тени загубленных ею душ[4].

Широко разошлась история, в которой автор, ссылаясь на источники в Норвегии, рассказывал об отце Белль, «Питере Полсоне – странствующем врачевателе и ярмарочном колдуне». Вместе с братом и тремя сестрами Белль якобы принимала участие в «магических» представлениях и, танцуя в короткой юбке на проволоке перед шатром, служила приманкой для зрителей-мужчин[5].

По всей стране газеты напечатали одно из коварных писем, адресованных Эндрю Хельгелейну. «Нет на свете женщины счастливее меня, – писала Белль. – Я знаю, скоро ты приедешь, ты будешь моим… Твое имя звучит как музыка. Мое сердце рвется навстречу тебе! О Эндрю! Я люблю тебя. Сделай все, чтобы остаться со мной навсегда». Только много лет спустя удалось установить, что эту подделку, не выходя из отеля «Тигарден», состряпал один заезжий журналист[6].

Черная зависть поразила население других городов Индианы. Когда весть о том, что обнаружен новый сад смерти с жертвами

Ганнесс, достигла соседнего Уорсо, его жители «впали в крайнее возбуждение», но вскоре, узнав, что это фальшивка, были страшно разочарованы[7]. Газетчик из Вальпараисо рассказал своим читателям, что до покупки земли в Ла-Порте миссис Ганнесс приценивалась к участку в их городе. Конечно же, она намеревалась устроить там кладбище будущих жертв. По каким-то причинам сделка не состоялась, и поэтому Вальпараисо, по грустному заключению автора статьи, «упустил шанс приобрести широкую известность»[8].

В приступе «временного помешательства покончил с собой» увлеченный делом Ганнесс семидесятилетний Джейкоб Роуч из Уорсо[9]. Еще более странная история, о которой под заголовком «Ее газон испортила собака с повадками Ганнесс» написала «Нью-Йорк таймс», случилась с миссис Сарой Стубберт из Глен-Ридж, штат Нью-Джерси. Женщина сдала «свой чудесный дом» мистеру Сойеру, жителю Манхэттена. Вернувшись, миссис Стубберт, которая всегда гордилась своим газоном, обнаружила, что «собака жильца подражала преступнице из Ла-Порта и, закапывая на лужайке кости, безнадежно ее испортила». За повреждение газона «собакой Ганнесс» хозяйка предъявила мистеру Сойеру иск на 500 долларов[10].

Тем летом чикагское издательство «Томпсон энд Томас» напечатало труд анонимного автора, который наскоро собрал самые дикие выдумки про Белль Ганнесс. Этот «детектив» – хаотичный набор непроверенных выдержек из газетных статей, приправленный, как написал один историк, «распаляющими воображение» сценами, – продавался за четверть доллара[11]. Книжонка в обложке называлась «Тайна миссис Ганнесс: волнующая история любви, коварства и преступления». Кричащую обложку украшало изображение статной красотки в легком пеньюаре: держа в одной руке свечу, а в другой пузырек с ядом, Белль склонилась над спящим батраком, и этот мало соответствующий действительности образ можно было увидеть на всех иллюстрациях. Первая глава – «Дочь шпагоглотателя» – описывала выдуманное детство преступницы.

Повествование начиналось словами: «В цыганском таборе под норвежским Тронхеймом был праздничный день. Встав на носочки, изящная, легкая Арабелла – жена шпагоглотателя-гиганта Питера, вызывая восторг публики, танцевала на качающемся канате». Дальше мы узнаем предысторию: «удалой красавец» Питер, «погружая в горло» длинный стальной клинок так глубоко, что снаружи оставалась только «богато изукрашенная рукоять», покорил своим искусством «прекрасную

Арабеллу». Во время одного из представлений девушку охватил страх, и она – такое случается только с женщинами – поняла, что «без памяти влюбилась в отважного шпагоглотателя». Вскоре Арабелла начала выступать вместе с Питером в специально для нее поставленном номере «Усекновение головы». Во время представления артисты с поражающей реалистичностью создавали полную иллюзию того, что красивая молодая жена гиганта действительно лишается головы:

> В качестве реквизита использовали огромный меч, колоду, изображавшую плаху, зеркало от экипажа и восковую голову с чертами прелестной ассистентки. Арабелла опускала златокудрую голову на плаху, а Питер – в кроваво-красном трико и черной маске – молча стоял рядом. И вдруг, к ужасу зрителей, «палач» проводит пальцами по белой шее, взлетает сверкающее стальное лезвие, и – меч с душераздирающим хрустом падает на колоду. Фонтан бутафорской крови – и голова красавицы уже катится с плахи прямо в корзину. Не давая зрителям опомниться от пережитого ужаса, перед ними вновь появляется Арабелла и, ослепительно улыбаясь, посылает публике воздушные поцелуи. Это ли не доказательство, что красавица цела и невредима, а меч упал на восковую куклу?

Через год после свадьбы у артистов родилась девочка. В честь матери «она получила имя Арабелла, но все звали ее просто малышкой Беллой». Каждый год родители брали ее на гастроли по шведским и норвежским городам, и вскоре «голубоглазая малютка в своих забавах стала подражать взрослым». Однажды «артист-великан» и его жена увидели, как их маленькая дочь, сидя в углу шатра, «играла с любимой тряпичной куклой Долли». К ужасу родителей, малышка Белла вдруг схватила одну из отцовских шпаг и, «захлебываясь от восторга», отрубила кукле голову.

Шокированные родители даже решили «временно отменить выступления» и открыли посудную лавку в Христиании. Вскоре произошла трагедия. Когда к Питеру и Арабелле приехал дед малышки, девочка стала свидетельницей его ужасной смерти. «Он стоял на верхней площадке лестницы рядом с внучкой и вдруг неожиданно упал вниз и сломал себе шею».

Но худшее, если верить безымянному автору, было еще впереди. Лавка Питера разорилась, и ему «пришлось опять заняться прежним ремеслом – глотать шпаги. Однажды, при большом стечении народа, погружая лезвие внутрь тела, великан

поскользнулся и упал. Острие пронзило его внутренности, и он в страшных мучениях скончался на глазах у малышки Беллы».

В конце этой будоражащей воображение читателей главы автор задавался вопросом, который в то время широко обсуждался в обществе: в какой мере серийный убийца формируется воспитанием и насколько преступное поведение человека определяется его природой. «Что заставило женщину обезглавить больше двадцати пяти человек – мужчин, женщин, детей? Наследственность или ужасные детские впечатления превратили милого ребенка в кровожадное чудовище с непреодолимой тягой убивать, отсекать руки, ноги и головы своим жертвам?»[12]

Почти дословно перепечатанный из газет потрясающий воображение перечень ее преступлений дополняли расцвеченные подробностями небылицы. Разделавшись с обоими мужьями, Белль, именуемая также дочерью шпагоглотателя, колдуньей, сиреной, чудовищем и вампиршей миссис Хайд, чтобы и дальше удовлетворять сжигающую ее жажду крови, «разрабатывает дьявольскую убивающую машину». Первым делом Белль устроила в своем доме тайную комнату. Вскоре после переезда в Ла-Порт миссис Ганнесс наняла каменщика, который построил мнимую коптильню без окон, со звуконепроницаемыми стенами и тяжелой дубовой дверью. Потом хозяйка фермы оборудовала будущую «камеру смерти» крюками для мяса и чаном – «инструментами для приготовления колбас или – для расчленения человеческих тел».

Следующим шагом была покупка «других средств умерщвления: мышьяка, бутыли с хлороформом, острых скальпелей и разделочных ножей». И наконец появился «сад смерти» – «маленькое частное кладбище, чтобы прятать в землю кости невинных жертв». Таким образом, Белль подготовила все необходимое для своего страшного бизнеса[13].

Запустив свой дьявольский план, миссис Ганнесс «разослала по миру сотни писем. Полные страсти и любовного томления, они давали холостякам надежду на брак». И очень скоро «на пламя полетели мотыльки».

В главах, посвященных преступлениям Белль, автор выбирал самые скабрезные эпизоды и описывал их вульгарным языком самых низкопробных книжонок Викторианской эпохи. Вот как представлена история двойного убийства, предположительно случившегося в Рождественский сочельник 1906 года, когда погибли Дженни Олсон и Джон Моу, холостяк из Миннесоты.

Бесшумно, как тигрица, преследующая жертву, дочь

шпагоглотателя прокралась в спальню невинной девушки. Ее нежную шею обхватили цепкие пальцы убийцы. Сдавленный стон – высокий, похожий на детский, – и все кончено. Теперь тигрица на цыпочках пробирается в комнату мистера Моу. Из-под пеньюара Белль извлекает крохотный флакон. Опасаться нечего: яд, подсыпанный в стакан с вином, сделал свое дело. На ее лице, страшном как у горгульи, сверкают безжалостные глаза, в предчувствии запаха крови раздуваются ноздри, руки убийцы похожи на лапы хищной птицы. В оклеенной багровыми обоями гостевой спальне «миссис Хайд» упивается видом последних мучений своей жертвы…

И вот Белль уже тащит страшный груз в тайную комнату, бросает трупы на колоду, быстро и уверенно срывает с них одежду и заносит над плахой огромное лезвие топора для разделки мяса. Белль действует точно, быстро, уверенно – как хирург; Ганнесс недрогнувшей рукой, без сожаленья, рубит на части стройное тело приемной дочери, которую пестовала с младенческих лет [14].

Вымышленная Белль переносит останки в «сад смерти» и, чтобы скрыть улики, засыпает могилу негашеной известью. «Довершая дело коварной вдовы, она день за днем уничтожала следы преступления – пожирала кости, плоть, волосы».

Едкая известь еще продолжала свою работу, а «преступницу уже с новой силой охватила жажда крови и золота». Взявшись за перо, она принялась сочинять одно из дьявольских любовных писем, а потом «со злорадной усмешкой лизнула марку» и отправила его еще одной случайной жертве.

Затем следовала «новая кровавая драма: щепотка порошка в серебряной ложке, стон, сдавленный хрип, ловкая операция по отделению одних костей от других – так перед подачей на стол повар готовит каплуна, – ночное погребение в маленьком саду. Остальное доделает известь»[15].

Автор утверждал, что Белль Ганнесс совершила двадцать пять раскрытых убийств и, возможно, еще пятьдесят нераскрытых, что на ее фоне померкли злодеяния других маньяков. «Было доказано, что Бендеры, орудуя в Канзасе, умертвили восьмерых. Доктор Холмс, хозяин «замка ужасов», погубил двадцать человек, а многоженец Хох – десять».

Цифры говорили сами за себя, и, по мнению безвестного автора, не было на свете преступника ужаснее, чем хозяйка

«фермы смерти» – Белль Ганнесс[16].

Глава 26
Находка

В понедельник, 11 мая, седовласый старатель Луис Шульц, прозванный «Старым клондайкером», сооружал промывочный желоб – длинное деревянное корыто, установленное под наклоном к земле. А в это время Джо Максон и другие мужчины, выгребая из подвала золу, сваливали ее около устройства Шульца. На следующий день подогнали водовоз, и Шульц, надеясь отыскать золотые зубы миссис Ганнесс, принялся промывать вынутый из погреба мусор[1].

За время работ на пепелище нашли три мужских хронометра. По серийным номерам удалось установить, что один продавался в Иоле и, скорее всего, принадлежал Оле Будсбергу. Напрашивался вывод, что оставшимися двумя тоже владели жертвы Белль. Шульц, проработав две недели, обнаружил еще пять, то есть теперь их стало восемь[2].

По мнению прокурора Смита, был наконец найден ответ на самый важный вопрос. Прокурор и раньше не верил, что, как считали некоторые, на скотном дворе фермы покоятся останки, по крайней мере, еще десяти человек. И теперь, как утверждал Смит, получено неоспоримое доказательство: тел в земле больше не осталось. Вот как он обосновал свое мнение:

> *На ферме нашли восемь мужских хронометров. Работники миссис Ганнесс, которые чудом избежали ее тайной комнаты, знали, что она коллекционирует часы. Следует предположить, что они имелись у каждой жертвы и после расправы с очередным женихом Белль забирала их себе.*

В результате еще нескольких недель беспорядочных раскопок, организованных шерифом Смутцером, нашли череп, принадлежавший когда-то одному из обезглавленных мужчин, и разрозненные свиные кости, оказавшиеся на деле человеческими. Предсказания прокурора сбылись: новых тел на ферме не обнаружили[4].

В субботу, 16 мая, первое найденное на ферме тело было предано земле.

Останки Хельгелейна еще раньше перевезли в похоронную контору Катлера для опознания. Вечером 15 мая их осмотрел Эдвард Эванс, чикагский специалист по бертильонажу –

антропометрическому методу судебно-медицинской экспертизы, на смену которому вскоре пришла дактилоскопия. Из тюрьмы в Миннесоте, где осужденный за кражу Хельгелейн провел десять лет, Эванс получил его обмеры и по ним сумел установить, что в саду Ганнесс действительно нашли тело фермера из Южной Дакоты.

Его положили в гроб, погрузили на катафалк и отвезли в кладбищенский морг. Все расходы взял на себя Асле Хельгелейн. Уезжая домой, он оставил на погребение брата двести долларов. В субботу, около десяти часов утра, состоялась короткая церемония. Ее провел пастор шведской лютеранской церкви Огаст Джонсон. Когда он дошел до слов «ибо прах ты и в прах возвратишься», Чарльз Майкл, хозяин местной гостиницы, бросил на крышку гроба ветку сирени. Так окончился земной путь Эндрю Хельгелейна – первой жертвы, обнаруженной на тайном кладбище Белль Ганнесс[5].

Целую неделю, не считая одного дождливого дня, проводил свои изыскания Луис Шульц. Кроме часов он обнаружил обрывки учебника анатомии, обломки костей, пряжку от ремня, ключи, золотое кольцо, куски позолоченной рамы и ржавые ножи. Зубных протезов не было и в помине.

За работой Шульца каждый день наблюдала толпа любопытствующих. Среди них оказались и три детектива из агентства Пинкертона. Шериф Смутцер призвал их на помощь, чтобы собрать улики против Рэя Лэмфера. Однако недовольный этим обстоятельством адвокат Рэя – Уирт Уорден – выступил с резким заявлением для прессы. «Они изготовят сейчас любое доказательство, лишь бы оно укладывалось в их схему, – сказал Уорден, намекая на сомнительные методы расследования, в которых часто обвиняли сотрудников агентства. – И золотые зубы миссис Ганнесс, на которых сохранились особые приметы, описанные дантистом, конечно же, обязательно найдутся»[6].

Предсказание Уордена полностью сбылось. Днем 19 мая, во вторник, Шульц из очередной порции золы извлек пару зубных протезов – верхний и нижний.

– Нашел! – заорал шериф, подбрасывая в воздух кожаное кепи.

Выхватив челюсти у сияющего золотоискателя, Смутцер вскочил в автомобиль и кинулся в город, к дантисту Нортону.

Доктору не составило труда установить, что верхний протез изготовил другой врач – верхнюю челюсть Белль протезировала еще в Чикаго. В нижней он узнал свою работу: четыре

фарфоровых зуба на подложке из золота высокой пробы, а по бокам – крючки для крепления на молярах.

– Это именно тот протез, – сообщил дантист репортерам, – мой почерк, мой стиль. Я сделал его для миссис Ганнесс[7].

– А что мешало ей перед уходом вынуть и выбросить вставные зубы? – спросил один газетчик.

– Вот здесь, – объяснил доктор, указывая на крючок – еще сохранился обломок зуба, на котором держался нижний протез. Так что, перед тем как от него избавиться, миссис Ганнесс пришлось бы самой вырывать себе зубы[8].

Однако объяснения дантиста никого не убедили. У Белль вполне хватило бы хитрости прикрепить к коронкам зуб одной из жертв. И как это возможно, чтобы пламя, без следа уничтожившее череп женщины, совсем не повредило искусственную челюсть?

Большинство же официальных лиц, по сообщениям «Ла-Порт Аргус-бюллетень», посчитали заявление дантиста достаточно авторитетным доказательством, что Ганнесс больше нет в живых[9]. Несколькими днями ранее коронер Чарльз Мак заявил, что вопрос о принадлежности найденного в руинах обезглавленного женского трупа все еще остается открытым. «Коронер Мак не уверен, что труп принадлежит убийце», – гласил заголовок «Аргус-бюллетень»[10]. Последняя находка – два зубных моста – переубедила коронера. 20 мая в 16:00 Мак, подписав заключение, с нарочным отправил его в суд. «Я утверждаю, – говорилось в бумаге, – что женский труп является телом миссис Ганнесс, погибшей в результате ужасного преступления, виновник которого мне неизвестен»[11].

В пятницу, 22 мая, большое жюри присяжных признало Рэя Лэмфера виновным в поджоге фермерского дома и преднамеренном убийстве пяти человек – Эндрю Хельгелейна, Белль Ганнесс и ее детей[12].

Часть 3
Штат индиана против Рэя Лэмфера

Глава 27
Ганнессвилл

К середине мая Ганнесс-мания достигла пика. Статьи о «Леди Синей Бороде» появлялись на первых полосах газет по всему Среднему Западу. В это время Ф. Макдоналд – уважаемый производитель обувных шнурков из Ла-Порта – ездил по делам в Цинциннати и Сент-Луис. Вернувшись, Макдоналд написал редактору «Ла-Порт Аргус-бюллетень» озабоченное письмо.

Коммерсант жаловался, что во время путешествия вместо обычных приветствий «Привет, Мак, прекрасно выглядишь! Как жена?» он, к своему ужасу, слышал только «Эй, Мак, тебя еще не убили? Очень рад, а то думал, мужчин в Ла-Порте уже не осталось» и тому подобное. Понимая, что трагедия на ферме Ганнесс нанесла большой урон репутации города и округа, Макдоналд призывал власти «сделать все возможное, чтобы развеять мрачную тень, нависшую над Ла-Портом, и вернуть городу его честное имя»[1].

Макдоналд не хотел, чтобы его родной край был связан с личностью одного из самых одиозных преступников, но его желанию не суждено было сбыться. Прошли годы, владение Ганнесс несколько раз переходило из рук в руки, а поток туристов не иссякал. Приезжая на ферму со всех концов страны, охотники за сувенирами обследовали каждую пядь земли, портили сад, обламывая на память ветки яблонь. А путешественники долго еще сталкивались с необычными проявлениями. В 1913 году некая Форд возвращалась из Ла-Порта в Мемфис. Войдя в вагон, она предъявила билет.

– Ганнессвилл! – с ужасом воскликнул проводник, увидев пункт отправления.

Женщина рассказала дочери, что он знал все подробности дела Ганнесс, сильно разволновался и до самого Мемфиса к ней ни разу не подошел[2].

Некоторые жители Ла-Порта считали, что Белль время от времени появляется в о́круге. Дэниел Хатсон заявил, что в начале июля, проезжая с возом сена мимо фермы, заметил миссис Ганнесс, которая бродила по саду с неизвестным мужчиной. Нечто подобное случилось и с дочерью Хатсона – Эльдорой. По ее словам, как-то в июле она шла по дороге, а ей навстречу ехала бричка, запряженная «прекрасным конем – серым в яблоках». Однажды зимой, уверяла дочь Хатсона, точно такой же стоял на

привязи у ворот Белль. Когда упряжка приблизилась, Эльдора увидела миссис Ганнесс. В тот же самый день двое мальчишек на кладбище Пайн-Лейк встретили женщину, скрывавшую лицо под густой вуалью. Подойдя к колонке набрать воды, дама откинула кисею, и оба мальчика тут же узнали миссис Ганнесс. Еще один свидетель, упомянутый в источниках как «городской мусорщик», рассказал очередную леденящую душу историю. Одним дождливым летним вечером он заметил, как из брички у ворот фермы выбралась какая-то женщина и направилась к сгоревшему дому. Похоже, она что-то искала на земле, около южного угла. Когда мусорщик «ослабил вожжи» и остановился, женщина пошла обратно к экипажу, приговаривая: «Денег нет, денег нет». Тут мужчина увидел ее лицо и, «онемев от ужаса, что есть мóчи бросился в город»[3].

В самый разгар Ганнесс-мании один наблюдатель придумал, как заставить общество забыть о зловещей Белль. Он предложил «очищение огнем», в котором должно сгореть все, что от нее осталось[4]. Правда, вместо костра в городе устроили аукцион.

Душеприказчик Уэсли Фогль назначил торги на пятницу, 29 мая. Они привлекли толпы людей – по некоторым оценкам, до пяти тысяч человек, – похожих на тех, кто приезжал на ферму в так называемые «Ганнесс-воскресенья». Лоты уходили с молотка один за другим. Чтобы стать счастливыми обладателями кухонной утвари или садовых инструментов «Леди Синей Бороды», участники давали в десять раз больше первоначальной цены. За максимально возможные деньги (107 долларов) продали колли по кличке Принц и пони (205 долларов). Их купил Ханс, торговец из Чикаго. Ему достались также два цыпленка, кошка с котятами и несколько костей. Все приобретения он вскоре выставил в городском парке аттракционов[5].

По мнению редактора одной из выходивших в Индиане газет, покупатели личных вещей миссис Ганнесс – «дьяволицы, подобных которой еще не знала история» – подвергают себя большой опасности. Ссылаясь на паранормальную психометрию, допускавшую, что физические объекты сохраняют жизненную энергию всех прежних владельцев, автор предупреждал: вещи Белль наделены «аурой зла» и могут заразить каждого, кто с ними соприкоснется. Безумцев, «потративших крупные суммы на обагренные кровью предметы», можно сравнить разве что с «безрассудной матерью, купившей детям вместо игрушек гремучих змей»[6].

Под наблюдением Остина Катлера 17 июня, в среду, останки детей и части женского тела, официально опознанного как Белль

Ганнесс, отправили в Чикаго. На станции гробы погрузили в катафалк местного гробовщика, который повез их в ратушу – получить разрешение на захоронение. На следующее утро на кладбище Форест-Лейк останки были преданы земле. Церемонии отпевания не проводилось, из родственников никто не присутствовал. Нелли Ларсон, сестра Белль, прийти не пожелала. Сообщая своим читателям о похоронах, «Ла-Порт уикли геральд» опубликовала статью под заголовком «Миссис Ганнесс наконец лежит в могиле»[7].

Однако поверили в это далеко не все. Журналист Артур Джеймс Пеглер утверждал, что, по крайней мере, «семьдесят пять процентов жителей Ла-Порта полагают, что она жива и где-то скрывается»[8]. Со всех концов страны приходили известия о встречах с женской ипостасью «Леди Синей Бороды». По сообщению «Нью-Йорк таймс», на последней неделе июня, почти через две недели после похорон, в полицию Детройта обратились две девушки. Они рассказали, что «встретили миссис Ганнесс спустя почти две недели после того, как на пожарище якобы нашли ее останки». Из Мичигана пришла весть об ее аресте. Шериф округа Хиллсдейл позвонил помощнику шерифа Энтиссу, и тот вместе Кокрейном, шефом полиции Ла-Порта, срочно выехал на место задержания «гадалки кочевого племени, которая весила примерно 150 фунтов и ничем не напоминала убийцу». Тем летом Белль видели и в Бирмингеме, штат Алабама, и в Миннеаполисе, штат Миннесота, и в Портленде, штат Мэн, и в Пассейике, штат Нью-Джерси, а также в порту Галвестон, штат Техас, где она якобы садилась на трансатлантический пароход «Дания», отплывавший в Гамбург.

О появлении Ганнесс в Техасе заявили еще два человека. В конце лета в полицию обратился коммивояжер Джордж Робинсон. Он рассказал, что, следуя в поезде на Денисон, захотел пить и направился набрать воды. Робинсон только подставил чашку, как к нему подошла женщина в трауре и попросила налить и ей тоже. Чтобы напиться, дама приподняла вуаль, и путешественник узнал в женщине Белль Ганнесс. Когда он обратился к ней по имени, та поспешно вернулась на свое место и, упаковав вещи, на ближайшей станции вышла из вагона. Еще через несколько месяцев Хенрик Фриц, бывший житель Ла-Порта, рассказал о похожем происшествии в поезде «Форт-Уэрт – Денвер». Проходя через спальный вагон, мужчина видел, как Белль «выходила из туалета». Узнав Фрица, она «мгновенно закрыла вуалью лицо» и, вернувшись обратно в кабинку, заперлась изнутри[9].

Сообщение Фрица появилось в прессе 9 октября 1908 года –

за месяц до того дня, как обвиненный в убийстве Рэй Лэмфер предстал перед судом.

Глава 28
Майское дерево

Накануне суда, отвечая в камере на вопросы журналистов, Рэй Лэмфер, как и раньше, отрицал свою вину. Доказать, что пожар устроил именно он, если и удастся, то с помощью лжесвидетелей и подтасовки фактов. «Может, я и выпивал иногда, и вел себя легкомысленно, но был ничем не хуже тех, кто и сейчас свободно разгуливает по улицам Ла-Порта, – заявил Рэй. – О так называемом “расчленении” мне ничего не известно. Конечно, у Ганнесс я когда-то работал, но не знал, что она убивала людей, и не видел, как она это делала»[1].

Ханна, престарелая мать Лэмфера, убеждала газетчиков, что безоговорочно верит своему сыну. Дрожащим голосом, не отнимая от глаз платка, она рассказывала, как, наполняя любовью каждый стежок, до десяти лет сама шила мальчику одежду. Будучи ребенком, он был для матери всем на свете, а теперь Рэй в заключении, и это разбивает ее сердце. «Видит бог, мой сын невиновен! – воскликнула женщина. – Он сам мне написал, а Рэй за всю жизнь не произнес ни одного лживого слова!»[2]

Эдвард Моллой, редактор «Ла-Порт уикли геральд», напоминал своим читателям, что «суд должен только установить, поджигал ли Рэй Лэмфер дом на холме, то есть совершил преступление или нет». Моллой настаивал, что не следует превращать процесс в развлечение для публики. Так случилось, что на той же странице газета поместила броское объявление о спектакле городского театра, где будут давать «высокоморальную» пьесу падре Джеймса Вона «Женщина с Запада». Артисты разыграют «внушающие благоговение сцены церковной жизни, их будут сопровождать особые эффекты, например, появление на подмостках конной упряжки»[3]. Шоу действительно пользовалось успехом у зрителей, плативших порой по доллару за билет, и собрало благоприятные отзывы в прессе. Однако, вопреки предупреждениям редактора, самым важным событием в городе оказался суд над Лэмфером.

Утром в понедельник, 9 ноября 1908 года, в зале на втором этаже начались слушания. В 10:00 заместитель шерифа Энтисс привел обвиняемого, и многочисленные зрители удивились его спокойствию и уверенности в себе. Несмотря на шестимесячное заточение, Рэй – в новом костюме, свежей рубашке, галстуке и

начищенных до блеска башмаках – выглядел здоровым, сосредоточенным и гораздо более ухоженным, чем обычно. Во время дневного перерыва Лэмфер охотно позировал перед камерами репортеров ежедневных чикагских газет [4].

Его адвокат Уирт Уорден был в городе хорошо известен. Три года назад он участвовал в процессе, который, хоть и уступал настоящему, тоже привлек большое внимание общественности. Тогда, правда, Уорден сам оказался на скамье подсудимых.

В декабре 1904 года двух сестер из Мичиган-Сити – одну звали миссис Лула, другую – миссис Собински – задержали в универмаге за кражу шуб. Во время слушаний, проходивших в начале 1905 года, адвокат Уорден и его партнер, мэр Ла-Порта Лемюэль Дарроу, представили в качестве свидетельницы некую Роуз Дак. Она назвалась продавщицей одного из чикагских магазинов и заявила, что в марте прошлого года лично продала обвиняемым женщинам эти меха. Сестер тогда оправдали.

Однако дальнейшее расследование показало, что на самом деле Роуз Дак (настоящая фамилия – Бойс) за двадцать пять долларов согласилась дать ложные показания. В марте 1905-го комиссия, назначенная судьей Джоном Рихтером, представила двухстраничное заключение. В нем утверждалось, что Уорден, Дарроу и третий адвокат, Джон Тальбот из Саут-Бенда, «совместно спланировали и способствовали лжесвидетельству [миссис Дак]»[5]. В январе 1906 года Дарроу и Тальбота признали виновными в нарушении профессиональных норм и запретили заниматься адвокатской практикой в штате Индиана. Уорден же был оправдан[6].

Судья Рихтер, возбудивший разбирательство, приведшее к запрету на профессию для Тальбота и Дарроу, председательствовал теперь на процессе Лэмфера. Отклонив ходатайство защиты о снятии с подсудимого всех обвинений, судья, как предписывал закон, удалил из зала свидетелей и перешел к выбору присяжных[7].

На формирование жюри ушло четыре дня. Предстояло опросить сто пятнадцать кандидатов – в основном уважаемых местных фермеров или коммерсантов в возрасте от тридцати одного до семидесяти двух лет[8]. Всем задавали одни и те же вопросы: приходилось ли кандидату в присяжные читать об этом деле, знал ли он миссис Ганнесс, сформировалось ли у него представление об ее участи, мертва она или жива, знаком ли он с Лэмфером, считает ли его виновным или нет, сможет ли судить непредвзято.

Нет ничего удивительного в том, что большинство кандидатур было отклонено. О судьбе миссис Ганнесс и Рэя

Лэмфера многие читали в местной прессе. Испытывая недостаток новостей во время затянувшегося отбора присяжных, Гарри Барр Дарлинг, редактор «Аргус-бюллетень», придумал необычный способ развлечь своих читателей. В номере от 10 ноября, прибегая к привычным пространным и не слишком внятным метафорам, Дарлинг превзошел сам себя. В заметке на первой полосе он сравнил суд присяжных в деле Лэмфера с древним весенним ритуалом:

> Каждый присяжный держит длинную ленту, одним концом привязанную к вершине майского столба. Все дело строится на том, что миссис Ганнесс мертва. Если доводы обвинения перевешивают аргументы защиты, майское дерево падает, чтобы снова выпрямиться, как только присяжные опять начнут склоняться к мнению, что ее нет в живых. Правда, доказывая вину Лэмфера, властям штата придется потрудиться. Пока на каждой ленте не появится несмываемая надпись «Рэй Лэмфер», процесс не закончится. Неопровержимость улик должна развеять малейшие обоснованные сомнения в виновности подсудимого. Только тогда тайна миссис Ганнесс будет раскрыта, заседатели единодушно (!) признают Лэмфера причастным к смерти женщины и вернут запятнанные именем убийцы ленты. Однако жюри, без сомнения, не нарушит их первоначальной белизны, пока паутина доказательств не свяжет заключенного по рукам и ногам[9].

К обеду 10 ноября успели отобрать семь заседателей. Перед самым перерывом Лэмфер вдруг побледнел, застонал и уронил голову на стол. Рэй попытался было подняться, и все увидели, что из носа и горла у него идет кровь. Заместитель шерифа Лерой Марр бросился к подсудимому, вывел его из душного зала в прохладный коридор. Публика испуганно загудела, шериф Смутцер выбежал следом, но, вернувшись через несколько минут, объявил, что у Лэмфера просто «слабое кровотечение и он скоро сможет принять участие в слушаниях».

Хотя чикагские газеты опасались, что здоровье Лэмфера может поставить под угрозу весь процесс, на следующее утро подсудимый как ни в чем не бывало вновь появился в суде. Правда, отвечая на вопросы журналистов, врач ла-портовской тюрьмы озвучил зловещее подозрение: «Боюсь, что у Лэмфера начальная стадия туберкулеза»[10].

О физическом состоянии Лэмфера газеты не писали, однако

выпуск «Чикаго дейли джорнэл» за среду был посвящен психологическому портрету обвиняемого. Статью под заголовком «Трусость и ненависть: психолог о главных чертах характера Рэя Лэмфера» иллюстрировал его портрет, на котором некоторые части лица и головы были отмечены стрелками. Доктор Фицджеральд – «френолог и специалист в области исследования личности» – утверждал, что «из всех знакомых [миссис Ганнесс] глуповатый Рэй – слабый психически и морально, но в то же время скрытный, как кот, с меньшим чувством благодарности, чем иные представители кошачьего вида, – больше других подходил на роль ее помощника, этакого Пятницы»:

> Первое впечатление, которое создает фотография, – так это то, что на ней изображена смесь человека и куницы. Выпуклость черепа между висками, соответствующая развитости лобной доли мозга – вместилищу воображения, утонченного ума, доброжелательности или сострадания, законопослушности, религиозности, врожденной способности мыслить логично, – почти незаметна…
>
> В отличие от миссис Ганнесс, Рэй Лэмфер неспособен сам спланировать убийство, но люди такого склада всегда готовы добить увечных и беспомощных.
>
> Он, конечно, трус, но ревнивый и мстительный по отношению к тем, кто, по его мнению, ограничивает его свободу, отказывает ему в деньгах, ведь его тело и душа подчиняются звериному началу. Голова и лицо подсудимого говорят о том, что перед нами распущенный человек с извращенными наклонностями. Коварные и жестокие кошачьи глаза смотрят настороженно. Нос – под стать звериному взгляду – усиливает впечатление хитрости и отсутствия воображения.

Суммируя свои высоконаучные изыскания, Фицджеральд пришел к выводу, что «с точки зрения френологии и физиогномики Лэмфер принадлежит к типу человека, находящегося на низкой ступени развития. Животные наклонности препятствуют обучению и воспитанию, хотя его мать, по-видимому, постоянно прилагала усилия в этом направлении. В течение многих лет Рэй вел антиобщественный образ жизни, и человеческие части его мозга, поскольку не могли нормально функционировать, просто атрофировались»[11].

В тот же самый день, в среду, 11 ноября, через двадцать

четыре часа после выхода безнадежно путаной статьи о майском дереве, Дарлинг напечатал еще одну заметку. Называлась она «Сенсационная находка: кости!» и опять воскресила утихшую несколько месяцев назад полемику. На последней неделе мая прокурор Смит получил письмо от Джулиуса Трулсона, заключенного тюрьмы города Вернон, штат Техас. Трулсон – считалось, что этот мелкий жулик, скрывавшийся под именем Джонатана Тоу, состоял в родстве с пресловутым питсбургским миллионером Гарри Тоу, убившим известного архитектора Стэнфорда Уайта, – утверждал, что в нескольких преступлениях был сообщником Белль Ганнесс.

Подробно и очень грамотно вернонский сиделец описал, как, ответив на одно из объявлений, в январе 1903 года, встретился с Белль в Чикаго, и она предложила ему работу. Ганнесс сказала, что «проводит незаконные операции» – она имела в виду аборты, – «поэтому иногда ей приходится избавляться от трупов. За помощь в этом деле Белль обещала хорошее вознаграждение».

Через четыре с половиной года, будучи женатым на Мэй О'Рэйли из Рочестера, штат Нью-Йорк, Трулсон решил избавиться от надоевшей супруги и отвез ее на ферму Ганнесс. И вскоре тело молодой женщины вместе с еще одной жертвой он с помощью Лэмфера закопал у железной дороги, недалеко от участка Белль. Через несколько месяцев Трулсон помогал Лэмферу зарывать в землю еще шесть трупов.

Как-то в марте 1908 года, испугавшись Асле Хельгелейна, которому не давала покоя судьба пропавшего брата, Белль предложила Трулсону «спалить дом и вместе сбежать во Фриско». Джулиус уговаривал вдову «не паниковать, чтобы не навлечь на себя подозрений». Обсудив положение, Трулсон и Лэмфер тем же вечером решили, что, пока Белль сама с ними не разделалась, ее надо устранить. Потом они подбросили монетку. Лэмфер проиграл, и мужчины условились, что он проникнет ночью в хозяйскую спальню, ударит женщину по голове и, уничтожая следы совместных преступлений, подожжет дом. Сам Джулиус в ту же ночь уехал в Чикаго. Однажды, когда Трулсон ехал через Техас, его арестовали за фальшивые чеки. А на эти показания Джулиуса подвигли «угрызения совести, которые не дают ему спать по ночам»[12].

По сравнению с потоком других писем, адресованных властям Ла-Порта, послание Трулсона казалось таким убедительным, что Смутцер немедленно отправился в Техас. 21 мая, прибыв в город Вернон, шериф допросил заключенного. Тот поклялся, что сообщил чистую правду, и подписал девятнадцатистраничное признание.

Однако, не успев вернуться в камеру, Трулсон все опроверг и сознался, что сочинил историю с единственной целью – «вырваться из лап техасских властей». Дальнейшее расследование показало, что, пока Белль совершала свои страшные преступления, он сидел в исправительной тюрьме Элмиры, штат Нью-Йорк, что его бывшая жена Мэй О'Рэйли жива, а сам он «не мог обходиться без наркотиков, от которых у него разыгрывалось воображение». Гарри Трулсон, проживавший на Манхэттене, в трехэтажном доме номер 34 на западной Сорок седьмой, заявил, что его брат просто ненормальный: «Он повредился рассудком пять лет назад, когда на углу Бродвея и Двадцать третьей попал под троллейбус»[13].

Хотя Джулиус Трулсон и пошел на попятный и существовали доказательства, что он просто сочинил свое «признание», некоторые разглядели в откровениях заключенного элементы правды. Он якобы сообщил такие детали, о которых не мог знать не причастный к делу человек, поэтому полностью выдуманным письмо Трулсона считать нельзя[14].

Среди тех, кто ему поверил, были сосед Ганнесс, Дэниел Хатсон и заместитель шерифа Марр. Эти двое, как писал Гарри Дарлинг, за несколько дней до начала процесса над Лэмфером отправились в окрестности фермы и начали копать в том месте, где, по признанию Трулсона, должны были находиться тела жертв. Их Хатсон и Марр не обнаружили, зато извлекли из земли несколько костей, которые заместитель шерифа принял за человеческие.

Это открытие и породило сенсационный заголовок в «Аргус-бюллетень» от 11 ноября. Однако в самой статье Дарлинг сделал вывод, что «не стоит принимать всерьез признание Трулсона» и вся эта история «не имеет никакого отношения к процессу Лэмфера»[15].

Во второй половине дня в четверг, 12 ноября, после отклонения ста трех кандидатур, было сформировано жюри. На скамье присяжных заняли места двенадцать мужчин. Самому младшему исполнилось тридцать четыре года, самому старшему – шестьдесят пять. Среди них оказались девять фермеров, плотник, галантерейщик и продавец. Обычно присяжных изолировали от внешнего мира в местном отеле, но на этот раз двенадцать кроватей установили прямо в совещательной комнате. Членам большого жюри будут разрешены ежедневные прогулки, но, чтобы избежать взаимодействия с публикой, проходить они будут «только под присмотром шерифа Смутцера и его помощников»[16].

Глава 29
Смит

В конце дневного заседания прокурор Ральф Смит обратился к присяжным со вступительным словом. Смит говорил почти пятьдесят минут, и, по крайней мере, один слушатель оценил незатейливый слог его речи. «Прокурор Смит, – восторженно написал Гарри Дарлинг, – не прибегал к цветистым метафорам. Простыми словами обвинитель поведал истину, и во время его выступления стояла такая тишина, что можно было услышать, как пролетит муха».

Сам Дарлинг предпочитал, конечно же, совсем иной английский, и его любовь к выспреннему стилю дала себя знать, как только редактор стал живописать поведение обвиняемого. «Слушая прокурора, подсудимый удивительно переменился. Это был не тот Лэмфер, что безучастно наблюдал за отбором присяжных. Теперь его лицо покрывала мертвенная бледность, а из запавших глазниц, подобно двум горящим на снегу углям, смотрели воспаленные глаза»[1].

Поблагодарив присяжных за терпение во время длинного и утомительного отбора, Смит пояснил, что «широкая известность» рассматриваемого дела чрезвычайно затруднила необыкновенно важную задачу – найти двенадцать квалифицированных членов большого жюри. Может показаться, подчеркнул прокурор, что он и его помощник Сазерленд настроены против Лэмфера, на самом деле сторона обвинения не хочет ничьей крови, никому не собирается мстить и служит только закону. «Мы не испытываем к подсудимому чувства вражды, – заверил прокурор, – мы не преследуем никаких личных интересов, не ищем козла отпущения. Если мы и проявляем настойчивость, то только ради выполнения своих обязанностей. На Ла-Порт легла тень от совершенных здесь подлых убийств, и мы должны их раскрыть».

Смит признал также, что в деле очень мало прямых улик и определять виновность или непричастность обвиняемого придется, опираясь на косвенные доказательства. По словам прокурора, в этом нет ничего необычного, ведь такие темные дела, как преднамеренный поджог, обычно творят в секрете. «Когда идут на преступление и собираются спалить дом, духовой оркестр не приглашают».

Покончив с вводной частью, прокурор перешел к существу дела и провозгласил:

– Рэй Лэмфер обвиняется в том, что 28 апреля поджег дом

Белль Ганнесс. Мы собираемся доказать, что в пожаре погибли она сама и трое ее детей – Миртл Соренсон, Люси Соренсон и Филипп Ганнесс. Мы докажем, что именно им принадлежали тела, найденные на пепелище. Мы заявляем: не имеет никакого значения, хотел ли Лэмфер, поджигая дом, убить Белль Ганнесс или нет. По закону нет необходимости доказывать, что он хотел ее смерти. Если вы признаете Лэмфера виновным в поджоге, то помните: по закону поджигатель, по вине которого погибли люди, считается убийцей, даже если он не планировал лишать их жизни.

Здесь прокурор, прервав изложение обвинительного заключения, решил охарактеризовать женщину, принесшую Ла-Порту столь печальную известность. Смит заверил, что в его задачу не входит «обелять или очернять миссис Ганнесс». Девять разрубленных на куски тел, скорее всего, свидетельствуют «о массовых убийствах, в которых она принимала участие».

Затем Смит опять вернулся к делу Лэмфера и перешел к мотивам преступления. Прокурор утверждал, что, по собственному признанию обвиняемого, тот был свидетелем убийства Эндрю Хельгелейна и рассчитывал получить часть «кровавых денег». Когда же Ганнесс отказалась отдать Рэю его долю, он, посчитав это несправедливым, поджег ее дом.

Услышав столь страшное обвинение, Рэй «привстал, будто хотел что-то крикнуть», но адвокат его остановил[2].

– Мы представим доказательства, – продолжал обвинитель, – что человек по имени Хельгелейн, житель Южной Дакоты, привлеченный брачным объявлением и любовными письмами, в январе этого года, имея при себе все нажитые деньги, приехал на ферму Ганнесс. Мы докажем, что вечером 14 января Белль Ганнесс под надуманным предлогом – передать кому-то лошадей – отправила Рэя Лэмфера в Мичиган-Сити, где обвиняемому предстояло провести ночь – ту ночь, когда исчез Хельгелейн.

Потом Смит объяснил, что Лэмфер, нарушив распоряжение хозяйки, на междугороднем трамвае вернулся в Ла-Порт. В дороге Рэй сказал одному из пассажиров: «Хочу посмотреть, что там делает старуха». Как заверил прокурор, обвинение докажет, что Рэй Лэмфер – «надежный помощник Белль Ганнесс, спешил доделать грязную работу – избавиться от тела Хельгелейна».

Сообщив, что у того было при себе 3000 долларов, прокурор утверждал, что часть из них досталась Лэмферу. Деньги также стали причиной его ссоры с хозяйкой. Здесь Смит кратко обрисовал развитие их конфликта. Ганнесс настояла на аресте подсудимого за вторжение на ее ферму. Она потребовала, чтобы он держался подальше от ее дома. При этом окружающие не раз

слышали, как Лэмфер сыпал угрозами в адрес бывшей хозяйки, говорил, что может «упрятать старуху за решетку и, если захочет, заставит Белль ползать перед ним на коленях».

Дальше Смит рассказал, что произошло 27 апреля. После обеда Лэмфер вместе с новым хозяином, Джоном Витбруком, вернулся в город. Ночь подсудимый провел у Лиззи Смит, которую прокурор, как и любой житель города, без тени смущения назвал Черной Лиззи. Поставив будильник на три ночи, Рэй ушел от нее в двадцать минут четвертого.

В четыре утра начался пожар. По словам Смита, обвинение докажет: выйдя от Лиззи, Лэмфер не пошел через городской парк на ферму родственника, а направился к дому Ганнесс – подсудимый сам говорил, что был там во время пожара. На вопрос, почему, увидев огонь, Лэмфер не разбудил соседей, он заявил, что ему не было до этого никакого дела.

– Мы представим убедительные доказательства, – продолжал прокурор, – что, обогнув холм, обвиняемый пересек кладбище и другой дорогой в пять тридцать утра прибежал на ферму родственника.

В тот день все передвижения Лэмфера свидетельствовали против него. Когда в семь вечера помощник шерифа пришел на ферму Витбрука арестовать Лэмфера, тот сразу поинтересовался, погибли ли при пожаре люди.

«При каком пожаре?» – спросил полицейский.

«В том доме», – ответил Рэй.

По утверждению Смита, Лэмфер все время думал о поджоге.

Конечно, прокурор понимал, что для предъявления обвинения в убийстве нужно «доказать, что Ганнесс мертва». Защита же постарается убедить присяжных в обратном. Уорден уже заявил, что планирует вызвать якобы погибшую Белль в качестве свидетеля защиты[3].

Смит, утверждая, что «не хочет обвинять человека в убийстве того, кто на самом деле жив», перешел к доказательствам ее «гибели при пожаре», которые вскоре будут представлены суду.

– За день до катастрофы, – сообщил обвинитель, – миссис Ганнесс поехала в Ла-Порт, в контору поверенного Лелитера, и составила завещание. Он предложил ей арендовать банковский сейф для хранения документа, что она и сделала, положив туда еще семь сотен долларов наличными. Потом Белль посетила магазин Минича, купила недельный запас продуктов. На все, включая игрушки и настольные игры для детей, она потратила восемь-десять долларов.

В тот вечер Белль, дети и Джо Максон ужинали вместе. В полдесятого, когда он ушел спать, остальные мирно играли за

столом и на полу около камина. Ничего необычного Джо не заметил.

Он рассказал, что Ганнесс вместе с сыном спала в юго-восточном крыле. Дети занимали угловую комнату в северо-западной части дома, и Максон, который тоже ночевал на втором этаже, слышал, как они по лестнице поднимались к себе. В четыре утра Джо проснулся от запаха дыма. В ту ночь дул сильный северо-западный ветер. Бросившись к окну, Джо увидел: в доме бушует пожар. Максон попытался выбить дверь на хозяйскую половину, но не смог. Тогда он выбежал во двор.

Создалось впечатление, что очаг возгорания находится у внешнего входа в подвал. К этому времени уже собрались соседи. Мужчины, в надежде спасти детей, проникли в их комнату через окно, но никого там не нашли. Тогда решили, что миссис Ганнесс задохнулась и умерла, а дети, почувствовав дым, побежали в охваченную пламенем спальню матери, где тоже погибли от удушья.

Дом сгорел дотла. Не осталось ни кусочка дерева. Пожар тушили двенадцать часов. Чтобы охладить раскаленные кирпичи, понадобились сотни ведер воды, а без этого до тел было не добраться. Всех четверых нашли в одном месте. Миссис Ганнесс, лежа на боку, левой рукой прижимала к себе мальчика.

Прокурор настаивал на своем: обгоревшее женское тело – это останки Белль Ганнесс. Расследование коронера подтвердило, что на пальцах были кольца, принадлежавшие Белль. Ее смерть поддерживает и уважаемый дантист из Ла-Порта, который делал для Ганнесс коронки и мосты. Они будут предъявлены суду вместе с верхней челюстью. Тогда, выразил уверенность Смит, судьи убедятся, что миссис Ганнесс мертва.

Конечно, мысль о том, что Белль получила по заслугам, не должна влиять на вердикт присяжных. Смит подчеркнул, что хотел лишь заострить их внимание на главных вопросах: поджег ли Рэй Лэмфер дом миссис Ганнесс, был ли в его действиях преступный умысел, а также явилось ли содеянное Лэмфером причиной смерти миссис Ганнесс и ее детей.

– Если мы, как я надеюсь, получим утвердительные ответы на эти вопросы, то сможем рассчитывать на справедливый приговор.

На этом прокурор Ральф Смит завершил свою речь[4].

Глава 30
Corpus Delicti [4]

Первую ночь присяжные, по выражению «Ла-Порт уикли геральд», провели в «комфортабельных апартаментах», если так можно назвать небольшую совещательную комнату с двенадцатью спальными местами. Наутро, после короткой прогулки, судебный пристав Карл Матц доставил заседателей на завтрак в отель «Тигарден», где, предварительно вырезав всякое упоминание о процессе над Лэмфером, им разрешили просмотреть прессу. В тот день газеты сообщали о происшествии в Ноблсвилле, где фокусник-любитель по имени Смайт умудрился холостым выстрелом ранить себя в руку; о неблагодарной покупательнице Коре Харнесс, потерявшей «очень дорогие» золотые часы и не пожелавшей вознаградить кассира Генри Бенфорда, который их нашел и вернул хозяйке; о планах наладить в Ла-Порте производство упаковки для яиц… Ознакомившись с последними новостями, присяжные прибыли в суд, где им предстояло заслушать свидетелей[1].

За несколько недель до начала процесса свидетелям отправили повестки. Их получили тридцать девять адресатов – все, кроме Луиса Шульца, обнаружившего на пепелище зубные протезы хозяйки фермы. Поскольку золотая лихорадка не утихала, веривший в свою звезду пожилой старатель, скорее всего, вновь подался на Запад[2].

Собираясь доказать, что миссис Ганнесс погибла при пожаре, обвинение вызвало коронера Чарльза Мака. Окончив Гарвард, Мак получил степень доктора в Колумбийском университете, потом преподавал в медицинском колледже в Мичигане, а перед тем как два года назад вступить в должность коронера, занимался частной практикой в Чикаго и Ла-Порте[3].

Седовласый и седобородый пятидесятилетний врач напоминал, по словам одного репортера, ветхозаветного пророка[4], и это сходство казалось вполне уместным, поскольку незадолго до описываемых событий Мак был рукоположен в сан сведенборгианского[5] священника. Коронер уже объявил о своем намерении оставить медицинскую практику и начать новую жизнь, заняв место пастора в Толидо, штат Огайо. Незадолго до суда над Лэмфером в методистской церкви состоялся прощальный банкет, где члены медицинского клуба преподнесли бывшему коронеру «великолепную, увенчанную золотым набалдашником трость» – символ «несгибаемости Мака, врача,

человека и гражданина»[5].

Для тех, кто ожидал быстрого развития событий, свидетельские показания Чарльза Мака обернулись разочарованием. Отвечая на вопросы Мартина Сазерленда, коронер утверждал, что «впервые увидел тела женщины и троих детей» в день пожара. Они «сильно обгорели, у одного ребенка была дыра во лбу. У тела взрослого человека отсутствовали голова, левая ступня, одна рука и правая нога ниже колена». Однако Мак не помнил, сохранилась ли кисть на другой руке.

Касаясь «расположения тел», коронер сказал, что его вызвали в морг похоронной конторы Катлера вместе с четырьмя другими патологоанатомами – Грэем, Уилкоксом, Лонгом и Мейером. Сам Мак вскрытия не проводил и обратил на тела «не больше внимания, чем в любом рядовом деле».

Вскоре помощнику прокурора Сазерленду стало ясно, что без записей, сделанных в день катастрофы, показания коронера окажутся бесполезными. Но Мак бумаги не принес, и, как описал происходившее Гарри Дарлинг, «раздосадованный Сазерленд, поняв, что свидетель не сможет без заметок восстановить в памяти всю картину, прекратил допрос»[6].

Помощник прокурора, перед которым на столе стояли два сосуда разного размера, открыл крышку большей емкости и вынул из нее несколько обгорелых костей. Он по очереди показывал их Маку, который одну определил как пяточную кость, в другой признал часть челюсти, а третья, насколько он мог судить, была «седьмым позвонком». Во втором сосуде, по мнению бывшего коронера, лежали «ткани животного». Непонятно, чего хотел добиться обвинитель, демонстрируя эти «ужасные останки», однако их вид подействовал на зрителей возбуждающе.

Последовавший затем перекрестный допрос не оставил от доводов обвинения камня на камне. Под давлением адвоката Уордена Мак был вынужден признать, что при обнаружении тел не присутствовал и не знает, в каком они были состоянии. Тело женщины он не взвешивал и не задавался вопросом об идентификации, ее шейных позвонков не пересчитывал и вообще не знает, сколько их у человека. Коронер согласился также, что верхний отдел позвоночника не осматривал, что по внешнему виду не может установить, обгорела нога или ее отрубили; не может определить, как тело лишилось исчезнувшей головы. При осмотре Мак также не уделил должного внимания отверстию в черепе ребенка, не может сказать, в результате чего оно появилось, а головы других детей коронер вообще не обследовал.

Когда Уорден приступил к вопросам о трех обгорелых костях, уставший Мак начал противоречить сам себе.

– Вы уверены, – спросил адвокат, – что кость, которую я вам сейчас показываю, является шейным позвонком?

– Не уверен.

– Доктор, а что вы скажете об этом фрагменте? Это челюсть?

– Да.

– И это челюсть человека? – настаивал Уорден.

– Я не знаю, – устало бросил коронер.

– А сейчас, доктор Мак, глядя на челюсть, вы могли бы определить, верхняя она или нижняя?

Свидетель, еще минуту назад утверждавший, что фрагмент является частью челюсти, вышел из себя:

– Я вообще не уверен, что это кость.

На этом мучения Мака подошли к концу. Когда уважаемый член местного общества покинул наконец свидетельское место, по «залу пронесся вздох облегчения»[7].

По словам одного историка, «показания первого медицинского эксперта, приглашенного обвинением, обернулись победой защиты»[8].

После перерыва дела пошли успешнее. Перед судом предстали трое из названных Маком четырех патологоанатомов: Лонг, Уилкокс и Грэй. Первых двух, проводивших вскрытие дочерей Белль Ганнесс, допрашивали поверхностно. Зато, по мнению одного из газетчиков, показания Грэя – коронера округа Кук, занимавшего ранее ту же должность в Ла-Порте, – оказались «очень существенными»[9]. Отвечая на вопросы Сазерленда, доктор Грэй допустил, что рост женщины, тело которой скукожилось в огне, составлял «пять футов и четыре целых сорок четыре сотых дюйма», весила она «около двухсот фунтов». Объемистая грудь и двухдюймовый слой жира на животе тоже соответствовали физическим параметрам Белль Ганнесс. Хотя точно установить причину смерти не удалось, скорее всего, по словам этого свидетеля, женщина «умерла от удушья». Тем самым Грэй подтвердил важнейшее положение обвинения: причина ее смерти – устроенный обвиняемым пожар. Свидетель пояснил, что его выводы основаны на «крепко сжатых» пальцах правой руки трупа, поскольку «во всех случаях асфиксии наблюдается сокращение мышц»[10].

Однако под напором Уордена Грэй признал, что причиной сжатия пальцев правой руки погибшей мог быть мышечный спазм, вызванный действием стрихнина. Этот свидетель тоже не мог сказать точно, как тело лишилось правой ноги и левой руки, то есть сгорели они или их отрезали. Объяснение Грэя, касающееся определения веса, не вызвало доверия в первую очередь у

женской части публики. Патологоанатом сказал, что сгоревшие человеческие останки весили «семьдесят три фунта». Поскольку «вес мяса после готовки обычно уменьшается в три раза», Грэй путем вычислений определил вес женщины при жизни. «По логике доктора Грэя, – заметил один историк-криминалист, – девятифунтовая вырезка, дойдя до обеденного стола, превращается в жалкий трехфунтовый ростбиф»[11].

К окончанию допроса свидетелей-врачей адвокату, утверждавшему, что женщину, тело которой нашли в подвале, отравили стрихнином, а затем расчленили, удалось добиться заметного успеха. Уорден настаивал также, что доктор Грэй, оценивая вес человека по обгоревшим останкам, просто «выдает желаемое за действительное»[12].

«По всеобщему мнению, показания доктора Мака не пролили свет на идентификацию женского трупа, остальные свидетели тоже не справились с этой задачей. Сегодня поистине был день Лэмфера!» – сообщил своим читателям Гарри Дарлинг[13].

Глава 31
Дантист

Ради присяжных, проведших в малоприспособленном для жилья месте два бесплодных дня, все основные участники процесса сочли целесообразным провести слушания и в субботу[1]. С утра обвинение опять вернулось к перекрестному допросу доктора Грэя, а затем на свидетельском месте вновь оказался коронер Мак. Он показал, что, кроме четырех расчлененных трупов, в подвале нашли еще «десять разложившихся тел». Только после этого прокурор привел к присяге следующего свидетеля – доктора Иоганна Уильяма Мейера.

Этот уроженец немецкого города Бюра, говоривший по-английски с заметным акцентом, в семнадцать лет иммигрировал в США. Трудовую деятельность юноша начал продавцом бакалейного магазина «Вайл энд Фокс» в Ла-Порте, а позже поступил в Медицинский колледж Раш при Чикагском университете. В 1876 году, получив диплом и пройдя стажировку в госпитале округа Кук, молодой человек вернулся в Ла-Порт, где с тех пор, не считая года учебы в Гейдельберге и Вене, больше четверти века лечил местных жителей. Специализируясь на глазных и ушных болезнях, он, в дополнение к успешной частной практике, преподавал анатомию и патологию органов зрения будущим оптикам в школе часовщиков, а также занимал должность врача в местном отделении железной дороги[2].

Через несколько лет после суда над Лэмфером, несмотря на репутацию уважаемого жителя Ла-Порта, у Мейера возникнут сложности с законом. Доктора обвинят в убийстве Флоренс Грининг – жены местного фермера. Смерть якобы наступила в результате операции по прерыванию беременности. В феврале 1913 года, во время десятидневного суда над врачом, муж покойной, заключив сделку со следствием, выступит главным свидетелем обвинения. Однако после пятнадцатичасового обсуждения коллегии присяжных Мейер будет оправдан[3].

Мейер проводил вскрытие четырехлетнего Филиппа Ганнесса, и сухие слова медэксперта о состоянии тела маленького ребенка были так ужасны, что заставили слушателей содрогнуться.

– Тело сильно обгорело, – сказал Мейер. – Ноги ниже колен сгорели. Там, где прогорела лобная часть черепа, обнажился мозг. На обгоревшей спине был виден спинной мозг.

– Насколько обгорели конечности? – спросил Сазерленд.

– Почти до колен.

– Руки тоже обгорели?

– Одна рука отсутствовала. В сердце, сдавленном спазмом, не было следов крови. Все внутренние органы, видимо, подверглись воздействию высокой температуры и поэтому хорошо сохранились. Легкие сохранились частично.

Чтобы дать присяжным полностью представить эту ужасную картину, Сазерленд сделал паузу. Конечно же, человек, сотворивший подобное с четырехлетним ребенком, не заслуживает никакого снисхождения. Правда, к огорчению обвинения, его свидетель зародил у слушателей сомнение, что к убийству Филиппа причастен Лэмфер.

– Можете ли вы назвать причину смерти мальчика? – спросил помощник прокурора.

– Нет, – ответил Мейер.

– А что вы думаете об этом как врач?

– Спазм сердца мог быть вызван каким-нибудь ядовитым веществом. Содержимое желудка свидетельствует, что, скорее всего, спазм наступил в результате действия стрихнина.

Любое упоминание о том, что Белль и ее дети погибли не от огня, подрывали выдвинутые против Лэмфера обвинения. Как писал один корреспондент, «показания патологоанатома сыграли на руку стороне защиты»[4].

Сазерленда ответы Мейера явно застигли врасплох, и помощник прокурора поспешил свернуть допрос. Наступил черед адвоката. На его вопрос, заметил ли врач на теле ребенка обесцвечивание, вызванное разрушением кровеносных сосудов, то есть экхимотические пятна – признак смерти от удушья, Мейер ответил отрицательно. Он подтвердил также, что на лбу ребенка была дыра и «он оказался в объятиях женщины еще до пожара»[5].

Гораздо более сложным свидетелем, чем дантист миссис Ганнесс, оказался для Уордена доктор Айра Нортон. Сорокалетний Нортон окончил Медицинский колледж Раш что и Мейер. Чтобы оплатить свое образование, Айра совмещал учебу с работой железнодорожного инженера[6] и за несколько лет до процесса, запатентовав новые стоматологические щипцы, оснащенные ланцетом, получил широкое признание в профессиональной среде[7].

Демонстрируя важность этого свидетеля, его допрашивал не Сазерленд, а сам прокурор Смит. Дантист начал с подробного описания работы, выполненной для Ганнесс:

– Я удалил три нижних зуба пациентки, а на клыки надел золотые коронки, соединив их в мост с искусственными зубами. Это была не совсем обычная конструкция. Она держалась на

золотом припое высокой пробы. Кроме того, просверлив один фальшивый зуб, я укрепил его платиновыми заклепками.

– Скажите, доктор, не этот ли протез принес вам шериф Смутцер? – спросил прокурор.

– Этот, сэр.

– Когда это случилось?

– Девятнадцатого мая одна тысяча девятьсот восьмого года.

– Перед вами искусственные зубы. Вы узнаете протез, который принес вам тогда шериф?

– Да, сэр.

– До того дня вы этот протез уже видели, не так ли?

– Да.

– Где?

– Это моя работа, сэр.

– Для кого вы его сделали?

– Для миссис Ганнесс.

Таким образом, Нортон подтвердил, что найденный протез он изготовил для хозяйки сгоревшего дома, и прокурор Смит, выдержав многозначительную паузу, особо подчеркнул важность этого свидетельства. Приобщив к делу искусственные зубы в качестве вещественного доказательства номер 16, Смит принялся опровергать теорию о том, что Белль, запутывая следы, нарочно оставила мост на пепелище.

Прокурор начал с ключевого вопроса – сохранившихся в коронках фрагментов собственных зубов миссис Ганнесс.

– Итак, доктор, как можно было удалить мост с челюсти?

– Только распилив золотые коронки.

– Можно ли было, не повреждая коронок, освободить от них зубы?

– Это невозможно. Даже стоматолог не смог бы снять протез с челюсти в таком виде.

У Нортона не было сомнений, что искусственные зубы «отделились от челюсти Ганнесс вследствие пожара»[8].

Когда через несколько минут подошла очередь Уордена, он решил зародить в умах присяжных подозрение, что ни золото, ни оставшиеся в коронках корни зубов не могли сохраниться в страшном огне и вещественное доказательство номер 16 – просто подделка.

– Мог ли огонь, который уничтожил череп, уничтожить зуб? – спросил адвокат.

– Нет, сэр, – ответил Нортон.

– А почему?

– Потому что его защищала золотая коронка.

– Могло бы золото расплавиться прежде, чем сгорел череп? –

не отступал Уорден.

– Не могло.

Адвокату не удалось достичь своей цели, он понял, как написал Гарри Дарлинг, что «перекрестный допрос только упрочил позицию обвинения»[9], и поспешил отпустить свидетеля.

Последней вызвали соседку Белль, миссис Флоренс Флинн. Ее показания были особенно ужасными. Женщина подтвердила, что, когда нашли первые четыре трупа, она находилась на ферме. На вопрос, видела ли она их тогда, Флоренс ответила:

– Когда их достали, я всех узнала. Они лежали на чем-то вроде матраса, мальчик был сверху, и женщина его как будто обнимала.

– Она обнимала его руками? – спросил Смит.

– Рук я там не заметила.

На этой мрачной ноте и завершилась первая неделя суда на Лэмфером.

Глава 32
Асле

Если верить «Уикли геральд», после показаний доктора Нортона от первоначального оптимизма подсудимого не осталось и следа. «Подавленный и мрачный», он почти весь воскресный день читал Библию, «в чем не был замечен, по крайней мере, с прошлой весны». Казалось, загнанный в ловушку, Рэй в любой момент «может расколоться и признать свою вину»[1].

Трудно сказать, действительно ли Рэй впал в столь глубокое уныние, как о том писали газеты. Если это и так, то он очень быстро пришел в себя и уже на следующий день, появившись в зале суда, «выглядел вполне отдохнувшим, улыбался и кивком головы приветствовал немногочисленных друзей, которых заметил среди публики»[2].

Присутствовал на суде в то утро и знаменитый Томас Джефферсон. Нет, не третий президент Соединенных Штатов, а сын одного из самых известных американских актеров девятнадцатого века Джо Джефферсона, больше сорока лет блиставшего в знаменитой драме «Рип ван Винкль». После смерти Джо его роль по наследству досталась Томасу. В тот вечер эту популярную пьесу должны были давать в театре Холла, и его приглашение посетить спектакль коллегия присяжных во главе с судьей Рихтером восприняла с благодарностью[3].

Так как во время субботних слушаний допросить Флоренс Флинн адвокат не успел, в понедельник ее вызвали первой. Внезапно, прервав Уордена, присяжный заседатель Джаред Дроллингер спросил свидетельницу:

– Что вы можете сказать о весе Белль Ганнесс?

По словам Флоренс, как-то два года назад, побывав у врача, Белль сказала, что весит 280 фунтов, то есть на шестьдесят фунтов больше, чем следует из оценок доктора Грэя. Ответ Флоренс Флинн укрепил сомнения тех, кто не верил в гибель фермерши во время пожара. Ведь человек, хоть раз в жизни запекавший хороший кусок говядины, вряд ли мог представить, что такое тело способно скукожиться до семидесяти трех фунтов[4].

В целом утреннее заседание было малоинтересным. Миссис Рэй Тернер, которой прокурор поручил переводить письма, адресованные Эндрю Хельгелейну, сообщила, «что они, судя по огромному количеству ошибок и полному отсутствию прописных букв, вышли из-под пера малограмотного человека». Потом слушали мистера Мэлвина Лелитера, поверенного Белль Ганнесс.

Он рассказал, что подсудимый повздорил с хозяйкой из-за денег, однако при перекрестном допросе Лелитер признал, что только слышал об этом от других. Затем вызвали страхового агента Макгилла, оценившего владение Ганнесс в три-четыре тысячи долларов, и землемера Клайда Мартина, который показал на карте кратчайший путь между домом Белль и фермой Джона Витбрука[5].

Когда же свидетельское место занял Асле Хельгелейн, ход слушаний резко изменился.

Вначале «потрепанный» норвежец, не упомянув о десяти годах, которые Эндрю провел в тюрьме, коротко описал его жизненный путь в Америке[6]. Допрос, начавшись до перерыва, продлился до конца дневного заседания. Асле рассказывал о поисках пропавшего брата, о том, как обнаружил его переписку с Белль. Ее первые письма были датированы 1906 годом и продолжали приходить, пока «Эндрю, повинуясь судьбе, не уехал на “ферму смерти”». Потом Асле пересказал содержание писем, которые он сам, пытаясь узнать, где находится брат, посылал миссис Ганнесс.

Три ее ответных письма были зачитаны вслух. В двух – от 27 и 24 апреля – она уверяла, что «Эндрю отправился на поиски проигравшегося брата» то ли в Нью-Йорк, то ли в Чикаго, а может, и в Норвегию. В третьем, датированном 11 апреля, Белль коварно пыталась перевести подозрения на «своего бывшего работника», называя Лэмфера психически неуравновешенным пьяницей, «ревновавшим ее к Эндрю Хельгелейну»[7].

Письма приобщили к вещественным доказательствам, а свидетеля попросили рассказать о поездке в Ла-Порт, которую Асле предпринял, получив газетные вырезки от банковского служащего Питнера. Хельгелейн подробно рассказал о ставших уже местной легендой раскопках, в ходе которых потрясенному обществу открылись ужасы фермы Ганнесс, и о «трехфутовой яме», где Асле обнаружил тело брата[8].

В тот же вечер, давая интервью Гарри Дарлингу, Асле настаивал, что раскрыты еще не все ужасы фермы Ганнесс:

– Я знаю, там еще спрятано много тел. В саду я видел подозрительное место, там никто не копал. Если бы мне дали добро, я нашел бы и другие следы преступлений этой женщины[9].

По словам Асле, его брат – бывший заключенный, ограбивший и спаливший деревенскую почту и, по слухам, замешанный в конокрадстве[10], – обладал чувствительной, поэтической натурой и в глубине души тосковал по красотам далекой Норвегии. Он никак не мог забыть горы и фьорды родной

земли, поэтому любое напоминание о родине повергало мечтательного дакотского фермера в тоску.

Потому Эндрю Хельгелейн и повелся на хитрые уловки миссис Ганнесс.

– Она была умной женщиной, – говорил Асле, – и писала брату о том, что было ему дорого. Вспоминала норвежскую природу и обычаи. А когда призналась Эндрю в любви, он поверил, потому что находился в таком настроении, когда корка норвежского хлеба казалась ему милее американского благополучия. Пока я сам не начал переписываться с людоедкой и не нашел ее писем к брату, я этого не понимал. Она его околдовала, и Эндрю ринулся навстречу гибели, – судорожно вздохнув, добавил Асле[11].

Не дожидаясь окончания суда, Асле Хельгелейн покинул Ла-Порт. Перед отъездом он заказал для брата надгробие. Надпись на кладбищенском камне гласила: «Эндрю Хельгелейн 1859–1908. Последней жертве злодеяний Белль Ганнесс от брата Асле Хельгелейна. 5 мая 1908 года. Покойся с миром»[12].

Глава 33
Обвинение наносит удар

Рип ван Винкль, простодушный и беспечный герой новеллы американского классика Вашингтона Ирвинга, неожиданно встречается с компанией призраков – членов команды известного мореплавателя Генри Гудзона[6]. По преданию, каждые двадцать лет духи моряков во главе со своим капитаном собираются в долине Катскильских гор[7], чтобы пропустить по кружке пива и поиграть в кегли. Привидения катают шары, наполняя окрестности «далекими громовыми раскатами»1.

Судя по туманным метафорам вторничного номера «Аргус-бюллетень», его редактор Гарри Дарлинг тоже накануне посетил представление в театре Холла:

> В суде над Лэмфером вот-вот должна разразиться гроза. Первые признаки непогоды, появившиеся еще неделю назад, перешли в ливень, который, как и положено, сопровождался едва слышными громовыми раскатами и вспышками молний. Роль громовержца Юпитера, бросающего шары в небесном кегельбане, играет прокурор Смит. Первый удар прогремел еще в четверг вечером, когда обвинитель зачитал вступительную речь. Пока ему сопутствует удача, однако для победы с максимальным счетом понадобится еще несколько «ударов грома», и следующий может прогреметь в любую минуту2.

В одном Дарлинг оказался прав: во вторник по залу суда действительно прокатился – не гром, нет – взрыв смеха.

В тот прохладный день заседание началось позже обычного. Как только двери открылись, толпа хлынула в зал. Зрители заняли все кресла, столпились в проходах, выстроились вдоль стен. Но, несмотря на большое скопление народа, в зале было так холодно, что зуб на зуб не попадал. Судья Рихтер отложил слушания, велел истопнику подбросить в печь угля, дабы «как следует прогреть помещение».

В 10:00 слушания наконец открылись, и Смит, стремясь получить нужные показания, стал допрашивать приятелей Лэмфера. Первым вызвали Джона Рая, который в ночь исчезновения Хельгелейна ездил с обвиняемым в Мичиган-Сити и обратно. По словам Джона, Рэй угрожал «разделаться со старухой».

Следующей давала показания Бесси Уоллес, ее называли «подружкой Лэмфера», «шлюхой» и женщиной, принадлежавшей к «отбросам общества»[3]. Она тоже сообщила, что Рэй говорил что-то «о деньгах, которые задолжала ему миссис Ганнесс, и собирался, если она их не вернет, устроить так, что ей не поздоровится»[4].

Еще одному другу Рэя – Уильяму Слэйтеру – удалось неожиданно для себя развеселить зал. Отвечая на вопросы прокурора, он подробно описал, как с приездом Хельгелейна изменились отношения между Ганнесс и Лэмфером. Лишившись работы, он говорил Уильяму, что подслушал разговор Эндрю и Белль. Те сговаривались отравить Рэя, но вначале собирались «испытать яд на его собаке». Особенно Рэя возмущало вероломство женщины, которая «когда-то обещала выйти за него замуж».

– Что вам известно об отношениях Лэмфера и миссис Ганнесс? – спросил прокурор.

Слэйтер поерзал на стуле.

– Рэй говорил, что она по ночам приходила в его комнату.

– Следовательно, Лэмфер спал с миссис Ганнесс?

– Нет, Рэй говорил, что это она с ним спала.

Этот ответ очень развеселил зал. Судье Рихтеру, пытавшемуся восстановить порядок, пришлось стукнуть молотком по столу и пригрозить, что очистит зал от публики, если подобное вновь повторится[5].

О пикантных подробностях сексуальных пристрастий Белль сообщил и предшественник Лэмфера, Питер Колсон, исполнявший, как и другие, роль ее любовника и помощника по хозяйству. Отвечая на вопросы адвоката Уордена, Питер поведал, как «подпал под ее чары, какие нежные слова шептала она» во время близости. Правда, «потеряв голову от любви», в глубине души он «испытывал страх перед этой женщиной».

– Она заставила меня вступить с ней в связь, – сказал Колсон, – и в то же время я ее боялся, потому что подозревал в убийстве мужа, Питера Ганнесса.

Белль была столь ненасытна, что в конце концов Колсон был вынужден сбежать и шесть месяцев ночевал на сеновале другой фермы в полумиле от дома Ганнесс.

Затаив дыхание, публика внимала откровениям свидетеля.

– Белль меня и отталкивала, и притягивала, – признался он. – Я любил ее против своей воли. Не хотел, но ничего не мог поделать[6].

Допрос последнего работника Белль, Джо Максона,

начавшись в конце дня во вторник, продолжился и на утреннем заседании в среду. Максон не описывал непристойных сцен, зато сообщил, как обитатели дома провели вечер перед пожаром, как прошел ужин, как после еды играли в «Красную Шапочку». Потом Джо ушел спать, а «в четыре утра проснулся от запаха гари» и пытался выбить дверь на хозяйскую половину, пока удушливый дым не вынудил Максона «схватить пожитки и стремглав бежать вниз».

Бросив вещи в каретном сарае, Джо нашел топор и стал рубить входную дверь, но безуспешно. При этих словах прокурор Смит показал и приобщил инструмент к вещественным доказательствам. Как написал один газетчик, «топор чересчур велик даже для орегонских лесорубов», и от одной мысли, что им, расчленяя тела своих жертв, орудовала злодейка, зал пришел в волнение[7].

Слушать Максона было невыносимо скучно, если бы не один эпизод. Во время перекрестного допроса Эллсворт Вейр, помощник адвоката Уордена, решил уточнить, какие вещи Максон вынес из горящего дома и спрятал в сарае.

– Разве вы не сунули в карман несколько романов?

– Конечно, нет, сэр! – воскликнул Джо, возмущенный, что его могут заподозрить в таком бесполезном занятии, как чтение книг. – Запомните раз и навсегда: я не читаю никаких романов!

На столь глубокое и неподдельное негодование свидетеля зал ответил смешками и хихиканьем.

События, разыгравшиеся в ночь пожара, были давно и подробно описаны в газетах, однако в показаниях Максона всплыла одна неизвестная ранее подробность. В тот роковой вечер, после ужина, Белль угостила Максона апельсином. У него оказался «странный вкус», но Джо это не остановило, и он доел фрукт до конца.

– Я вспомнил об этом только после пожара, – продолжал свидетель, – и сказал тогда сестре: в тот апельсин что-то добавили. Помню, что свалился в постель и, как только голова коснулась подушки, уснул мертвым сном. Из-за этого и не услышал шума, когда начался пожар. Я уже говорил, что проснулся, когда вся комната наполнилась дымом, был не в себе и поэтому не сразу понял, что дом горит[8].

Под впечатлением от истории с отравленным апельсином Гарри Дарлинг в тот же вечер разразился статьей под заголовком «Коварный цитрус»:

> Остерегайтесь таких фруктов. Мужчина ли, женщина предлагает их вам – они дьявольски опасны. Если

угощение имеет вид апельсина, не думайте, что оно не содержит угрозы. Вам кажется, что перед вами сладкий цитрус из садов Флориды. Когда-то, может, так оно и было. Однако с помощью Ганнесс-метода ничего не стоит пропитать сочную мякоть страшным зельем, от которого, не успев доесть плод, вы погрузитесь в глубокий сон.

Вот какое предупреждение прозвучало сегодня из уст свидетеля Джо Максона. Скорее всего, он открыл нам тайну того, как именно миссис Ганнесс совершала убийства. Сначала она, угостив жертву апельсином с губительной начинкой, усыпляла несчастного, а потом, орудуя острым ножом или колбасорезкой, безнаказанно довершала свои черные дела. Если бы Белль была мужчиной, то вместо фруктов, скорее всего, в ход пошли бы отравленные сигары[9].

В среду, после перерыва, вызвали одного из самых важных свидетелей обвинения – шерифа Альберта Смутцера. Он никогда не отрицал, что Ганнесс умерла и причиной ее смерти стал устроенный Лэмфером пожар. Шериф – разделенные пробором темные вьющиеся волосы, бабочка в горошек – держался спокойно и очень уверенно. Румяное лицо Смутцера озаряла улыбка[10]. Прокурор рассчитывал, что шериф – его допрос продлился и утром в четверг – предоставит неопровержимые улики против подсудимого.

Сначала Смит попросил Смутцера рассказать, что он знает о вражде между Рэем и Белль.

– В середине февраля, – начал шериф, – миссис Ганнесс написала мне письмо. Она жаловалась, что Лэмфер самыми разными способами ее преследует: то заглядывает ночью в окна, то бродит вокруг дома и тому подобное.

– И что вы ответили?

– Написал, что арестую его, если не прекратит преследование.

– А каков был ее ответ?

– Через некоторое время я получил еще одно письмо. Лэмфер не унимался, и она боялась, что он причинит ей вред.

– Что вы предприняли после второго письма миссис Ганнесс?

Смутцер немедленно позвонил в питейное заведение, куда частенько захаживал Рэй, и приказал хозяину кабачка передать Лэмферу, чтобы тот пришел к шерифу.

Через час Рэй явился в тюрьму, и Смутцер, пригрозив арестом, велел Лэмферу «держаться от миссис Ганнесс подальше». Тот запротестовал, объяснил, что приходил за своими

инструментами, которые оставил на ферме. На это шериф посоветовал Рэю «послать за ними констебля».

– И как он отреагировал на ваш совет? – спросил Смит.

– Повернулся и молча пошел прочь, а потом вдруг остановился, посмотрел на меня странным взглядом и сказал: «Если я расскажу про эту женщину все, что знаю, ей не поздоровится».

По словам Смутцера, Рэй сообщил ему, что «Белль якшается с неким Хельгелейном из Южной Дакоты, хозяином игрового дома в Абердине. Там убили человека, у которого было при себе десять тысяч долларов. Хельгелейн с этими деньгами смылся и теперь живет у нее на ферме». Смутцер направил в Абердин запрос и получил ответ, что «Хельгелейна, добропорядочного и успешного фермера из окрестностей Мэнсфилда, власти никогда ни за какое преступление не разыскивали».

Возвращаясь к ссоре Лэмфера и Ганнесс, Смит спросил шерифа:

– Что же заставило вас арестовать Лэмфера?

– Она потребовала его задержать. Пришла ко мне вместе с Максоном. Тот держал в руке толстую железную палку длиной в полтора фута и сказал, что ее обронил Лэмфер, шнырявший ночью около дома. Я тогда решил – впрочем, я и сейчас так думаю, – что Лэмфер хотел этой железякой убить миссис Ганнесс.

Последнее замечание Смутцера привело адвоката Уордена в ярость.

– Протестую! – крикнул он, вскочив на ноги. – Предупредите свидетеля! Это запрещенный прием! Нельзя высказывать предположения или суждения. Только факты! Ему прекрасно известно, что делать выводы – прерогатива членов суда!»

Судья признал протест защиты обоснованным. Правда, как всегда бывает в таких случаях, слова шерифа уже были услышаны, и, когда после малопродуктивного перекрестного допроса улыбающийся Смутцер покидал свидетельское место, создалось впечатление, что прокурор достиг своей цели, или, как выразился Гарри Дарлинг, «нанес решающий удар».

После Смутцера допрашивали Лероя Марра, заместителя шерифа, который задерживал Лэмфера на ферме Витбрука. Марр еще не успел объявить, зачем приехал, а Рэй уже поинтересовался, удалось ли Белль и ее детям выбраться из горящего дома. Когда Марр спросил, откуда Лэмфер знает про пожар, обвиняемый ответил, что «шел мимо и видел дым, он выбивался из окон и из-под крыши». На вопрос, почему Рэй никого не позвал на помощь, он отделался отговоркой – мол, его

«это больше не касается». Марр прибавил еще одну подробность, которая, учитывая состав публики – одни белые лица, – представила и без того сомнительную личность подсудимого совсем в невыгодном свете. По словам заместителя шерифа, он привез Рэя в тюрьму, к прокурору Смиту. В ходе допроса Лэмфер признался, что провел ночь у Черной Лиззи, и умолял Смита «не вносить этого в протокол»[11].

Следующий свидетель – еще один заместитель шерифа, Уильям Энтисс, нанес защите особенно чувствительный удар: «Лэмфер не просто настаивал, что видел, как она – то есть Ганнесс – убивала Хельгелейна. Рэй еще прибавил, что, если бы не забота о престарелой матери, он вполне “мог бы поджечь этот дом”».

Показания юристов, словно залпы тяжелой артиллерии, поддержали позицию обвинения. Уорден задал Энтиссу несколько вопросов и быстро отпустил свидетеля. В это время часы на башне пробили десять утра[12].

Глава 34
Экспромт

Уирт Уорден считал, что допрос свидетелей обвинения продлится до конца дня, так что заключительное выступление Смита застигло адвоката врасплох. Он предложил перенести слушания на утро понедельника, но судья Рихтер запрос отклонил, и Уордену ничего не оставалось, как произнести вступительную речь.

Его экспромт, по восхищенному отклику Гарри Дарлинга, оказался «образцом адвокатского красноречия». Говорил Уорден медленно, доходчиво, и слушатели внимали каждому его слову. Некоторые члены жюри присяжных подались вперед, навстречу оратору, «словно иголки под действием магнита». Когда Уорден закончил, в зале стояла мертвая тишина. Женские лица светились особенным светом. Адвокат «так мастерски построил защиту, что, если ему удастся повторить свой успех при допросе свидетелей, Рэй Лэмфер сможет избежать петли»[1].

Громко и четко, пункт за пунктом, Уорден изложил главные положения, которые могли бы доказать невиновность его клиента: Белль Ганнесс жива, она сама подожгла свой дом и, инсценируя свою смерть, подложила труп другого человека.

– Двадцать восьмого апреля миссис Ганнесс не сгорела, – начал адвокат. – Мы представим доказательства, что найденный на пожарище труп женщины не может быть телом миссис Ганнесс.

Наш свидетель, местный гробовщик, очень хорошо знал миссис Ганнесс. Его показания подтвердят: женский труп не может быть ее телом.

Мы вызовем свидетеля, который девятого июля видел ее в сопровождении мужчины средних лет, проезжавшей в повозке мимо своей фермы, – продолжал Уорден. – В тот же день две дочери этого свидетеля тоже видели миссис Ганнесс.

Мы докажем, что у нее были мотивы поджечь свой дом. С двадцать седьмого апреля она жила в постоянном страхе, что Асле Хельгелейн, брат одной из ее жертв, с минуты на минуту нагрянет к ней на ферму и, начав поиски брата, может обнаружить там его тело.

У нас есть доказательства, что накануне пожара миссис Ганнесс отправилась в магазин Минича и купила намного больше керосина, чем обычно.

Мы покажем, что днем двадцать седьмого апреля перед входом в Первый национальный банк она, разговаривая с одним

мужчиной, сказала: «Ты должен сделать это сегодня ночью». В ту ночь дом действительно сгорел дотла, похоронив под руинами жизни трех детей хозяйки.

У нас есть доказательства, что в последнюю субботу перед пожаром она выехала из дома с одной менее крупной попутчицей, чем сама Ганнесс. С тех пор эту женщину никто не видел, если, конечно, не считать тела, найденного после пожара.

Мы докажем, что зубные протезы, которые обнаружили в сгоревшем доме, не могли выдержать такое пламя и не растрескаться. Следовательно, или их должны были подбросить позже, или температура при горении не была столь высокой, как здесь утверждалось. Если верно последнее, то женский череп не мог сгореть без следа. Мы сумеем показать, что мост работы доктора Нортона можно было снять несколькими различными способами.

Свидетельства местных врачей убедят всех, что причина смерти детей не огонь, а отравление стрихнином. На их телах есть все признаки такого отравления, а признаки смерти от удушья отсутствуют. Мы докажем, что Рэй Лэмфер не имел возможности прибыть на ферму и осуществить отравление.

Могла ли миссис Ганнесс отравить детей, похоронить вместе с ними женское тело, выбросить свой зубной протез и скрыться? Если да, то мой подзащитный невиновен.

Все эти доказательства, – заключил Уорден, – убедят судей: Рэй Лэмфер стал жертвой навета. Он обвинен несправедливо[2].

«Этим утром защита нажала на спусковой крючок револьвера, – написал Дарлинг, воодушевленный речью Уордена, – и через много лет, когда суд над Лэмфером станет историей, эхо этого выстрела все еще будет звучать в совещательной комнате судьи Рихтера». Но за «громким выстрелом» адвоката последовала осечка. Джон Болл, свидетель защиты, был «первым белым ребенком, рожденным в округе Ла-Порт»[3]. Старожил зарабатывал на жизнь ремеслом каменщика, погонщика скота, шахтера, служил в кавалерии. Он открыл первое в Ла-Порте похоронное бюро, которое, уходя на покой, продал Катлеру. А после пожара в доме Ганнесс, когда надо было извлекать из-под развалин первые найденные тела, Катлер позвал на помощь своего семидесятичетырехлетнего предшественника.

Во вступительном слове Уорден пообещал присяжным, что самым убедительным свидетельством в пользу того, что найденное женское тело не могло принадлежать Белль Ганнесс, станут показания Болла. Однако главный вопрос Уордена – «Позволяет ли ваш опыт гробовщика и знакомство с миссис

Ганнесс заключить, что труп сгоревшей женщины принадлежал Белль?» – был опротестован прокурором как «подводящий к определенному ответу». Смит утверждал, что неправильно вынуждать простого свидетеля выражать юридическое мнение. Судья протест поддержал, на этом допрос Болла был окончен[4].

После обеденного перерыва дела Уордена стали налаживаться. Он вызвал известного кливлендского дантиста Георга Вассера. Уорден спросил, считает ли доктор, что зубной протез, найденный в развалинах дома, мог выдержать температуру, уничтожившую кости черепа.

– Я считаю, что это невозможно.

– Как, по-вашему, – продолжал адвокат, демонстрируя осколок зуба, – был этот кусочек кости покрыт золотой коронкой или нет?

– Если предположить, что на нем действительно сидела коронка, то это топорная работа[5].

Фишер, еще один свидетель-дантист, тоже согласился, что протез вряд ли мог сохраниться в пламени, уничтожившем череп. По фарфору тогда пошли бы трещины. Кроме того, достав стоматологические щипцы, доктор Фишер подробно объяснил присутствующим, как с их помощью удаляют зубы[6].

До конца дня Уорден вызвал еще несколько свидетелей. Среди них была соседка Белль, миссис Джордж Райт. Через окно ванной комнаты женщина заметила пламя как раз в ту минуту, когда «часы пробили три». Рэй же после трех ночи, по свидетельству Лиз Смит, еще двадцать пять минут пробыл у нее[7]. Похоронных дел мастер Вейр рассказал, что был на ферме в день пожара и видел в подвале пустую оплавленную канистру. Вызванный повторно Джо Максон подтвердил показания Вейра и сообщил, что в тот вечер оставил канистру с керосином в коридоре, под лестницей у входной двери, а после пожара емкость оказалась в подвале[8].

В конце заседания Уорден пригласил на свидетельское место своего оппонента, прокурора Смита. Ему был задан вопрос о таинственном сундуке, который прокурор вывез весной из каретного сарая. Адвокат рассчитывал на резкий поворот в развитии событий, но все окончилось ничем: когда сундук доставили в зал суда, там обнаружили только «книги, галстуки и письма, не имевшие никакого отношения к данному делу»[9].

Освещая пятничное заседание, газетчики сошлись во мнении: Уорден выступил с яркой, убедительной речью, однако защите так и не удалось доказать, что Белль Ганнесс еще жива, а если все-таки умерла, то ее отравили до пожара[10].

Правда, главная сенсация, взволновавшая в тот день местное общество, не касалась ни подсудимого, ни защиты, ни обвинения.

В центре внимания оказались зрители.

Глава 35
Выгребная яма

В девятнадцатом и в первой четверти двадцатого века редкий репортер, освещавший суд над убийцей, не отпускал колких замечаний в адрес женщин. Обычно на таких процессах среди зрителей их было большинство. Казалось, такой интерес домохозяек к ужасным и грязным преступлениям резко контрастировал с теми чертами, которыми общественное мнение наделяло представительниц так называемого слабого пола.

Та же картина наблюдалась и в суде над Лэмфером. Из-за скандального характера ожидаемых свидетельских показаний судебные власти предприняли усилия, чтобы на слушаниях присутствовали одни мужчины. В первый день женщин действительно не допустили в зал, но на все другие заседания жительницам Ла-Порта удалось пробиться. Как писала на третий день суда одна чикагская газета, сотни женщин, локтями прокладывая себе дорогу, захватили почти все сидячие места. А несколькими днями позже корреспондент «Индианаполис ньюс» сообщил читателям, что «в зале находилось не меньше четырехсот женщин, и они – многие в нарядных платьях – заняли все первые ряды»[1].

Эта вопиющая тяга местных дам к страшным и непристойным подробностям дела спровоцировала вполне предсказуемый скандал. Начало ему положил преподобный М. Гаррард, незадолго до описываемых событий получивший кафедру в Первой христианской церкви. В четверг вечером 19 ноября священнослужитель даже отменил проповедь «О начале семейной и деловой жизни» и разразился гневной речью против жительниц Ла-Порта, штурмующих здание суда:

– Я испытал глубокое отвращение при мысли о толпах женщин, которые и утром и днем набиваются в зал, чтобы внимать потоку мерзостей проходящего в нашем городе судебного процесса, – начал он, старательно избегая произносить ужасное имя, принесшее Ла-Порту дурную славу. – Эти женщины напоминают тех, кто расположился около выгребной ямы и не собирается уходить, пока ее не опорожнят. Крайне печально, что суд посещают мужчины, но еще страшнее, что на нем присутствуют женщины, которые, осмелюсь предположить, стремятся занять самые первые ряды, чтобы ни в коем случае не пропустить какую-нибудь скабрезную подробность или отвратительную сцену.

Этому безобразию нет названия! – звенящим от негодования голосом продолжал Гаррард. – Странно: множество женщин повсеместно без всякого принуждения сидят в залах на громких процессах, и чем непристойнее дело, тем больше дочерей Евы можно там увидеть. Что сказать об этих женщинах? Об их скромности? Об их чистоте? Неблаговоспитанные – это самое мягкое из всех названий, которые они заслуживают.

Пытаясь понять, кого привлекает «такая грязь», Гаррард сам посетил одно утреннее и одно дневное заседание. То, что он увидел и услышал, возмутило его до глубины души. Одна молодая женщина, удобно усевшись в первом ряду, явно радовалась такому удачному месту. «Раздувая щеки, она демонстративно мяла во рту большой кусок жевательной резинки, – источая презрение, рассказывал проповедник, – и трясла головой, как корова. Я мог бы многое добавить, но хочу поговорить о более приятных вещах. Смею надеяться, что достойные женщины осудят тех, кто посещает слушания, и будут держаться от них подальше. Скромные, чистые, воспитанные леди должны сторониться зла в любых его проявлениях»[2].

В пятницу обличающую речь Гаррарда напечатали местные газеты, и вскоре Гарри Дарлинг и редактор «Геральд» Эдвард Моллой оказались завалены возмущенными письмами протестующих против нападок пастора. «Известная жительница Ла-Порта», как следовало из подписи под одним из писем, обвинила Гаррарда в «оскорблении всех местных женщин», а также в осквернении его кафедры и сана.

Писавшая уверяла, что, посетив несколько заседаний, видела там «прекраснейших и честнейших дам». Более того, она не слышала в суде и десятой доли тех непристойных слов и грубых выражений, которые употреблял Гаррард.

В самоуверенных фразах, отражавших феминистические настроения того времени, она утверждала, что женщины должны иметь представление о правовой системе, настаивала, что прошли времена их униженного положения и невежества, а стремление ознакомиться с судебными процедурами не имеет ничего общего с потаканием низменным страстям. Отповедь Гаррарда, по выражению анонима, выставила пастора на посмешище. «Почитающий Евангелие, – напомнил пишущий, – должен жить, ни к кому не испытывая злобы, и к любому проявлять милосердие». В конце письма автор намекал, что Гаррард, как человек новый, посторонний, не имеет права очернять благовоспитанных и во всех отношениях безупречных посетительниц зала суда[3].

Проповедь Гаррарда обидела не только женщин. В «Уикли геральд» под заголовком «Муж тоже протестует» появилось еще одно гневное письмо. Его автор усомнился, что пастор, переехавший в Ла-Порт совсем недавно, имел право на такое огульное осуждение. «Преподобный без году неделя в нашем прекрасном городе, и ему не пристало очернять наших дам», – защищая свою жену, а заодно и всех американок, обрушился на пастора пожелавший скрыть свое имя джентльмен:

> Как и многие другие женщины, моя супруга была в зале суда, и вдруг преп. Гаррард выступает с речью и заявляет, что фактически все они нескромные, нечестные и неблаговоспитанные, то есть недостойны уважения. Он убеждает свою паству, что представительницы слабого пола нашего города находятся в плену плотских помыслов и подобны стадным животным. Что за высокомерие! Что за старый критиканский трюк – презрительно поджимать губы! Просто глупость и ничего, кроме глупости. Кто дал право этому человеку рассуждать о скромности, чистоте и благородстве наших женщин? Я горжусь стойкостью и отвагой американок. Мы все должны гордиться благородством их душ и помыслов, чистых как стекло и таких же твердых в сопротивлении несовершенству окружающей жизни. Я спрашиваю вас: действительно ли слово «непристойный», как и другие, прозвучавшие на процессе Ганнесс, более грубое, грязное и вызывающее, чем те, что слетают с уст священника, когда он разглагольствует о танцах, торговле женщинами и касается скользких тем в отношении детей. Я считаю, что женщина, как и мужчина, имеет право знать и слышать все, что касается правовой стороны ее жизни. Неизбежная грубость и неделикатность мира не навредит подлинной скромности и порядочности. Мистер Гаррард, придя в суд, встретится с такими же высокоморальными жительницами города, как и везде, включая церковь. Моя жена ушла на процесс достойной женщиной и такой же вернулась домой. Истинная добродетель заслуживает доверия, и я верю своей жене. И не ваше дело, мистер Гаррард, ставить под сомнение ее добропорядочность.

Автор письма, особенно выделяя издевательское описание зрительницы со жвачкой во рту, называет речь пастора «невероятно обидной», оскорбительной и «недостойной джентльмена». «Мне кажется, – продолжает аноним, – что та

девушка вела себя куда более пристойно, чем мистер Гаррард в своей несдержанности, который, обрушившись на наших женщин с оскорблениями и напрасными обвинениями, низвел церковную проповедь до уровня уличной сплетни»[4].

Однако не все обиженные откликнулись на обличительную проповедь гневными письмами. Местная сочинительница Молли Лонг опубликовала в «Уикли геральд» юмористическое стихотворение. Она написала его в форме письма к чикагской подруге Бесси Шорт:

Что в городе творится, Бесс!
Здесь все спешат на суд.
Не первый день идет процесс —
Разгадки тайны ждут.

Присяжных выбрали сперва —
Подходят на все сто!
Однако ясно им едва,
Кого судить, за что…

Жива Белль Ганнесс или нет?
Нам кажется порой —
Сбежала, заметая след,
С пропавшей головой.

Еще там про зубной протез
Талдычат день за днем.
Ведь мост, – ты представляешь, Бесс? —
Не поврежден огнем!

У пастора же свой резон —
Чихвостит падре дам.
Но раз на суд являлся он,
Чего стыдиться нам?

И я пойду туда опять. Вопрос,
Да мог ли мост
Гореть в огне и не сгорать,
Не так, похоже, прост.

Тебе же, как вернусь домой,
Пошлю отчет подробный свой.

Несмотря на издевательства, презрение и насмешки,

преподобный продолжал гнуть свою линию. В очередной речи он уверял прихожан, что глубоко уважает высоконравственных жительниц Ла-Порта, подвергая осуждению только «определенный тип падких на сенсации женщин», которые, как стадо овец, ходят на суд исключительно ради развлечения.

Не оставил Гаррард без внимания и письмо неизвестной, объяснявшей, что посещает суд, желая понять систему правосудия. Пастор утверждал, что, даже отстаивая «подлинное» предназначение женщин, он все равно борется за их права. «Я не против свободы, – рассуждал проповедник, – но свобода – не вседозволенность. Бог сотворил мужчину. Бог сотворил и женщину. Мужчине бог дал бóльшую силу и в некоторых сферах жизни поставил выше женщины. Она же, наделенная особыми чертами, стала по воле Господа хранительницей домашнего очага. Ее сила в нежности и сострадании, в скромности и набожности, и, конечно, в любви. То, что некоторых дам привлекают такие ужасные процессы, как дело Ганнесс или дело Гарри Тоу, убившего знаменитого архитектора Стэнфорда Уайта, противно женскому естеству». Вот в чем, по мнению проповедника, причина участившихся разводов и разрушения моральных устоев общества[6].

Запугивания Гаррарда не остались без внимания. На дневное заседание суда в субботу, 22 ноября, то есть на следующий день после появления в газетах гневной филиппики преподобного, пришло еще больше женщин. По выражению специального корреспондента «Чикаго дейли джорнэл», скорее всего, это случилось из-за нападок, которые пастор обрушил на головы зрительниц[7].

Глава 36
Парад

Два следующих дня допрашивали свидетелей защиты. Адвокат рассчитывал, что сможет с их помощью доказать главное: Ганнесс только инсценировала свою смерть, а на самом деле осталась жива и, следовательно, Лэмфер невиновен.

Первым вызвали одного из соседей Ганнесс. Дэниел Хатсон еще раз повторил давно известную всем историю: 9 июля на ферме Белль он видел ее в сопровождении какого-то «незнакомого мужчины». Они ходили по саду. Эльдора и Эвелина – дочери Дэниела – могут подтвердить его слова.

– Я вез из города сено и смотрю – по участку Ганнесс ходят мужчина и женщина. Я узнал ее еще издалека: та же фигура, та же тяжелая походка, совсем не женская. Я стегнул лошадей – хотел подняться на холм и рассмотреть ее получше, пока не скрылась. Правда, Белль меня уже заметила и, быстро забравшись в повозку вместе со спутником, погнала в сторону шоссе. Все-таки я успел подъехать довольно близко и смог легко разглядеть черты лица.

При перекрестном допросе Хатсону пришлось признать, что на женщине была шляпа «с широким ободком» и доходившей до подбородка двойной вуалью – один слой белый, другой – черный. Непонятно, как при таких обстоятельствах свидетель сумел разглядеть лицо. Однако он упрямо уверял, что хорошо знал Белль Ганнесс и никак не мог ошибиться[1].

Другому соседу, Джону Андерсону, предстояло убедить судей, что обезглавленный женский труп, найденный на пожарище, принадлежал не Белль, а другой полной женщине. Ганнесс заманила ее, убила и оставила труп в горящем доме.

Вечером в последнюю субботу перед пожаром Джон работал в цветнике. Вдруг подъехала миссис Ганнесс. Она остановилась перекинуться с соседом двумя-тремя словами. Рядом с ней в повозке сидела незнакомая женщина, «тоже полная, но не такая, как Белль».

– Приходилось ли вам видеть ее раньше? – спросил Уорден.

– Никогда, – твердо ответил Андерсон и отрицательно покачал головой.

Следующим защита представила, как писала пресса, «неожиданного свидетеля». Намереваясь доказать, что в

преступном бизнесе Белль Ганнесс участвовали и другие, а не только Лэмфер, Уорден пригласил некоего Фреда Риттмэна, ее бывшего работника. После пожара о нем никто ни разу не вспомнил. Риттмэн рассказал, что как-то вечером сообщник Белль привез на ферму «жертву». Мужчину опоили снотворным, убили и закопали в свежевырытой могиле. Адвокат очень рассчитывал, что показания этого свидетеля убедят присяжных.

Он сообщил, что два года назад пахал землю под кукурузу. В это время миссис Ганнесс запрягла свою любимую лошадь, сказала, что собирается в город, а Фреду велела, если кто придет, проводить в дом со словами: «Хозяйка скоро вернется».

– Прошло совсем немного времени, – продолжал Риттмэн, – и к дому подъехал большой зеленый автомобиль. Из него вышли двое мужчин, один – постарше, другой – моложе и не такой толстый. Им нужно было срочно увидеть хозяйку. Я ответил, что ее нет, предложил подождать в доме, а сам продолжил работу. Через час хозяйка вернулась и приказала выкопать яму. На вопрос какую она ответила: «Для фундамента, глубиной пять с половиной футов. Завтра придут каменщики». Миссис Ганнесс сама показала, где копать, и отметила углы. До меня не сразу дошло, что получится что-то вроде могилы.

Риттмэн работал до конца дня, а перед уходом зашел в дом за деньгами. За кухонным столом, на котором стояло несколько бутылок, сидели Белль и ее гости. Риттмэну тоже предложили полстакана вина. Фред выпил, и ему сразу стало не по себе. Свидетель не сомневался, что в алкоголь «что-то подмешали»[2].

Еще одна свидетельница, как полагал адвокат, должна была доказать, что, как только вспыхнул огонь, Ганнесс вместе с сообщником покинула место происшествия.

Миссис Луиза Гакль, молодая работница швейной фабрики, жила в городе, на Парк-авеню, ведущей прямо к ферме Ганнесс. Луиза рассказала, что в конце апреля приболела и 28-го числа, на рассвете, встала выпить лекарство. Часы в ее спальне показывали три. Вдруг женщина заметила «огненные всполохи, как от пожара» и, подойдя к окну, увидела: горит ферма Ганнесс, а оттуда по дороге несется красный автомобиль с мягким верхом. По сообщениям других свидетелей, «ту же или совпадающую с ней по описанию машину видели 28 апреля на улицах Хобарта и даже Вальпараисо»[3].

Потом перед судом опять предстал Джо Максон. С его помощью Уорден рассчитывал нанести по обвинению сокрушительный удар. Утром 19 мая, когда раздался крик

старателя «Я нашел зубы!», Джо, по его словам, стоял рядом и видел: Луис Шульц вынул искусственные зубы из кармана, а вовсе не из пепла. Это может подтвердить зять Максона по имени Исайя Альдерфер. Потом Шульц «опять спрятал зубы в карман куртки и достал их оттуда только в полдень, когда приехал Смутцер. Тогда их старатель ему и отдал».

Лучше всех слова Максона, без сомнения, мог бы подтвердить Шульц, однако его найти так и не смогли[4].

На понедельник вызвали еще четырех свидетелей. Доктор Боуэлл высказал профессиональное мнение, что «коронки, предъявленные в качестве улики, не могли не разрушиться во время пожара». Бывший работник крематория по фамилии Людвиг объяснил, что «на уничтожение человеческих останков при температуре три тысячи градусов (тысяча шестьсот пятьдесят по Цельсию) требуется два-три часа и голова сгорает последней». Уильям Миллер, комиссар полиции округа, рассказал, что нашел в подвале дома Ганнесс «плоский камень». Полицейский обнаружил в нем углубление, оно выглядело как отпечаток человеческого черепа, хотя его нигде не было[5].

У защиты остался еще один свидетель – доктор Уолтер Хайнс из Медицинского колледжа Раш. Однако, когда в понедельник перед перерывом Уорден сообщил, что доктор сможет прибыть в Ла-Порт только на следующий день, судья Рихтер перенес допрос последнего свидетеля на вторник и закрыл заседание.

Глава 37
Химик

С молодости страдавший тяжелым заболеванием органов дыхания, Уолтер Стэнли Хайнс дожил до семидесяти двух – весьма солидного по тем временам возраста, ведь продолжительность жизни американских мужчин составляла тогда сорок девять лет. Однако болезнь не помешала активной жизни и успешной карьере доктора Хайнса. Он родился в 1850 году в семье Джона Хайнса, два срока занимавшего пост мэра Чикаго. Уолтер был тогда еще ребенком. Получив диплом Массачусетского технологического института, Уолтер продолжил образование в Медицинском колледже Раш Чикагского университета, а в 1874-м занял должность профессора на кафедре химии, где, став легендой для нескольких поколений выпускников, и проработал до конца своих дней[1].

К 1884 году Хайнс достиг уже такой известности, что стал одним из первых знаменитостей, зарабатывающих на рекламных объявлениях в газетах. Одно такое объявление гласило: «Недавно я исследовал пекарский порошок марки “Роял бэйкинг паудэр” и заверяю, что он не содержит никаких лишних примесей или вредных компонентов». Тогда еще не было создано Управление по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных препаратов[2], и потребители прислушивались к мнению экспертов. Хайнс рекламировал этот порошок и десять лет спустя. Вот образчик такого объявления: «“Роял бэйкинг паудэр” во всех отношениях превосходит все другие марки пекарских порошков. Он самый чистый и самый действенный. Уолтер С. Хайнс, химик-консультант, Чикагский совет по вопросам здравоохранения»[3].

Благодаря глубокому знанию ядов и отравляющих веществ, Хайнс стал ключевым экспертом в области только нарождавшейся тогда криминалистики. Вместе с двумя выдающимися коллегами он издал двухтомный учебник по токсикологии и судебной медицине. В него впервые были включены главы, посвященные огнестрельным ранениям и ментальной природе сексуальных извращений. Однако особого признания и высокой оценки профессионального сообщества авторы удостоились за раздел «Уничтожение и попытка уничтожения человеческих останков с помощью огня и химических веществ»[4].

За долгую и плодотворную карьеру Уолтер Хайнс не раз участвовал в самых громких процессах. Среди них и суд над Адольфом Лютгертом (этот чикагский колбасник убил жену и

растворил ее тело в одном из производственных чанов); и над Томасом Кримом – серийным отравителем, у подножия виселицы назвавшегося Джеком-потрошителем; привлекался Хайнс и к делу Беннета Хайда, отравившего миллионера Томаса Своупа[5].

Запланированное на вторник выступление химика ни для кого не было секретом. Он прибыл в Ла-Порт из Вашингтона, где участвовал в заседании комитета по ревизии американской государственной фармакопеи, то есть реестра лекарственных средств. Газеты еще за несколько дней до приезда Хайнса сообщали: «профессор расскажет о ядах, обнаруженных в трупах с фермы»[6].

Уорден и его помощник очень надеялись, что, выслушав знаменитого токсиколога, присяжные придут к выводу: Белль боялась, что ее преступления раскроются, и поэтому, убив детей, покончила жизнь самоубийством. Рэя же следует оправдать.

Во время допроса – он длился больше получаса – Хайнс сообщил, что 27 мая получил от коронера Мака несколько запечатанных сосудов. В одном были желудки Белль и двоих детей. Открыв емкость, профессор обнаружил высокую степень разложения тканей, из-за чего они «слиплись в общую массу с консистенцией густой грязи. В желудочных стенках сохранилось слишком мало волокон ткани, поэтому пришлось проводить исследование единственно возможным способом – анализировать все целиком». Хайнс, измельчив и перемешав зловонную слякоть до однородного состояния, взял треть материала для изучения[7].

– В пробе обнаружилось очень много мышьяка и некоторое количество стрихнина, – сообщил эксперт. – Его хватило бы, чтобы убить троих человек.

Если не считать, что свидетель не мог определить, был ли яд в одном, двух или всех трех желудках, защита получила от эксперта-химика те показания, на которые рассчитывала.

Потом к перекрестному допросу приступил прокурор.

Он спросил, можно ли утверждать, что те трое, чьи желудки анализировал эксперт, умерли от отравления стрихнином. Хайнс ответил отрицательно и объяснил, что яд был найден в желудках, а обычно стрихнин током крови разносится по всем артериям. Правда, из-за плохой сохранности внутренних органов невозможно сделать заключение о причине смерти[8].

Заметив, что через морг, где десять дней пролежали тела, прошло несколько сотен любопытных, прокурор Смит поинтересовался, можно ли было за это время впрыснуть стрихнин в желудки Белль и ее детей.

– Добавить яд после смерти сложности не составляет, – ответил эксперт[9].

После химика место свидетеля занял владелец местной похоронной конторы Остин Катлер. Его вызвало обвинение. Как написал корреспондент «Чикаго игзэминер», «допрос гробовщика из Ла-Порта привнес в слушания элемент фарса». Защите Рэя Лэмфера, однако, было не до смеха.

Как только Катлер поклялся на Библии, прокурор спросил, не обрабатывались ли останки какими-либо отравляющими веществами.

– Послушайте, конечно, обрабатывались. Странно, что вы не задали этот вопрос раньше, – воскликнул гробовщик. – Я залил их двумя галлонами бальзамирующего формальдегидного раствора и насыпал сверху пятьдесят фунтов мышьяка.

Смит не смог сдержать улыбки:

– Вы сделали это до вскрытия, то есть до того, как желудки положили в сосуд для химического анализа?

– Ну, конечно, – ответил Катлер, всем своим видом демонстрируя усталость от подобных вопросов.

– Мистер Катлер, почему вы так долго об этом молчали?

– А меня никто не спрашивал, потому я про мышьяк и не рассказывал. Никто не предупредил меня в то утро, когда привезли тела. Не сказали, что можно, что нельзя. Велели только подготовить трупы к перевозке в Чикаго, где их похоронят. Никто же не знает, как мы обрабатываем тела, чтобы железная дорога приняла груз. А тела женщины и детей так сильно обгорели, что я их не бальзамировал, а просто насыпал побольше мышьяка.

С одной стороны, рассказав, как в трупы попал мышьяк, Катлер добавил очков стороне обвинения. Однако хозяин похоронной конторы не смог объяснить присутствие в тканях смертельной дозы стрихнина, чем немедленно воспользовался Уорден. Он опять вызвал Хайнса и спросил, используют ли стрихнин при бальзамировании тел.

– Стрихнин не обладает антисептическими или консервирующими свойствами, – ответил эксперт.

Последние слова профессора частично уменьшили вред от показаний гробовщика, однако они произвели такое сильное впечатление, что ежедневный отчет «Детройт фри пресс» из зала суда вышел под заголовком «Эксперт защиты льет воду на мельницу обвинения». Хайнс не смог подтвердить версию, что четыре человека, чьи останки нашли в сгоревшем доме, умерли от отравления, а не от удушья. Для адвокатов это была не просто неудача. Как написала газета, им нанесли сокрушительный удар[10].

Глава 38
Заключительные речи

В среду, 25 ноября – в преддверии Дня благодарения – «Аргус-бюллетень» поместил на первой полосе заметку пресвитерианского пастора Джона Дональдсона. Она называлась «За что мы возносим благодарность». Пастор вспомнил о пуританах Новой Англии, о «суровых и мужественных душах», положивших начало традиции, об Аврааме Линкольне, объявившем День благодарения национальным праздником. Дональдсон выразил признательность «гражданским, торговым и политическим» институтам Америки, ее честным «руководителям на всех выборных должностях» и «справедливому здравомыслящему» населению. Спустившись на местный уровень, преподобный возносил благодарность за «усовершенствования» в жизни Ла-Порта, за укрепление роли школ, «возведение новых фабрик и расширение торговли». Упомянул Дональдсон также, что вместо переулков вскоре проложат широкие улицы, что округ покроется сетью мощеных дорог, на пустырях зазеленеют деревья и кусты, а водоочистительная фабрика обеспечит жителям безопасную питьевую воду.

Но усерднее всего пастор благодарил Бога, что тот снял с благословенного Ла-Порта ужасное проклятие: «Вознесем же хвалу Господу, испепелившему обитель греха – ад земной для многих, ее порог переступивших». Дональдсон пророчил, что «придет день, когда дело Ганнесс канет в Лету, телеграфный кабель на дне Атлантики перестанет раскаляться от скандальных новостей» и Ла-Порт вернет себе прежнюю благословенную безвестность[1].

На той же странице, где был напечатан текст Дональдсона, Гарри Дарлинг поместил ежедневный репортаж о судебных слушаниях. Как всегда, допрос последних свидетелей и предстоящее заключительное выступление адвоката он живописал в самых витиеватых выражениях:

> Сегодня, 25 ноября, за жизнь Рэя Лэмфера развернулась настоящая баталия. Четыре дня ушло на выбор коллегии присяжных. Больше десяти дней суду потребовалось для рассмотрения доказательств. И все это время стороны трудились над созданием своих флотилий. Обвинение построило первоклассный

мощный линкор. Защита, чтобы причинить ему серьезный вред и помешать вражеским маневрам, приняла другую тактику – задействовала много торпедных катеров и подводных лодок.

«На данный момент, – заключил Дарлинг, – большой корабль доказал прочность своей брони, ее способность противостоять бесчисленным ударам противника»[2].

В тот день первым перед присяжными выступил помощник прокурора Мартин Сазерленд. Он, взывая к их здравому смыслу, принялся высмеивать защитников, утверждавших, что на ферме нашли не Белль Ганнесс, а тело другой женщины. Сазерленд опирался на показания Джо Максона, уверявшего, что кроме него тем вечером в доме находились только Белль и трое детей. Здравый смысл подсказывает, считал помощник прокурора, что «на следующее утро на развалинах дома нашли тела четырех его обитателей».

Упомянув о зубных протезах, Сазерленд подчеркнул, что суду предъявлены не вставные челюсти, которые легко вынуть, а мост, укрепленный на собственных зубах Белль.

– Защита предлагает вам поверить богатому воображению мистера Хатсона, даже под двойной вуалью разглядевшего черты лица миссис Ганнесс, – с явной издевкой продолжал Сазерленд. – В самом деле, что может быть правдоподобнее? Белль Ганнесс едет в Ла-Порт, нанимает экипаж и мчится туда, где совершила столько убийств! Господа присяжные! Прислушайтесь к здравому смыслу, и вы поймете: мы представили неопровержимые улики.

Перейдя к мотивам преступления, обвинитель саркастически живописал мстительное чувство, которое овладело добродушным с виду подсудимым. Лэмфер не мог простить бывшей любовнице измену с Хельгелейном. Кроме того, брошенный любовник стал свидетелем убийства дакотского фермера, и Белль сначала пообещала, а потом отказалась заплатить Лэмферу за молчание.

По словам Сазерленда, все улики, все показания свидетелей указывают на то, что у Лэмфера – пьяницы и беспечного гуляки, была с хозяйкой весьма удобная связь. Когда же Белль проявила интерес к Хельгелейну, Рэя, которому не улыбалось поменять уютную спальню миссис Ганнесс на жесткую лежанку Лиззи Смит, охватили подозрительность и ревность.

– В ночь на четырнадцатое января Хельгелейн пропал, – продолжал помощник прокурора, – с тех пор его никто больше не видел. А Лэмфер? Он ослушался хозяйку, на ночь в Мичиган-Сити не остался. Вернувшись на ферму, Рэй увидел нечто такое, что

отвечало его желанию убрать с дороги соперника. Скорее всего, прямо над телом Хельгелейна был заключен некий договор. В чем он состоял, мы точно не знаем, однако вполне можно предположить, что женщина согласилась заплатить подсудимому за молчание. Как ясно из бумаг, за работу ему ничего не причиталось, а сам он на всех углах кричал, что Ганнесс, если не отдаст ему деньги, горько об этом пожалеет. Она же нарушила уговор, и Лэмфер, не получив «кровавых денег», утром двадцать восьмого апреля устроил поджог и тем самым обрек ее и детей на мучительную смерть в горящем доме, превратившемся в большую пылающую топку.

Поведение Лэмфера накануне пожара, безусловно, свидетельствует о виновности подсудимого. Нам известно, что в тот день бывший работник преследовал миссис Ганнесс. Испуганная, она зашла в магазин Минича. Лэмфер не отставал и, войдя в лавку, купил для видимости пятицентовую плитку жевательного табака. Когда женщина, сделав покупки, покинула магазин, Рэй Лэмфер, сверкая глазами, опять пошел за ней.

Какие у нас есть доказательства, что в совершенном двадцать восьмого апреля преступлении повинен Лэмфер? Мы знаем, что до пожара и потом, когда огонь охватил дом, подсудимый скрывался. Мы знаем, что позже он давал противоречивые показания помощникам шерифа: Энтиссу рассказал одну историю, а Марру – совсем другую. Мы знаем, что в конце концов он фактически признался в поджоге.

Тут впервые за все выступление Сазерленд повысил голос:

– Разве этого недостаточно?!

В заключение помощник прокурора поддел адвокатов:

– Теперь о защите. – Тут он пренебрежительно пожал плечами. – Вам, господа присяжные, лучше, чем обвинению, известно, что она из себя представляет. С помощью одного свидетеля пытаются доказать, что Ганнесс жива, а с помощью следующего – что она умерла. Один утверждает, что протез вынули изо рта и намеренно оставили на пожаре, а другой говорит, что это и не зубы вообще. Эксперт находит в желудках яд, а мистер Катлер следом заявляет, что для обработки останков использовал химикаты.

В заключение Сазерленд опять призвал судей учесть все вышеизложенное и, вынося приговор, полагаться на здравый смысл[3].

После Сазерленда выступил помощник основного защитника Эллсворт Вейр. Сын известного политика – сенатора и мэра Ла-Порта, – Эллсворт считал свое участие в этом суде большой

удачей. За несколько лет до описываемых событий Вейр представлял на бракоразводном процессе хорошенькую молодую жительницу Кливленда – Луизу Бриль. Ее оставленный муж Джон, «чрезвычайно богатый» владелец шахт, упрекал адвоката в «слишком близких отношениях» с Луизой. Мистер Бриль, видя в том причину охлаждения супруги, подошел к Вейру почти вплотную и выстрелил. Газеты по всему Среднему Западу писали о «смертельном ранении», однако усилия врачей вернули пострадавшего к жизни[4].

Теперь Вейр обвинил Сазерленда, что в вопросе о жизни и смерти он позволил себе «скатиться до сарказма». Адвокат упрекнул оппонента в «величайшем юридическом перевороте двадцатого века»: говорил о здравом смысле, а сам «принялся фантазировать» на тему о воображаемом участии Лэмфера в преступлении против Эндрю Хельгелейна, нарисовал картину, где Лэмфер якобы видит, как Ганнесс убивает гостя из Дакоты.

– Зачем в таком случае соучастникам убивать друг друга? – насмешливо поинтересовался адвокат.

Обращаясь к присяжным, Вейр допустил, что у Белль мог быть сообщник, который хотел бы от нее избавиться. Но предположение, что этим человеком является Лэмфер, не что иное, как «гадание на кофейной гуще. Нельзя, основываясь на чьих-то догадках, повесить или осудить человека на тюремное заключение!».

Коснувшись спора о зубных протезах, Вейр потребовал объяснить отсутствие такого важного свидетеля обвинения, как Луис Шульц.

– Почему вы его не вызвали? Где сейчас находится этот важнейший свидетель?

Помощник адвоката поинтересовался также, почему за две недели до того, как старатель нашел зубы, доктор Нортон «нарисовал и передал шерифу Смутцеру какую-то стоматологическую диаграмму». Не потому ли, мрачно предположил Вейр, что за эти две недели была изготовлена и подброшена фальшивая улика?

– Почему мистер Сазерленд так легко отбросил вопрос об отравлении? Предположим, что гробовщик использовал порошок чистого мышьяка. Однако признанный эксперт доктор Хайнс нашел в тканях также стрихнин, количество которого превышало смертельную дозу для троих человек. Как мог Лэмфер совершить это преступление? Ему пришлось бы войти в дом, применить яд, потом отнести всех четверых в погреб и поджечь здание. Но как мой подзащитный мог туда проникнуть, если дом был заперт?!

В конце выступления адвокат не смог сдержать эмоций.

– Мы все согласны, что было совершено преступление, – срывающимся голосом продолжал Вейр, – и, как все честные граждане, уверены: преступника необходимо поймать и осудить. Я лично не верю, что Рэй Лэмфер виновен в тех деяниях, которые ему приписывают. Нет никаких доказательств, что он замешан в чем-либо предосудительном, разве что иногда выпивал, но немало других мужчин делают то же самое. Возможно, Рэй Лэмфер пил даже больше других, но вменяемого ему преступления он не совершал. А раз это так, он должен быть отпущен на свободу.

Господа присяжные! Завтра наступит День благодарения, и вы, исполнив свой гражданский долг, вернетесь домой, в лоно семьи. А что ждет Лэмфера, если вы его сейчас осудите? Подумайте, десять раз подумайте! В ваших руках человеческая жизнь![5]

Этими словами Эллсворт завершил свою речь. По его щекам текли слезы.

После Вейра перед судьями выступил Уорден. Он призывал пощадить своего клиента. Как заметил один обозреватель, «адвокат бился за подзащитного, как за родного брата. Сам обвиняемый не мог бы бороться за свою собственную жизнь с бóльшим пылом». Гарри Дарлинг отреагировал на пламенную речь Уордена особенно замысловатым одобрением: «Адвокат Уорден приложил все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы повысить “жаропрочность” присяжных перед огнем пылающих костров прокурора Смита»[6].

Сначала Уорден напомнил членам суда о принципе обоснованного сомнения:

– Так как обвинения против Рэя Лэмфера целиком построены на косвенных уликах, – подчеркнул защитник, – то присяжные должны быть уверены, что в обвинительном заключении представлено единственное разумное объяснение этим косвенным доказательствам. В противном случае Лэмфер должен быть оправдан.

Пункт за пунктом Уорден поставил под сомнение весь обвинительный акт, начиная со смерти Ганнесс во время пожара.

– Я твердо уверен, что она жива, и, безусловно, у нее был веский мотив для поджога: в любую минуту на ферме в поисках брата мог появиться Асле Хельгелейн. Ганнесс сделала все необходимые приготовления, даже оставила в завещании распоряжение, что делать с имуществом на случай смерти ее детей. Так что у меня лично нет сомнений в показаниях мистера Хатсона и двух девочек, его дочерей.

Теперь о найденных четырех телах. Я полагаю, что они не могли одновременно упасть со второго этажа и остаться лежать в ряд, придавленные обломками пианино. Если верить обвинению, то фортепиано упало в погреб от столкновения с падающими телами!

Уорден, стараясь посеять как можно больше сомнений в душах присяжных, выдвинул совершенно неожиданное предположение: свой зловещий план Белль Ганнесс привела в действие с помощью Максона.

– Подозреваю, что Максон рассказал не все, что знает, – продолжал адвокат. – Думаю, в ту ночь он действительно лег спать, не раздеваясь. И потом не издал ни одного крика, не поднял тревогу, не позвал на помощь соседей.

Перейдя к вопросу о зубных мостах, защитник просил не учитывать свидетельство доктора Нортона, называя его мнение «предвзятым».

По словам Уордена, огонь никогда их не касался. Все, что известно об этих протезах – начиная с того, как их нашли, и заканчивая их нынешним состоянием, – указывает на коварный заговор, цель которого – убедить всех, что Ганнесс погибла во время пожара.

Далее адвокат, стараясь опровергнуть показания Джона Рая, сказавшего, что Лэмфер вернулся на ферму Белль 14 января, «зачитал заявление подсудимого, который этот факт отрицал».

Заключительные слова Уорден «произнес с необыкновенным чувством».

– Обвинение утверждает, что Лэмфер якобы признался в преступных намерениях. Давайте представим, что он солгал Энтиссу. Неужели за эту ложь вы отправите человека на виселицу? Тогда все мы на краю гибели! И все-таки я верю: принимая решение, вы будете опираться на вещественные доказательства, судить по совести и по закону. Тогда моего подзащитного ждет справедливый приговор![7]

Последним должен был высказаться прокурор Смит. По сравнению со страстными выступлениями защитников, говорил он просто, разговорным стилем и поначалу даже несколько иронично:

– Я не буду произносить политических речей. Я просто постараюсь вас убедить: нет никаких сомнений, что пожар, в котором сгорела семья Ганнесс, устроил Лэмфер.

Смит, как и его помощник, объявил доводы защиты безнадежно запутанными. «Невозможно определить, что они пытаются доказать, – сказал прокурор. – То утверждают, что

Белль Ганнесс жива, то вдруг внушают суду, что она умерла». Отвечая на упрек Уордена об отсутствии прямых улик, Смит воскликнул: «Конечно, все доказательства косвенные! Замышляя поджог или другое преступление, люди не дают объявлений в газетах и не трубят о своих планах на всех углах».

Пользуясь приемом Уордена, Смит отразил еще один выпад противника:

– Они спрашивают, где Шульц. Пусть так. А мы спрашиваем, где Черная Лиззи. Почему с ее помощью не подтвердить алиби? Что делал обвиняемый в течение часа и сорока пяти минут, которые, по словам Лэмфера, он потратил на путь чуть больше мили? Если это не так, почему не вызвать Черную Лиззи? Ей-то все известно. По какой причине этой свидетельницы не было на суде?

А где доказательства, что слова доктора Нортона о зубных протезах не соответствуют истине? Дантисты, привлеченные защитой, тоже показали, что оба моста предназначались одному человеку, были установлены на зубы и подверглись воздействию огня.

Подобно Сазерленду, прокурор поднял на смех мистера Хатсона, заявившего, что он узнал Белль в женщине, скрывавшей лицо под двойной вуалью. Затем Смит коротко перечислил доводы, призванные доказать соучастие обвиняемого в убийстве Эндрю Хельгелейна.

И вдруг, резко отвернувшись от скамьи присяжных, прокурор ткнул пальцем в подсудимого. Голос обвинителя гремел:

– Что вы сказали Джону Раю, как собирались расквитаться со старухой? Вы говорили помощнику шерифа Энтиссу, что если б не ваша бедная мать, то могли бы признаться в поджоге? Вы шныряли по ночам вокруг участка Ганнесс, за что вас оштрафовали и наложили запрет приближаться к ее дому?

Пока Лэмфер старался выдержать натиск прокурора, с трудом сохраняя внешнее спокойствие, тот опять обратился к присяжным. Хотя обвинение сделало все, чтобы доказать факт смерти Белль Ганнесс, ее судьба, по словам Смита, никого особенно не интересует. Эта женщина была «исчадием ада». Сам же прокурор «скорбит о трех невинных детях, погибших от рук человека, который подкрался исподтишка и устроил поджог с такими ужасными последствиями!»

Полные праведного гнева последние слова прокурора не могли не взволновать слушателей, особенно тех – а таких было большинство, – которые сами были родителями.

– Если вы не верите, что Лэмфер безусловно виновен, не выносите обвинительный приговор. И я не призываю оправдывать

эту ужасную женщину. Пользуясь своим правом и во имя Господа, я говорю вам: помните о трех убитых детях![8]

Судья Рихтер, разъясняя присяжным процедуру голосования, уделил внимание «принципу обоснованного сомнения», подчеркнул, что нельзя использовать против подсудимого его отказ давать показания. Рихтер подчеркнул также, что «косвенные улики обладают той же доказательной силой, что и прямые».

По закону, большому жюри предстояло выбрать один из шести вариантов приговора:

> Виновен в убийстве при отягчающих обстоятельствах. Смертная казнь.
>
> Виновен в убийстве при отягчающих обстоятельствах. Пожизненное заключение.
>
> Виновен в убийстве со смягчающими обстоятельствами. Пожизненное заключение.
>
> Виновен в непредумышленном убийстве. От двух до двадцати одного года тюрьмы.
>
> Виновен в поджоге. От двух до двадцати одного года тюрьмы.
>
> Невиновен.

Выслушав напутствие судьи, присяжные удалились в совещательную комнату. Часы показывали 17:30 – канун Дня благодарения[9].

Глава 39
Приговор

Через пять часов бурных обсуждений и четырех голосований стало ясно: присяжные не смогут быстро прийти к единому мнению. Поэтому в 33:45 они решили прекратить споры и отложить обсуждение до утра.

Наступил День благодарения. Присяжные заседатели дважды запрашивали дополнительную информацию, однако им было сказано, что ничего, кроме руководства для заседателей, суд предоставить не может. Двенадцать членов большого жюри дважды возвращались в зал, на скамью присяжных, чтобы выслушать Рихтера, который опять – с начала до конца – читал уже известный им документ.

Тем временем пошли слухи, что заседатели зашли в тупик. Во второй половине дня, когда остальные участники процесса разошлись по домам к праздничной трапезе и в опустевшем зале заседаний погас свет, присяжные все еще продолжали свою работу.

Настал вечер. Неожиданно репортеры, толпившиеся в ожидании приговора перед зданием суда, увидели, что зажглись окна. Тут же разнеслась весть, что вот-вот объявят приговор, и публика опять хлынула в зал. Он был уже почти полон, когда выяснилась ошибка: Энтисс, помощник шерифа, желая показать своим иногородним друзьям, где слушается печально знаменитое дело, привел их в суд и включил свет.

Примерно в 19:00 – вскоре после ужина и через двадцать шесть часов после начала обсуждения – присяжные сообщили судебному приставу Матцу, что после девятнадцатого голосования они пришли к согласию.

Тогда Матц позвонил судье, адвокатам и включил освещение в зале суда. Зрители немедленно хлынули в зал, заняли все сидячие места, стояли у стен, толпились в проходах. Через несколько минут из тюрьмы привели Лэмфера. Его сопровождал Энтисс. На случай «бурной реакции» во время чтения приговора заместитель шерифа сел прямо за обвиняемым[1].

В 19:20 пришли присяжные, и судья открыл заседание.

– Господа присяжные! Удалось ли вам прийти к согласованному решению? – спросил Рихтер.

Поднявшись, старшина Генри Миллс подтвердил, что принято оно было единогласно, но перед чтением приговора Миллс хотел бы сделать заявление. Судья ответил, что «не имеет

права выслушивать какие-либо заявления до оглашения вердикта».

Пока Миллс передавал судебному исполнителю протокол, а Матц, в свою очередь, вручал его судье, в зале царило напряженное молчание. Положив белый листок поверх судебного дела, Рихтер прочистил горло и прочел:

– Виновен в поджоге.

Публика, которую заранее предупредили, что какой-либо шум во время чтения приговора недопустим, слушала в полном молчании. Рэй сначала вспыхнул, потом побледнел. В остальном он казался спокойным, только сидевшие поблизости заметили: руки подсудимого слегка дрожали. Адвокаты – по всей видимости, «приговор взволновал их сильнее, чем подзащитного, – подались вперед и уже готовы были заявить протест, но вовремя остановились»[2].

Огласив приговор, судья Рихтер спросил старшину Миллса, желает ли он теперь выступить с заявлением. Миллс ответил, что теперь ничего хорошего из этого не выйдет, и отказался. И когда двенадцать мужчин, выслушав от судьи и прокурора благодарность за «тщательное и честное рассмотрение дела», покинули скамью присяжных, Рихтер обратился к подсудимому:

– Есть ли у вас какие-либо причины утверждать, что приговор вынесен несправедливо?

Рэй – изможденное лицо, запавшие глаза, руки сцеплены перед грудью, чтобы не дрожали, – медленно произнес:

– Сейчас я ничего не могу сказать.

На этом судья Рихтер приговорил подсудимого к заключению в исправительном заведении Мичиган-Сити (на неопределенный срок от двух лет до двадцати одного года), лишению избирательных прав (на пять лет) и штрафу в 5000 долларов. По решению суда заместитель шерифа опять препроводил Рэя Лэмфера в окружную тюрьму[3].

С изрядной долей преувеличения и явной гордостью за родной город, вновь оказавшийся в центре всеобщего внимания, Эдвард Моллой из «Ла-Порт уикли геральд» провозгласил: «С вынесением приговора Рэю Лэмферу завершился один из самых громких в истории судов над убийцами». Вот отрывок из публикации этого журналиста:

> В каждом городе, в каждой деревне, даже на каждом полустанке, в самых отдаленных местах, где только есть телеграф, почта, куда доходят газеты, люди с первого дня следили за этим процессом. Они вчитывались в

каждую газетную строчку, ловили каждую новую подробность, строили предположения и догадки. Газеты и новостные агентства охотились за каждой деталью, за каждым фактом. И уже через две минуты после оглашения приговора эта новость, достигнув по телеграфному проводу берегов Европы, разнеслась по разным странам во всех концах света[4].

Моллою, которого в тот вечер допустили в камеру осужденного для интервью, показалось, что Рэй смирился со своей участью. По его словам, могло быть хуже, так что жаловаться не приходится. «Все улики против меня, и я готов понести наказание, – сказал Лэмфер. – Конечно, была надежда, что меня оправдают. Все-таки моя совесть чиста, и от этого немного легче».

Моллой надеялся прояснить один из самых спорных моментов процесса и спросил Рэя, почему, если поджог – не его рук дело, Лэмфер в ту ночь не разбудил соседей.

– Если б я знал, что знаю теперь, и мог представить, что случится, то, конечно, позвал бы людей. Но я испугался, не позвал. Вот на меня и подумали, – ответил Рэй.

– Ганнесс, по-вашему, жива или мертва?

– Мертва, мертва. Нашли ведь и ее тело, и тела детей.

– А что вы на самом деле видели, вернувшись из Мичиган-Сити в ту ночь, когда исчез Хельгелейн?

– Ничего я не видел, – отрезал Лэмфер.

Моллой пытался выудить из осужденного еще хоть какие-то подробности, но тот, объяснив, что адвокат Уорден не велел никому ничего рассказывать, замкнулся и перестал отвечать на вопросы.

– Но ведь приговор уже вынесли, теперь это не имеет значения, – не отставал газетчик, – судить же вас больше не будут!

Рэй опять повторил, что следует указаниям адвоката, и отрицательно покачал головой.

После ухода журналиста Рэй, попросив у шерифа Смутцера бумагу и чернила, стал сочинять письмо матери:

Дорогая матушка, постараюсь написать вам несколько строк, чтобы вы знали, как я себя чувствую. Только что объявили приговор, и меня из суда привели обратно в камеру. Конечно, я расстроен, так сложились обстоятельства, но, клянусь Богом, хоть люди и считают меня преступником, я невиновен. Матушка, вы

не огорчайтесь. Могло быть гораздо хуже. Здесь, в тюрьме, я много раз задавал себе вопрос, как сам не оказался зарытым в землю на кладбище во дворе Ганнесс. Так что радуйтесь, что я жив, не повредился рассудком и никогда никому не причинял большого вреда. Я знаю, матушка, сейчас ваше сердце разбито, утешайтесь тем, что я невиновен. Мне сейчас нелегко, это правда, но виноватому было бы в сто раз хуже.

В заключение Рэй написал: «Будьте здоровы, дорогая матушка, и не беспокойтесь обо мне, ведь мы еще увидимся. До свидания. Ваш сын Рэй»[5].

После суда напряжение, вызванное неопределенностью, отпустило, и Лэмфер спокойно проспал всю ночь. Утром в пятницу он понес письмо шерифу. Почти одновременно с Лэмфером в помещение вошли мать и сестра Рэя – миссис Перл Стил. Женщины приехали из Саут-Бенда попрощаться с сыном и братом.

Для такого печального случая Смутцер предоставил им свой кабинет. Обнимая сына, семидесятилетняя женщина горько заплакала:

– Я знаю, что ты ни в чем не виноват, – слова ее прерывались рыданиями, – мама тебе верит.

Рэй же выглядел невозмутимым, только глаза его наполнились слезами.

А его мать еле держалась на ногах. Расставаясь с сыном, она понимала, что может больше никогда его не увидеть[6].

Лэмфер встретил приговор достаточно спокойно, чего никак нельзя было сказать об Уирте Уордене. Он дал волю своему гневу, и, выступая в то утро перед собравшимися у тюрьмы репортерами, назвал вердикт «смехотворным». «Для такого приговора не было никаких оснований, никаких доказательств, – сетовал адвокат. – Уже в понедельник мы выступим с ходатайством о новом слушании. Если его отклонят, подадим апелляцию в верховный суд».

Искренность намерений Уирта Уордена сомнений не вызывала, хотя надежд на апелляцию практически не было. Только расшифровка стенограммы обошлась бы в 500 долларов. Кроме того, до рассмотрения в верховном суде ушло бы не меньше двух лет, и, как написала «Ла-Порт уикли геральд», «к тому времени Лэмфер уже отсидит минимальный срок, и можно будет добиваться условно-досрочного освобождения». Даже в случае положительного решения в верховном суде Лэмфер вряд

ли мог рассчитывать, что его отпустят на свободу, так как Смит недвусмысленно заявил, что готов предъявить Рэю обвинение в убийстве Эндрю Хельгелейна. Когда страсти немного улеглись, все обозреватели пришли к согласию: адвокаты должны осознать, что, во избежание более сурового наказания, их клиенту следует как можно спокойнее принять вынесенный приговор[7].

Оказалось, что решение присяжных было компромиссом между десятью членами коллегии, которые голосовали за убийство со смягчающими обстоятельствами и пожизненное заключение, и двумя несогласными. Один из них поддерживал обвинение в поджоге, а второй был за оправдание[8]. Журналисты всех газет Среднего Запада сошлись во мнении, что приговор был вынесен не совсем законно. По словам одного комментатора, «результат суда оказался несколько странным»:

> Лэмфера признали виновным в поджоге, но не в убийстве Ганнесс и ее детей, погибших во время пожара. Очень трудно представить, как можно вменить подсудимому поджог без обвинения в убийстве. <…> Из-за этого дикого несоответствия приговор кажется просто пародией на правосудие[9].

Не только энергичные защитники поддерживали Лэмфера. Почти все считали, что присяжные должны были его оправдать. Один остроумный автор, писавший для «Чикаго дейли ньюс», заметил, что, если бы на скамье подсудимых оказалась Белль Ганнесс, ее признали бы виновной только в том, что она устроила кладбище, не получив лицензии[10].

Редактор одной газеты, правда, думал иначе. Он считал, что Лэмфера следовало признать виновным в убийстве. Однако его жертвой оказалась «злодейка», и присяжным не стоило выносить такой суровый приговор. По мнению этого редактора, «за такой поступок Лэмфера стоило бы наградить золотой медалью»[11].

В пятницу после полудня Рэя на трамвае отвезли в Мичиган-Сити. Кроме шерифа, Лэмфера сопровождали газетчики. Он охотно разговаривал и все время повторял, что идет в тюрьму «с чистой совестью». На вопрос одного из репортеров, что это значит, Рэй ответил: «Я вел себя так, как на моем месте поступили бы сотни других людей». Его слова прозвучали для слушателей почти как исповедь.

Осужденный выглядел спокойным и на удивление приветливым. Временами, глядя в окно, он насвистывал мелодию популярной песенки. На остановке в Мичиган-Сити его ждал автомобиль. «Я так счастлив, – бурно радовался Лэмфер, еще

издали увидев тюрьму. – Как мне повезло, ведь я мог бы, порубленный на куски, лежать в яме на птичьем дворе старухи Ганнесс»[12].

Смутцер провел Рэя к окошку, где дежурный сделал запись в регистрационной книге и присвоил Лэмферу номер – 4140. Потом осужденного отвели в душ, сфотографировали, в специальном помещении провели антропометрические измерения по Бертильону и выдали серую тюремную робу.

Отправляясь в камеру, Рэй поблагодарил шерифа Смутцера за «прекрасное обращение» в те шесть месяцев, которые он провел в окружной тюрьме. Лэмфер попросил замолвить за него словечко, когда через два года придет время подавать прошение об условно-досрочном освобождении.

Как писали газеты, «не успев провести первую ночь в этой мрачной цитадели, Рэй Лэмфер уже мечтал, отбыв минимальный срок, выйти на свободу»[13].

Заключение
Тайна никогда не будет раскрыта

Глава 40
Признание

Соперничество редакторов за самый «горячий» материал не утихало, и в воскресных приложениях к газетам появилось множество самых невероятных и в большинстве случаев сфабрикованных историй. Чаще всего ссылались на «признание», которое печально знаменитый убийца сделал одной из ведущих газет, и почти все «откровения» были беззастенчивыми фальшивками, состряпанными некими неназванными сотрудниками редакций. Рэю иногда даже платили за подтверждение опубликованных сведений, но, как правило, их печатали и распространяли без ведома того, кто их якобы предоставил.

Девятого мая 1909 года в воскресном приложении к «Сент-Луис пост-диспэтч» Джозефа Пулитцера появился типичный образец такой наглой мистификации. Сенсационная статья называлась «Признание Рэя Лэмфера». В ней утверждалось, что Лэмфер – «этот сфинкс дела Ганнесс» – с самого ареста хранил молчание. С момента обнаружения человеческих захоронений на ее ферме терзаемый ночными кошмарами Рэй воздерживался от каких-либо заявлений, а совсем недавно – по какой причине, газета не объясняла – решил «открыться» корреспонденту «Санди пост-диспэтч».

Снабженная черно-белой иллюстрацией – Рэй спускается в жуткий подвал, увешанный то ли кусками мясных туш и окороками, то ли человеческими останками, – статья представляла собой пересказ уже известных фактов. Правда, автор приправил ее некоторыми пикантными выдумками. К ним относится обещание Белль, если ее работник получит страховку, стать его женой, и описание той ночи, когда, вернувшись с Джоном Раем из Мичиган-Сити, Лэмфер отправился на ферму Ганнесс:

> Я обогнул дом и спустился в подвал. Наверху, в гостиной, находились Ганнесс и Хельгелейн. Я слышал их голоса, даже различал какие-то слова, а понять, о чем говорили, не мог. Мне показалось, что Хельгелейн пьян или болен.
>
> Тогда я не понял, а теперь не сомневаюсь: на него начал действовать яд, который она подмешала ему в пиво. У нее всегда было в запасе несколько бутылок

пива, а добавить отраву в стакан труда не составляло. Я просидел в подвале минут тридцать-сорок и слышал, что Хельгелейну становилось все хуже. На следующее утро Эндрю не появился. Ганнесс сказала, что он уехал домой, и у меня не возникло никаких подозрений.

«Это первое подтверждение, – трубила газета, – что Ганнесс расправлялась со своими жертвами с помощью яда». Потрясающий репортерский успех. Конечно, если считать предъявленное читателям признание подлинным[1].

Однако Рэю не пришлось отбывать в заключении минимальный двухлетний срок. Как и предсказывал врач, случившееся во второй день суда кровотечение оказалось признаком начальной стадии туберкулеза. И уже через год, в октябре 1909 года, стало ясно, что дни Лэмфера сочтены.

Его зять Финли, в надежде добиться освобождения умирающего, поехал в Индианаполис для встречи с губернатором Томасом Маршаллом. Секретарь губернатора Марк Тислуэйт, однако, сообщил, что комиссия по условно-досрочному освобождению соберется не раньше декабря.

– Тогда он вернется домой уже в гробу, – мрачно заметил Финли.

Он подал прошение губернатору о безотлагательном освобождении. Маршалл связался с начальником тюрьмы Джеймсом Ридом и Энтиссом, ставшим к тому времени шерифом Ла-Порта. Рид посчитал, что в тюрьме Лэмфер содержится в гораздо лучших условиях, чем дома, поэтому отпускать его не стоит. Энтисс вообще сказал, что Рэй не заслуживает условно-досрочного освобождения, «поскольку не дал никаких показаний по делу Ганнесс»[2]. По мнению Энтисса, заключенный должен оставаться в камере, пока не заговорит.

Как сообщали газеты, власти, включая прокурора Смита, надеялись, что, «оказавшись у последней черты, осужденный раскроет наконец все страшные секреты фермы Ганнесс»[3].

Однако надежды властей не сбылись. 30 декабря Рэю стало совсем плохо, и его сестра, миссис Финли, которой немедленно позвонили, приехав из Ла-Порта, живым брата уже не застала. Ему было тридцать восемь.

В пятницу «Индианаполис ньюс», озаглавив публикацию «Он унес в могилу тайну Ганнесс», написала:

> Все, что было известно Лэмферу о пожаре, он унес с собой в могилу. Даже перед смертью он так ничего и не сказал, что пролило бы свет на дело Ганнесс. Те, кто

рассчитывал на предсмертное признание заключенного, как и те, кто надеялся, что в последний момент он докажет свою невиновность, были крайне разочарованы[4].

Хотя суд виновным в убийстве Лэмфера не признал и ни одно его преступление доказано не было, некоторые газеты в некрологах назвали его «убийцей миссис Ганнесс и ее детей»[5].

Прощание с Рэем состоялось 2 января 1910 года. На церемонии не было никого, кроме престарелой матери, брата и четы Финли. Похоронили Лэмфера на кладбище в Россвилле. Для погребального обряда священник Паркер выбрал из Книги Бытия восемнадцатую главу, повествующую о гневе Господнем, покаравшем Содом и Гоморру[6].

Еще один священнослужитель – преподобный Эдвин Шелл, бывший пастор Первой методистской церкви Ла-Порта, – регулярно посещал заключенного. Сорокавосьмилетний Шелл, уроженец Дир-Крик, окончив Северо-Западный университет Чикаго, сделал блестящую карьеру церковного администратора и автора популярных журналов. Через неделю после пожара на ферме Ганнесс он был назначен президентом колледжа Объединенной методистской церкви в Маунт-Плезант, штат Айова[7]. Шелл одним из первых побеседовал с арестованным и позже, отвечая на многочисленные вопросы репортеров, назвал его безопасным для общества.

По словам бывшего пастора, освоивший азы плотницкого дела сын простого фермера – человек недалекий, но не убийца. «Ничего из его прошлой жизни не указывает, что он способен поджечь дом с четырьмя обитателями. Рэй Лэмфер, конечно, пьяница, его отношения с женщинами заслуживают осуждения, и все-таки он не преступник»[8].

Преподобный стал часто приходить к Рэю в камеру. Шелл вызывал заключенного на откровенность, их задушевные беседы длились иногда по нескольку часов. После одного из таких разговоров, отвечая на вопросы журналистов, Шелл отказался поделиться его содержанием: «Я не обману доверие Лэмфера и ничего не скажу»[9].

Однако впоследствии пастор не смог устоять перед напором журналистов и обнародовал некоторые важные подробности той информации, которую собирался сохранить в тайне. Он недвусмысленно дал понять, что «детей Ганнесс удушили хлороформом» еще до пожара, что Ганнесс жива и «на руинах фермы на самом деле нашли труп совсем другой женщины».

Когда священнослужителю задали вопрос о причастности к преступлениям Ганнесс самого Рэя, Шелл поразил слушателей утверждением: «В убийстве Хельгелейна, к которому обвиняемый, конечно же, испытывал жгучую ревность, Лэмфер участия не принимал». На второй вопрос – что именно об этом убийстве рассказал заключенный – преподобный отвечать не стал. Он торжественно заявил, что рассматривает признания Рэя как исповедь, «а тайна исповеди священна»[10].

Когда Рэй умер, Шелл, долго и недвусмысленно намекавший, что знает секреты осужденного, под неослабевающим давлением прессы решился нарушить молчание. Правда, как и раньше, 10 января, он уверял репортеров, что «обязанность пастора выслушивать исповедь, направлять преступника на путь истинный и побуждать выступить с признанием на суде». По словам Шелла, «священнослужитель, нарушивший тайну исповеди, потеряет авторитет, и люди, которым это необходимо, впоследствии не смогут ему открыться».

Снова и снова бывший пастор давал понять, что тяготится обязанностью хранить секреты осужденного: «Я заплатил бы пятьсот долларов, только бы не слышать историй, которые он рассказал»[11].

Правда, 13 января 1910 года, через три дня после этого заявления, внимание читателей «Сент-Луис пост-диспэтч» привлек броский заголовок: «Признание умирающего Лэмфера проливает свет на тайну Ганнесс».

В этой защищенной авторским правом публикации (кстати, ни одним словом не упомянувшей о признании восьмимесячной давности) утверждалось, что Рэй Лэмфер, предвидя близкую смерть и желая облегчить душу, раскрыл тайну Белль Ганнесс и ее преступлений одному человеку. Сотрудник редакции «Сент-Луис пост-диспэтч», как говорилось в статье, на территории шести штатов разыскивал этот надежнейший и «по веским причинам» пожелавший остаться неназванным источник. Между строк проступал весьма прозрачный намек, что Лэмфер доверился «пастору Э. Шеллу, известному своей несгибаемостью и честностью, которая ни у кого не вызывает сомнений».

По словам автора, корреспондент проверил каждую обнародованную деталь: и то, что человек действительно встречался с Лэмфером, и что встреча состоялась именно в тех условиях, о которых рассказал источник, записавший это предсмертное признание. К сожалению, его единственный экземпляр оставался у Рэя и бесследно исчез. Хотя редакции не удалось найти этот документ, сведения, полученные от доверенного лица заключенного, безусловно, соответствуют

действительности, и «нет причины сомневаться в том, что на газетные страницы впервые попали подлинные слова, слетевшие тогда с уст Лэмфера»[12].

По контрасту с майской публикацией, где новых сведений почти не приводилось, январская изобиловала впечатляющими подробностями. Рэй еще только начал работать у Ганнесс, как по брачному объявлению на ферму приехал один норвежец. Как-то он лег спать и не проснулся. Перед самым рассветом, когда было еще совсем темно, Белль подняла работника, дала ему какой-то мешок и велела закопать его в яме, вырытой якобы для мусора. Лэмфер, уложив туда поклажу, засыпал ее землей.

Через месяц на ферму «то ли из Висконсина, то ли из Миннесоты со всеми своими сбережениями» прибыл еще один претендент. И вскоре у Лэмфера опять появилась ночная работа. Он уже в третий раз помогал избавиться от упакованного в мешковину тела и, поскольку получал за это неплохие деньги, которые тратил на «выпивку и азартные игры в кабаках Ла-Порта», Рэй делал это весьма охотно. Каждый раз, когда ожидался новый «гость», Белль посылала работника в город за хлороформом, им она и убивала своих спящих жертв. Если же их не брал химикат, хозяйка «острым топором отрубала им головы».

Наконец приехал Эндрю Хельгелейн.

> *Хозяйка поселила его в спальне Рэя. Дождавшись как-то днем, что Ганнесс и Хельгелейн уехали, Лэмфер пробрался в гостиную и проделал в полу малозаметное отверстие. Через него можно было видеть и слышать все, что происходит в комнате. Позже, когда Белль под надуманным предлогом на всю ночь отправила Лэмфера в Мичиган-Сити, Рэй заподозрил неладное.*
>
> *Ослушавшись хозяйку, он тем же вечером вернулся и спрятался в подвале. Миссис Ганнесс сделала что-то такое, отчего Хельгелейну стало плохо. Лэмфер слышал, как гость в ужасе просил вызвать доктора, но Белль твердила, что скоро Эндрю станет легче. Тут отрава подействовала, и он свалился со стула. Через дырку в полу Рэй разглядел, как Белль нанесла удар, оборвавший жизнь Хельгелейна. После этого Лэмфер ушел, а следующим вечером женщина опять позвала его закопать обернутое мешковиной тело.*

Когда Рэй потребовал увеличить плату, они разругались, и Ганнесс его прогнала. Лэмфер снова стал выпивать, горюя за стаканом виски о деньгах, которые ему причитались. Он считал, что у фермерши спрятано не меньше 1500 долларов, а убеждение,

что ему недоплатили, крепло с каждым глотком алкоголя.

Ранним утром 28 апреля, прихватив «склянку с хлороформом, купленным на деньги Ганнесс», подвыпивший Лэмфер со своей спутницей «через кедровую рощу подобрался к дому на холме и в пьяном виде совершил то, на что, будучи трезвым, никогда бы не решился».

Собака прекрасно знала бывшего батрака и «не проронила ни звука». Лэмфер проник на хозяйскую половину. Он раньше видел, как Белль использовала хлороформ, и отравил ее вместе с детьми тем же самым способом. Сообщники со свечами в руках перевернули весь дом, однако нашли не больше семидесяти долларов. К тому времени начало светать, и преступники поспешили уйти. Лэмфер отправился на ферму, «где в тот день его ждала работа. Обернувшись, он увидел, что из охваченного огнем дома на холме поднимается столб дыма».

Рэй утверждал, что «не собирался поджигать дом» и не хотел никого убивать. Он же «не чудовище, чтобы обрекать на гибель в пламени пожара спящих детей. И смерти Ганнесс он тоже не желал». Огонь, скорее всего, занялся от оброненной свечки.

«Миссис Ганнесс нет в живых» – вот главное, что следовало из признаний Лэмфера.

> *Тело, извлеченное из развалин дома, принадлежало Белль Ганнесс. Находясь под действием хлороформа, она не смогла проснуться, когда через щели в спальню просочился дым, и поэтому задохнулась. Маленький мальчик, прильнувший к материнской груди, тоже умер во сне. Девочкам – Миртл и Люси – досталось меньше хлороформа. Разбуженные запахом гари, они в поисках спасения бросились в комнату Белль, где также погибли от удушья еще до того, как пламя охватило их хрупкие тела.*

В статье рассказывалось и о другом, не менее впечатляющем открытии. Оказывается, проникнув на ферму, Рэй обнаружил в доме пятого человека – Дженни Олсон! Миссис Ганнесс «отправила ее учиться в Калифорнию, но девушка вернулась. Мать по каким-то причинам это скрывала и не выпускала Дженни из дому. Той ночью, найдя девушку спящей, Лэмфер и к ней применил хлороформ. Она умерла в своей постели, и пламя уничтожило хрупкое тело девушки без следа, так что на следующий день в обломках дома нашли не пять, а только четыре трупа».

Однако «нужно было еще объяснить», как в земле оказалось то женское тело, которое, по широко распространенному мнению,

принадлежало Дженни Олсон[13].

На предполагаемое признание Рэя Лэмфера газеты по всей стране – от «Нью-Йорк таймс» до «Лос-Анджелес геральд» – отреагировали одинаково. Как писал корреспондент «Цинциннати инкуайерер», никто «этим россказням не поверил». Адвокат Уорден и прокурор Смит тоже подняли на смех «вновь открывшиеся факты», а саму историю назвали «абсолютной выдумкой»[14].

Несмотря на требование раскрыть источник информации, редактор «Сент-Луис пост-диспэтч», ссылаясь на установившуюся журналистскую практику, отказывался назвать имя человека, записавшего признание Лэмфера. «Общеизвестно, что газеты на условиях анонимности часто получают важные сведения, – утверждал Пулитцер, – и без разрешения своего источника никогда это условие не нарушают. Если доверенное лицо осужденного не даст на то разрешения – что, впрочем, маловероятно, – газета никогда не назовет его имени». Однако тут же редактор недвусмысленно заявил, что «мистер Шелл, согласись он нарушить молчание, мог бы подтвердить подлинность опубликованных сведений»[15].

Шелл, атакованный репортерами в своем доме в Берлингтоне, штат Айова, 14 января повторил, что не предавал гласности ничьих признаний[16], а уже на следующий день свои позиции сдал. Встретившись в университетском кабинете с корреспондентом «Чикаго трибюн», пастор продиктовал заявление, которое под заголовком «Доктор Шелл раскрывает секрет Лэмфера» днем позже появилось на первой полосе этого издания.

«Из-за неутихающего интереса к делу Ганнесс, вызванного противоречивыми публикациями, понимая, что основные детали этого дела уже известны публике, – начал пастор, – я решил нарушить обет молчания. Через “Чикаго трибюн” я намерен подробно рассказать о трех разговорах, которые состоялись между мной и Лэмфером в окружной тюрьме Ла-Порта, а также при каких обстоятельствах и что он мне тогда говорил».

Пастор вспоминал, как он впервые услышал о пожаре, случившемся в доме Ганнесс «в последний вторник апреля» 1908 года, описывал скорбные чувства, вызванные гибелью «троих учеников воскресной школы: способного пятилетнего мальчика и двух девочек, на вид лет семи и девяти. Я помню, как прошлой осенью они катались в маленькой повозке, запряженной пони, а мальчика несколько раз видел среди детей младшей группы. По предложению Рюпеля, директора воскресной школы, субботним

утром мы провели в школе поминальную службу».

Через несколько дней Лэмфера задержали, и по его просьбе прокурор Смит пригласил пастора «прийти в тюрьму и выслушать заключенного».

Лэмфер, по словам Шелла, был «крайне возбужден. Руки тряслись, на лбу блестели капли пота. Заключенный очень нервничал. Сказал, что никого не убивал, хотя его, конечно же, повесят».

Во время первого разговора задержанный сказал, что поджог не устраивал, что в то утро до трех часов спал в доме негритянки, а потом пошел к родственнику. По дороге Рэй заметил огонь в доме Ганнесс. Лэмфер у нее больше не работал и так злился на бывшую хозяйку, что просто прошел мимо. В четыре утра, пройдя около четырех миль, он пришел на ферму кузена.

Уйдя от арестованного, Шелл навел кое-какие справки, и «в тот же день, вернувшись в тюрьму, сказал Рэю, что на самом деле он появился на ферме родственника не раньше шести». Уличенный в неточности, Лэмфер вспомнил, что действительно проснулся в три часа, но потом снова лег в постель. Когда негритянка приготовила завтрак, было уже почти четыре, так что вышел Рэй на самом деле позже, и как только пересек железную дорогу, по ней в северном направлении проехал поезд. Еще Лэмфер сообщил, что не проходил рядом с домом Ганнесс, как сказал утром, а взял восточнее и только с другого берега озера увидел пожар.

Пожурив Лэмфера за неискренность, Шелл заметил: если заключенному нужна поддержка и пасторская помощь, он должен или молчать, или говорить чистую правду. При этом Шелл обещал ничего не сообщать прокурору. Пастор и Лэмфер продолжили «обсуждать дело Ганнесс», и вот что «по прошествии двух часов» о событиях той страшной ночи рассказал Рэй Лэмфер. Они с Ганнесс «были близки с июня 1907 года». Три раза Лэмфер покупал для нее хлороформ, один раз в загоне для свиней рыл яму и помогал хоронить чье-то тело. Белль сказала, что этот человек внезапно умер недалеко от дома, и будет лучше всего «труп закопать и никому о нем не рассказывать».

Рэй утверждал, что до поездки в Мичиган-Сити в убийствах хозяйку не подозревал. Однако, вернувшись той ночью и проделав несколько дырок в стене, увидел, как она «усыпила мужчину хлороформом, а потом ударила топориком по голове». Рэй испугался, «перестал на нее работать и вернулся на ферму только один раз, чтобы получить деньги, которые задолжала хозяйка».

Шелл подметил, что и в этом рассказе слишком много

противоречий, и он тоже не кажется убедительным. Тогда Рэй сознался: он грозил выдать хозяйку, если она «не раскошелится», и получал от нее разные суммы. «Однажды она дала пятьдесят долларов, потом пятнадцать, потом еще пять. Каждый раз он шел в какой-нибудь салун, а протрезвев, понимал, что опять все спустил». В последнюю субботу перед пожаром Лэмфер явился к Ганнесс, напомнил, что видел, как она убивала Хельгелейна, и снова потребовал плату за молчание. «Белль сказала, что больше доллара Рэй не получит, и тогда он обещал с ней поквитаться».

Потом пастор убедил Лэмфера в подробностях рассказать все, что случилось в ночь пожара:

> *В воскресенье в одиннадцать вечера, крепко выпив, они с негритянкой проникли в дом Ганнесс. У Рэя был ключ, так что вошли они тихо, даже не потревожив нового работника. Потом Рэй поднес к носу Ганнесс бутылку с хлороформом и держал, пока женщинра не затихла. Лэмфер купил его перед исчезновением Хельгелейна и немного оставил себе. Рядом с Белль лежал мальчик. Ему тоже дали подышать химикатом, а потом пошли в другую комнату, где спали две девочки. Как потом все они оказались вместе, Рэй объяснить не мог. Он был сильно пьян, однако рассказал все, что помнил.*
>
> *Рэй с сообщницей были уверены, что у Ганнесс припрятано много денег, но почти ничего не нашли. Сам обвиняемый пожар не устраивал, а в негритянке не уверен, потому что она тоже была в нетрезвом состоянии. Лэмфер кричал, что никакой свечи у него не было – ведь она могла упасть и стать причиной возгорания. Он же хотел только найти деньги и «хорошо повеселиться». Потом двое покинули дом и вскоре расстались. Женщина пошла к себе, а Рэй, заметив пламя, испугался и убежал.*

Выслушав Лэмфера, пастор пришел домой и по памяти исписал два листа бумаги. На следующий день он показал их заключенному и стал уговаривать дать показания прокурору Смиту. Так Рэй «уменьшит расходы сестер на адвокатов и сэкономит средства, выделяемые округом на судебный процесс». Лэмфер «согласился подписать бумагу и отдать ее прокурору». Позже Шелл сообщил Смиту о решении обвиняемого и больше, по словам пастора, с узником не встречался.

– Я сознаю, – заявил Шелл корреспонденту «Чикаго трибюн», – что до настоящего времени содержание наших бесед раскрывать было нельзя. Ради сестер Лэмфера мне и сейчас

следовало хранить все в секрете. Того же ждет и церковь, в лапортовском приходе которой я служил. Мой поступок – нарушение тайны исповеди – может оказать плохую услугу другим христианским священникам: люди перестанут им доверять[17].

С презрением отреагировав на журналистскую удачу «Чикаго трибюн», редакция «Сент-Луис пост-диспэтч» назвала материал «мнимой сенсацией». Он не заслуживает доверия и является простой переработкой статьи, два дня назад напечатанной в Сент-Луисе, в газете, которая неизменно «следует девизу “Всегда впереди”»[18].

Освобожденные от необходимости сохранять тайну, сотрудники «Пост диспэтч» подтвердили: их анонимным источником тоже был преподобный Шелл. На первой полосе субботнего номера за 15 января репортер Бихаймер рассказал «увлекательную историю о том, как газета добыла сведения, приведшие к столь значительному успеху».

Бихаймер, придя в газету восемнадцатилетним юношей, проработал там до ухода на пенсию в 1952 году[19]. По его словам, в воскресенье, 9 января, он приехал в Айову, где узнал от миссис Шелл, что ее муж уехал в Адайр, что в двухстах милях от дома, на освящение церкви. Жена пастора добавила, что искать встречи с ее мужем «бесполезно, о признании Лэмфера он больше не скажет ни слова».

Бихаймера это не остановило, и, отправившись в Адайр, он нашел дом, где остановился пастор. Подготавливая почву, Бихаймер завел разговор о деле Ганнесс. Чувствуя, что Шелл «хочет открыть людям правду», но связан тайной исповеди, Бихаймер не стал действовать напрямик. Вместо этого он задавал неконкретные вопросы, размышляя, как предположительно могли бы развиваться события. Пастор отвечал охотно, добавлял некоторые подробности, но «не раскрывая информацию, а как бы предлагая некое теоретическое обоснование».

«Каждый из нас играл свою роль, – объяснял Бихаймер. – Я высказывал предположения, желая узнать факты, а доктор Шелл, прикрываясь гипотезами, делился информацией. Поскольку мы друг друга не обманывали, то маскарад носил совершенно безобидный характер».

Для Бихаймера, правда, осталось загадкой, что Шелл рассказал добровольно, а что выдал случайно. Однако особого значения это не имело: «Я получил признание Лэмфера, и пастор об этом знал. Он просил только не открывать источник сведений. Я дал обещание и держал слово до тех пор, пока сам Шелл,

выступив в газете, не освободил меня от этого обязательства»[20].

Адвокат Уирт Уорден в ответ на просьбу журналистов прокомментировать заявление Шелла только презрительно фыркнул. «Я был в камере Лэмфера сразу после его беседы с доктором Шеллом, – пояснил Уорден, – и спросил, не делал ли Рэй каких-нибудь признаний. Положив руку на Библию – ее принес доктор Шелл, – Лэмфер засмеялся и заверил, что никогда не скажет этому церковнику больше, чем мне. Все, что Рэй сообщил пастору, вы слышали во время суда. Лэмфер не устраивал пожара и не убивал миссис Ганнесс. Вот на чем настаивал заключенный»[21].

Местный врач, отвечая на вопросы «Ла-Порт Аргус-бюллетень» к истории Шелла тоже отнесся пренебрежительно. По его словам, это самое забавное «из всего, что он читал». Как бы глубоко ни спали Ганнесс и ее дети, невозможно было дать им вдохнуть хлороформ и при этом не разбудить. А «если бы Ганнесс проснулась, то стала бы кричать, и Максон бы ее услышал»[22].

Прокурор Смит, правда, придерживался иного мнения и считал историю, изложенную Шеллом, подлинной: «Все, что Шелл сообщил о нашей встрече после его беседы с Лэмфером, соответствует действительности».

И все-таки одну вещь прокурор тоже поставил под сомнение. «Шелл говорил, что я должен задержать некую негритянку, – отвечая на вопросы журналистов, заявил прокурор. – Он ничего не объяснил тогда, но теперь я знаю, о ком речь. Лично я думаю, Лэмфер солгал священнику, сказав, что она помогала убивать женщину и детей. Возможно, они вместе строили планы, но эта женщина не так глупа, чтобы ввязываться в такое дело»[23].

Глава 41
Череп

Под негритянкой Шелл, конечно же, подразумевал Элизабет Смит или, как без зазрения совести называли ее соседи, Черную Лиззи. В субботу, 15 января 1910 года, на следующий день после выхода в свет «признаний», женщину по приказу судьи Рихтера арестовали и отвезли в окружную тюрьму. Во время четырехчасового допроса «с пристрастием» Элизабет призналась, что 27 апреля Рэй у нее действительно был, однако яростно отрицала их совместное вторжение в дом Ганнесс и хоть какую-то причастность к пожару. Затем под залог в пятьсот долларов женщину отпустили.

Двадцать второго января она должна была предстать перед присяжными, но в суде не появилась. Как написал один репортер, «Смит заболела, и ее лечащий врач подтвердил: в течение нескольких недель состояние не позволит ей выдержать допрос. Возникла же столь серьезная болезнь из-за действия властей и беспокойства женщины за свою судьбу»[1].

Четвертого февраля Элизабет все еще «была крайне слаба» и не могла предстать перед судом. А через месяц, 5 марта, прокурор Смит заявил, что «за недостаточностью улик принято решение признать женщину непричастной к преступлению на ферме Ганнесс и дело закрыть»[2].

Тогда же с собственным заявлением выступил и адвокат Уорден.

– Вскоре, – сказал он журналистам, – мы обнародуем новые сенсационные факты по делу Ганнесс, доказывающие, что она жива.

Обещанная Уорденом горячая новость появилась уже на следующий день: в Гранд-Рапидс, штат Мичиган, Белль Ганнесс опознал Луис Ричмонд, местный полицейский. Он заявил, что странное поведение и, по меньшей мере, три поступка этой женщины наводят на мысль, что она и есть Белль Ганнесс. Ричмонд немедленно написал Энтиссу, шерифу Ла-Порта, и просил его как можно скорее прислать в Мичиган-Сити своего заместителя, чтобы арестовать преступницу[3].

Этому сообщению мало кто поверил. Еще два месяца назад газеты всего Среднего Запада разнесли весть, что Белль задержали в городе Уилмар, штат Миннесота, где она якобы работала экономкой у фермера Гуса Кирби. В середине февраля

пришло сообщение, что «американский маршал[8] Эндрю Уильямс обнаружил убийцу в штате Вашингтон, на ранчо в шестнадцати милях от Беллингхэма»[4].

Мичиганская история, как две предыдущие, тоже оказалась фальшивкой. Женщину приняли за Ганнесс только «из-за скандинавского происхождения и брачных объявлений в норвежских газетах»[5]. И хотя такие недоразумения повторялись неоднократно, поток сообщений о призраках «Лукреции Борджиа из Ла-Порта» не утихал. В том же году ее видели в Айдахо, Иллинойсе, Вашингтоне. В Оклахоме ее сопровождал «вооруженный двумя револьверами, ружьями и парой дробовиков мужчина в меховом пальто»[6].

По указанию прокурора ла-портовские власти очень серьезно изучали каждый такой случай. Хотя Смит по-прежнему не сомневался, что Белль умерла, он «использовал каждый повод, разоблачая тех, кто совершенно безосновательно считал ее живой»[7].

К тем, кто в это верил, принадлежал и Уирт Уорден, который еще сильнее укрепился в своем мнении, когда в декабре 1912 года узнал о необычной истории, рассказанной Гарри Майерсом, заключенным исправительного заведения в Мичиган-Сити.

Майерс – грабитель и конокрад – заявил, что ухаживал за умирающим Лэмфером и слышал его «предсмертные слова». Рэй утверждал, что Ганнесс осталась в живых, а обезглавленное тело, обнаруженное на пожарище, принадлежало одной жительнице Чикаго. Белль наняла ее в экономки, а через несколько дней отравила и отрубила ей голову, «чтобы труп нельзя было опознать». Обернув голову куском ковра, Ганнесс положила ее в ящик, где хранились еще три головы. При этом две, по всей видимости, попали туда довольно давно. Рэю хозяйка приказала «зарыть ящик в ржаном поле». Умирающий говорил, что Белль также отравила своих троих детей, чтобы «не дать им заговорить» о загадочно исчезавших гостях.

В ночь пожара Рэй в двухместной коляске отвез Белль в какое-то место в девяти милях от Ла-Порта, откуда она и встретивший их там неизвестный мужчина направились в Чикаго. С собой у нее были «два больших чемодана и корзина с жестяной коробкой, набитой бумажными деньгами, причем самыми мелкими были стодолларовые купюры». Передав хозяйку новому спутнику, Рэй, получивший за работу пятьсот долларов, «вернулся на ферму и поджег дом, где нашли потом три детских и одно женское тело»[8].

Широко растиражированная история Майерса породила новую волну сообщений о Белль Ганнесс. За две недели полиция

получила, «по крайней мере, двадцать сигналов о ее появлении в разных концах страны»[9]. Многие были настолько неправдоподобными, что власти Ла-Порта никак на них не отреагировали. Но к одному – телеграмме из канадской провинции Альберта, отнеслись весьма серьезно. В телеграмме говорилось, что знаменитая преступница скрывается в маленьком шахтерском поселке недалеко от города Летбридж. Установить личность женщины предстояло шефу полиции Ла-Порта – Уильяму Мейнке. По сообщениям, полученным от шахтера-норвежца по имени Форлэнд, «у подозреваемой примерно такой же вес и возраст, как у Ганнесс, а в подвальном помещении она хранит три больших чемодана, которые напоминают те, что нашли в доме преступницы из Ла-Порта». Форлэнд утверждал также, что у него есть адресованное той женщине письмо, и начинается оно словами «Дорогая Белль». Однако командировка Мейнке в Канаду оказалась безрезультатной. Вернувшись в Ла-Порт 27 января 1913 года, он заявил, что в Летбридже живет совсем другая женщина[10].

Семнадцатого марта 1916 года в доме подруги скончалась Элизабет Смит – единственный человек, который мог приоткрыть завесу тайны, окутавшей дело Ганнесс[11]. Никто, включая саму Смит, не знал, сколько ей было лет. По словам ее последнего доктора, больная думала, что ей «почти восемьдесят». За несколько дней до смерти в ее ветхой лачуге на Пуласки-стрит случился пожар. Смит лежала в единственной обитаемой комнатушке, у печки, и от случайной искры под больной загорелся матрас. На ее крик сбежались соседи, пожар потушили, старую женщину перенесли в дом к подруге. Ожоги, которые получила Элизабет, жизни не угрожали, однако пережитое потрясение подорвало и без того ослабленный организм «старой негритянки»[12].

Понимая, что умирает, женщина попросила позвать Уирта Уордена. Она в течение многих лет обещала перед смертью «рассказать ему все, что знает о Белль Ганнесс». Уорден же, как назло, был по делам в Луизиане, а когда вернулся, Элизабет Смит уже похоронили[13].

Газетные некрологи перечисляли главные события ее жизни. Вспоминали детство с овдовевшей матерью – бывшей рабыней, которую все знали как «бабулю» Олмстед. Прожившая сто четыре года «бабуля» уверяла, что видела самого Джорджа Вашингтона. Писали о муже Элизабет – рано ушедшем из жизни поваре федералистской армии, о вдовьей пенсии в 24 доллара, о практичности и деловой хватке женщины, ставшей владелицей

шести домов и солидного банковского счета. Особое внимание уделяли ее славе «цветной красавицы», в молодые годы «пленившей немало белых мужчин»[14].

К старости, как и многие, она стала скопидомкой. Журналисты, заходившие иногда в жилище после смерти хозяйки, были поражены. Вот как описывал его один репортер: «Ветхая хижина забита мусором, прихожая завалена совершенно бесполезным хламом, на полу – в несколько футов толщиной – слой отходов: сломанные лампы, стулья, скамейки, консервные банки, тряпки, куски стекла и не поддающаяся описанию грязная рухлядь. В мало-мальски пригодной для жилья комнате, где в конце жизни ютилась хозяйка, повсюду, даже на засыпанном золой полу рядом с печкой, лежат кучи старого хлама»[15].

Так как отремонтировать хижину Смит было невозможно, ее решили разобрать, а дерево, обшивку и скобяные изделия выставить на продажу. Очистить и снести хибару поручили некоему Эндрю Харнессу, который вывез на городскую свалку двадцать телег отходов и продал местным старьевщикам почти полтонны металлолома и тряпья.

В пятницу, 5 мая, разбирая завалы, Харнесс наткнулся на человеческий череп – заплесневелый, весь в паутине, без нижней челюсти и с беззубой верхней. На ней сохранилось только несколько гнилых корней[16]. Газеты немедленно разнесли по стране весть: эта находка поможет раскрыть тайну. Если будет доказано, что это недостающая голова мертвой женщины, найденной на пожарище, подтвердится широко распространенная версия: убив Ганнесс и ее детей, Рэй Лэмфер и его черная сообщница отнесли тела в подвал и, чтобы запутать расследование, труп женщины обезглавили. Было и другое мнение. Как написала «Чикаго трибюн», если эксперты определят, что череп соответствует торсу с развалин фермы, значит, Ганнесс вовсе не сгорела[17].

Правда, шумиха, вызванная странной находкой, быстро сошла на нет. Доктора, осмотревшие череп, уже через сутки объявили, что ему, по крайней мере, лет сорок. Соседи тоже подтвердили: он появился у Смит задолго до того, как она узнала о Белль Ганнесс. Газеты же назвали негритянку «шаманкой, а череп – амулетом для ритуалов».

По словам одной женщины, ее покойная мать вечерами часто видела, как в темной комнате «перед светящимся черепом Смит читала Библию». Другие рассказывали, что Элизабет, «если хотела кому-нибудь навредить, совершала таинственную церемонию: записывала имя неугодного на костях черепа». На нем действительно обнаружили несколько карандашных

надписей. Одна из них – «Фил Бангерс», – скорее всего, была связана с именем человека, «которого Смит люто ненавидела», то есть с давно ушедшим на покой шефом полиции Филом Бонгерзом[18].

Не утруждая себя простой проверкой фактов, «Чикаго трибюн» объявила, что Смит – «известная колдунья, владевшая практиками вуду, – водила дружбу с миссис Ганнесс и часто бывала у нее на ферме»:

> *Бумаги, обнаруженные в лачуге, позволяют предположить, что негритянка была вовлечена в черные дела миссис Ганнесс и, возможно, даже была ее наставницей. Письма от мужчин с предложениями руки и сердца она, скорее всего, получала в ответ на брачные объявления в газетах. Среди хлама валялись рецепты приворотных зелий, книги по колдовству, гипнозу и ясновидению. Возникает вопрос: как она заработала такое состояние, что смогла купить целый квартал Ла-Порта и сохранить на счету приличную сумму денег? Не так ли, как зарабатывала сама миссис Ганнесс? Или Черная Лиззи получала свою долю, помогая заполнять могилы на «ферме смерти»?*[19]

Установить, откуда взялся череп, так и не удалось. Один человек, правда, предложил яркую, но крайне сомнительную версию. Некто Рассел, бывший странствующий артист, объезжавший с представлениями передовые посты на западных рубежах, сообщил: двадцать пять лет назад у Элизабет Смит обнаружился «рак желудка». Смит обратилась к одной «старой негритянке» и получила «чудодейственное средство» – магическое заклинание, которое необходимо произносить, потирая череп убийцы:

Чики-даки-ру
Убийцы череп тру
Не мытьем, так катаньем
За горы, за море
Правдами-неправдами
Возьми мои хвори.

Оказалось, что череп раньше принадлежал самому Расселу. Бывший кавалерист Седьмого полка под командованием генерала Джорджа Кастера был тяжело ранен в бою с индейцами племени хункпапа. В результате Рассел не смог принять участие в битве

при Литтл-Бигхорн[9]. Позже, во время одной из поездок на Запад странствующий артист посетил место сражения, где полегли его товарищи, и «взял на память череп какого-то вождя».

Элизабет Смит как-то узнала об этом, поняла, что индейцы, напавшие на Кастера и его солдат, – самые страшные из убийц, нашла владельца реликвии и умоляла отдать ей череп. Бывший кавалерист женщину раньше не знал, однако «прислушался к ее просьбе, так как Смит пообещала реликвию вернуть».

Через год, когда Рассел хотел забрать череп, женщина сказала, что его украли. «Я не думал, что она обманывает, – объяснил Рассел, – и забыл про черепушку»[20].

Хотя некоторые газеты еще твердили, что с помощью черепа удастся «раскрыть секреты дела Ганнесс», большинству стало понятно: «Элизабет Смит унесла их в могилу». Больше всех расстроился Уирт Уорден:

– Я знал, что Рэй дружил с этой женщиной, и очень хотел с ней побеседовать. Когда она умерла, меня, к сожалению, не было в городе. Если бы я не уехал тогда из Ла-Порта, тайна наверняка была бы уже раскрыта[21].

Глава 42
Миссис Карлсон

Прошло много лет, газеты уже забыли о людях, имевших хоть какое-то отношение к делу Ганнесс, когда в январе 1915 года полиция Ла-Порта задержала последнего работника Белль – Джо Максона. Он избивал жену и грозился убить ее вместе с детьми. Восемь лет спустя, 31 октября 1923 года, Максон умер. Он работал в то время на литейном заводе в Индиане, где и получил смертельный удар упавшим на голову куском бревна[1].

В следующем году в новостях упоминали двадцатишестилетнего племянника Белль – Адольфа Ганнесса. Во время Первой мировой он попал под газовую атаку и был контужен. Находясь на лечении в чикагском госпитале для инвалидов войны, Адольф встретил медсестру Анну Фернесс, и 20 июля 1923 года они поженились. Через несколько месяцев, прихватив 1400 долларов, Адольф сбежал в Мэдисон, штат Висконсин, где, как оказалось, с 1920 года у него была еще одна жена, Элла, до брака носившая фамилию Мэтьюсон. Племянника Белль задержали, вернули в Чикаго, обвинили в двоеженстве и приговорили к лишению свободы на срок от одного до пяти лет в тюрьме города Джолиет[2].

Русский иммигрант Джон Непша, прибывший в Ла-Порт через два года после пожара, в конце тридцатых купил бывшую «ферму смерти» и решил построить там новый дом. По сообщениям газет, Непша «высмеивал людские суеверия, из-за которых два десятилетия она оставалась бесхозной. Его совершенно не пугали истории о привидениях, и на том месте, где рядами лежали в земле тела жертв, новый хозяин решил заложить сад». Словно в подтверждение проклятия, которое, по мнению некоторых жителей Ла-Порта, довлело над «фермой смерти», Джон Непша оказался втянутым в мучительный бракоразводный процесс. В конце концов Непша подал судье Расселлу Смиту иск о разделе шестидесяти четырех акров земли. Разделу между бывшими супругами подлежали семь участков, в том числе и ферма Ганнесс[3].

Время от времени в течение двадцати лет еще возникали сообщения о встречах с Белль Ганнесс. «Вампиршу», как ее теперь называли в прессе, видели то в Канаде, то в Колорадо, то в Миссисипи, то в Нью-Йорке. В 1928 году, когда калифорнийские детективы обнаружили близ куриной фермы в пригороде Лос-Анджелеса, городке Вайнвилле, тела изнасилованных мальчиков,

опять поползли слухи, что в преступлении как-то замешана миссис Ганнесс, которая, как рассказывали очевидцы, живет теперь в Калифорнии[4].

Эти обнадеживающие сообщения и безрезультатные поиски не могли разубедить Уирта Уордена в том, что Белль все еще жива. В июле 1930 года впервые полностью опубликовали рассказ Майерса о предсмертном признании Рэя Лэмфера. История показалась Уордену правдивой. Адвокат верил, что настанет день – и убийцу поймают. Наконец весной 1931-го появилась надежда, что это вот-вот произойдет.

Вечером 9 февраля 1931 года телефонный звонок известил чикагского бизнесмена Питера Линдстрома о внезапной кончине его отца. Произошло это днем, когда Огаст Линдстром находился дома в Ломите – пригороде Лос-Анджелеса. Ему было восемьдесят два, так что смерть бывшего лесоторговца из аризонского Уильямса ни у кого не вызвала подозрений, ведь американские мужчины, рожденные в девятнадцатом веке, в среднем не доживали до пятидесяти. Однако Питер был потрясен. Накануне он получил письмо, в котором отец уверял, что «прекрасно себя чувствует» и собирается «прожить до ста лет»[6].

Тело Огаста доставили в похоронное бюро «Стоун энд Майерс», где помощник коронера выписал свидетельство о смерти, наступившей в результате сердечного приступа. Тело Линдстрома-старшего перевезли в Уильямс, где 11 февраля и предали земле.

Вскоре после похорон, желая прояснить обстоятельства смерти и позаботиться о недвижимости отца, Питер отправился в Лос-Анджелес. Вначале он заехал к шестидесятидвухлетней Эстер Карлсон, пятнадцать лет служившей у Огаста экономкой.

Покойного мужа миссис Карлсон связывала с Огастом многолетняя дружба, возникшая еще в Аризоне, где тот был управляющим лесозаготовок, а Карлсон держал питейное заведение. Однажды управляющий уволил бригаду выходцев из Мексики и нанял своих земляков – шведов. Тогда, как писала местная пресса, мексиканцы атаковали его прямо на центральной улице Уильямса. Спасаясь, Линдстром вбежал в салун, хозяин которого, «не выходя из-за барной стойки, поднял револьвер и убил троих преследователей». С того дня Линдстром и Карлсон стали почти неразлучны. Они жили по соседству в калифорнийском Хемете. Там в 1925 году, после продолжительной болезни, Карлсон скончался. Вскоре Линдстром решил перебраться в Ломиту и взял с собой вдову друга.

Питер узнал от миссис Карлсон, что днем 9 февраля его отцу

стало плохо. Она сразу позвонила местному доктору. Джесси Ланкастер велел прийти к нему за лекарством, что она и сделала. Однако через полчаса экономка опять позвонила Ланкастеру и сказала, что Линдстром умирает. Врач поспешил к больному, но в живых его уже не застал[7].

История показалась Питеру очень странной. Его подозрения только усилились, когда выяснилось, что за неделю до смерти отца миссис Карлсон, открыв в местном отделении Калифорнийского банка дополнительный счет, получила доступ к сбережениям своего работодателя, то есть к 2000 долларов. При этом, как только тело Линдстрома предали земле, всю сумму, предъявив доверенность от Эстер, забрала из банка ее подруга, сорокадвухлетняя Анна Эриксон[8].

О своих подозрениях Питер тут же сообщил брату Чарльзу, чиновнику дорожного управления Уильямса. 18 февраля, в среду, эксгумированное тело Огаста Линдстрома поездом отправили в Калифорнию. На следующий день оно уже было в Лос-Анджелесе, и в то же утро капитан Уильям Брайт из отдела по расследованию убийств допросил Карлсон и Эриксон. Из полиции обе женщины зашли к миссис Карлсон на чашечку кофе[9].

В пятницу утром провели вскрытие Огаста Линдстрома, и местный химик Р. Абернати сообщил заместителю окружного прокурора Джорджу Стальману, что в желудке покойного «вместе с гороховым супом» обнаружено два с половиной грана мышьяка. По словам химика, таким количеством «можно убить сорок человек»[10]. Было решено, предъявив обвинение в убийстве, немедленно арестовать Эстер Карлсон и Анну Эриксон. Неожиданно у последней начались страшные судороги, и женщину отправили в больницу. Там сделали промывание желудка, и, проанализировав его содержимое, Абернати опять обнаружил «большую дозу мышьяка». Врачи пришли к выводу, что больная не выживет.

Эстер Карлсон взяли под стражу уже за полночь. На вопросы полицейских она не отвечала. Что касается Эриксон, та повторяла только одну фразу: «Она меня втянула»[11].

Несмотря на прогнозы врачей, Анна не только выжила, но настолько окрепла, что в вокресенье, 22 февраля, смогла обвинить миссис Карлсон в убийстве. Еще на больничной койке Эриксон заявила: «Эстер Карлсон за три недели до смерти Линдстрома сказала, что он ей надоел и она хотела бы от него избавиться». Он стал поговаривать о своем желании продать дом и уехать к сыну Чарльзу в Аризону, из-за чего экономка лишилась бы работы[12].

Двумя днями позже, во вторник, 24 февраля, Стальман

получил от Анны Эриксон письменные показания о преступных деяниях ее бывшей подруги. Из второго разговора в больничной палате он узнал про частые жалобы Эстер, которая «устала ухаживать за стариками». Это касалось не только Линдстрома, но и ее мужа Чарльза Карлсона. Был и еще один мужчина, умерший в Хемете в 1925 году незадолго до Чарльза[13].

Как писали газеты, речь шла о восьмидесятилетнем шведском иммигранте Густаве Альцене. Вскоре после переезда в Америку Густав заболел, и Карлсоны, жившие тогда в Хемете, взяли его к себе в дом. Врач, определив у больного проблемы с сердцем, прописал обычное по тем временам лекарство – таблетки стрихнина, по одной на прием в случае необходимости.

Однако вскоре Альцена нашли мертвым. По сообщениям «Лос-Анджелес таймс», все решили, что он – то ли по ошибке, то ли намереваясь покончить с собой – принял сразу целую упаковку таблеток. Через несколько месяцев умер и Чарльз Карлсон. Писали, что от рака желудка. После обвинений Эриксон помощник прокурора Стальман объявил о намерении выехать в Хемет и на месте выяснить обстоятельства смерти обоих мужчин[14].

В тот же самый вторник, в 11:00, в окружном морге выясняли обстоятельства смерти Огаста Линдстрома. Кроме его сыновей, присутствовали несколько свидетелей: химик Абернати, владелец похоронной конторы Чарльз Майерс; банковский клерк Б. Пекхэм, который по письменному распоряжению миссис Карлсон выдал ее подруге 2000 долларов, и помощник шерифа Гарри Брюстер, утверждавший, что «нашел в швейной коробке миссис Карлсон пустой пузырек из-под стрихнина».

По совету своего адвоката Карлсон ни на какие вопросы не отвечала. Недавно выписанная из больницы Анна Эриксон сначала тоже отказывалась давать показания, но потом согласилась. Помощник шерифа Хэйзел Браун довел ослабевшую женщину до свидетельского места, и она «призналась, что утром в день смерти угостила Линдстрома куском яблочного пирога». При этом, добавила женщина, «кусок того же пирога достался ее другому соседу».

Однако жюри коронера в ее непричастность не поверило и, постановив, что «Линдстром был отравлен, а повинный или повинные в этом пока не установлены», рекомендовало «на время следствия миссис Эстер Карлсон и миссис Анну Эриксон задержать». Вечером того же дня, после многочасового коронерского дознания, Стальман обвинил женщин в убийстве[15].

На следующее утро он направился в Хемет. Там ему удалось выяснить, что миссис Карлсон в 1922 году купила у местного

аптекаря «некоторое количество яда». Из медицинского заключения заместитель прокурора узнал, что, хотя официально Густав Альцен «умер от естественных причин», перед смертью у него «наблюдались симптомы отравления стрихнином». По непроверенным слухам, «стрихнин мог стать причиной смерти и Чарльза Карлсона». Вечером, перед возвращением в Ломиту, Стальман встретился с репортерами и объявил, что тела обоих мужчин, скорее всего, будут эксгумированы[16].

В первый понедельник марта появилось свидетельство еще одного аптекаря – Л. Л. Уиллиса. Этот житель города Лонг-Бич, следивший за делом по газетным публикациям, сообщил, что у него миссис Карлсон и ее подруга пытались купить мышьяк. Аптекарю просьба «показалась подозрительной», и он им отказал. По вновь открывшимся обстоятельствам полицейские, проведя в доме Карлсон еще один обыск, нашли там листок с рецептом муравьиной отравы:

> *3 чашки сахара положить в кастрюлю,*
> *влить 2 чашки кипятка,*
> *добавить 2 чайные ложки арсенита натрия.*
> *Разложить по плошкам.*

Стальман немедленно объявил, что «покажет бумагу аптекарям Лос-Анджелеса, Лонг-Бич, Редондо и других близлежащих городов и выяснит, пытался ли кто-нибудь, используя этот рецепт, купить арсенит натрия»[17].

Предварительные слушания в муниципальном суде состоялись в пятницу. Анна Эриксон к тому времени уже совершенно поправилась, а Карслон, как писали газеты, всю неделю страдала от запущенного туберкулеза легких.

Первым со свидетельскими показаниями выступил окружной эксперт-химик, обнаруживший в теле Линдстрома мышьяк. Чарльз, сын покойного, высказал предположение, что химикат мог использоваться при эксгумации и перевозке тела. «Миссис Карлсон сказала, что в тот день, придя домой, отец пожаловался на недомогание, обедать отказался, а к вечеру ему стало совсем плохо», – сообщил присяжным Чарльз Линдстром. По словам женщины, Огаст запретил ей вызывать врача. В 19:00, когда состояние больного резко ухудшилось, она все-таки позвонила доктору, но до его прихода Линдстром-старший не дожил.

Доктор Ланкастер подтвердил, что в день смерти Линдстрома дал его экономке лекарство и что вскоре после ее вечернего звонка, прибыв к пациенту, нашел его мертвым.

По словам врача, через насколько дней его вызвали к миссис Эриксон. Он, обнаружив у женщины сильную рвоту, отправил ее в

больницу, где анализ содержимого желудка показал наличие мышьяка. Эриксон стало плохо после чашки кофе, которым ее угостила миссис Карлсон.

В конце заседания судья Вуд выдвинул против обеих женщин обвинение в убийстве и постановил задержать их до суда. Просьбу адвокатов выпустить подследственных под залог Вуд отверг. Через три недели, представ перед Уильямом Дораном – судьей высшей инстанции, – обвиняемые заявили о своей невиновности, и Доран назначил на 30 апреля слушания в третьем отделении Верховного суда штата Калифорния[18].

Однако еще до назначенной даты имя Эстер Карлсон, персонажа местного значения, замелькало на первых страницах газет по всей стране и породило дискуссию, то и дело вспыхивавшую на протяжении семи следующих десятилетий.

Во время второго обыска, кроме рецепта муравьиной отравы, в доме Карлсон обнаружили еще кое-что: из старого чемодана полицейские извлекли фотографию троих детей – мальчика и двух девочек. Каким образом она попала к Мэри Крюгер из Хантингтон-парк, неясно, однако известно точно: Мэри, бывшая жительница Ла-Порта, утверждала, что была знакома с семейством Белль Ганнесс и на снимке ее дети – Филипп, Миртл и Люси[19].

Узнав об этом, Стальман и его начальник – прокурор Б. Фиттс – объявили, что собираются установить, не скрывается ли под именем Эстер Карслон печально знаменитая Белль Ганнесс. Газеты по всей стране пестрели кричащими заголовками: «Жительница Лос-Анджелеса может оказаться известной преступницей», «Убийца из Лос-Анджелеса – Белль Ганнесс?» «В миссис Карлсон узнали убийцу с “фермы смерти”»[20]. Многие издания напечатали рядом фотографии обеих женщин – хорошо известное изображение мрачной полнолицей «Леди Синей Бороды» и снимки похожей на чучело миссис Карлсон. Предполагалось, что она и есть Белль, только усохшая от времени и болезней. Как писала «Лос-Анджелес таймс», через двадцать три года после открывшихся ужасных деяний серийной убийцы Белль Ганнесс почти каждый месяц появляются сообщения о встречах с ней. И миссис Карлсон, по мнению газеты, «больше других подозреваемых по приметам соответствует вдове из Ла-Порта»[21].

Сама Карлсон – ей становилось все хуже, – прикованная к постели в тюремной палате окружной больницы, категорически отрицала, что когда-то носила фамилию Ганнесс. Во время допроса Эстер уверяла помощника прокурора, что ее девичья фамилия Джонсон, что она родилась в Швеции в 1867 году, в

1892-м в возрасте двадцати пяти лет иммигрировала в Америку и семнадцать лет работала горничной у семейства Кук в Хартфорде, штат Коннектикут. В 1907 году она вышла замуж за Чарльза Хэнсона, который через девять лет утонул в реке Агауэм близ Спрингфилда, штат Массачусетс. В Лос-Анджелес женщина впервые приехала в 1909 году, но вскоре перебралась в аризонский Уильямс, где в 1911-м стала женой Чарльза Колсона. После его смерти в 1925 году Эстер вернулась в Калифорнию. Карлсон уверяла, что никогда в жизни ее нога не ступала на землю Индианы[22].

Власти рассказ арестованной не убедил. «Миссис Ганнесс пропала в 1908-м, – заявил Стальман, – и мы с Макдоналдом – шерифом Ла-Порта – соберем сведения о семнадцати годах, которые Эстер Карлсон, по ее словам, провела в семье Кука».

Как писали газеты, сообщение, что Ганнесс, возможно, все-таки поймали, чрезвычайно взбудоражило жителей Ла-Порта[23]. Окружной шериф Том Макдоналд в честность Карлсон тоже не поверил. «Было бы странно не признать, что она и есть миссис Ганнесс, – заявил он. – В их биографиях очень много общего: год рождения, национальность, расовые признаки. И у той, и у другой было по трое детей – мальчик и две девочки. Судя по снимкам, дети Ганнесс и Карлсон одного возраста. Так что Эстер Карлсон вполне может оказаться Белль Ганнесс»[24].

Макдоналд послал Стальману не только фотографии Белль и ее словесный портрет. Он дал помощнику прокурора адреса перебравшихся в район Лос-Анджелеса двух бывших жителей Ла-Порта. Один – семидесятилетний Джон «Дэннис» Дэйли – с 1902 по 1908 год был соседом Белль и в то время «часто с ней виделся и разговаривал». Второй – Джон Йорки – держал в Ла-Порте питейное заведение и тоже нередко встречал ее в городе. 7 мая 1931 года оба, получив телеграммы от шерифа Ла-Порта, явились в кабинет Стальмана, но Эстер к тому времени уже умерла. Надеясь, что мужчины помогут установить подлинную личность Карлсон, их немедленно доставили в морг.

Смерть наступила в среду, 6 мая, через неделю после начала суда над Анной Эриксон, обвиненной в убийстве Линдстрома[25]. Узнав, что Карлсон осталось жить несколько часов, Стальман вместе с адвокатом Эриксон – Джозефом Маркетти – бросился в больницу. В последней надежде узнать тайну смерти Линдстрома помощник прокурора склонился к уху женщины – она была на грани сознания – и спросил:

– Вы отравили Линдстрома?

В ответ с ее губ слетел едва слышный хрип. Стальман решил, что она сказала «да».

– Вы признаете, что подмешали ему мышьяк? – продолжал заместитель прокурора.

В ответ опять раздался неясный звук.

Удовлетворенный таким предсмертным признанием, Стальман уступил место Маркетти.

– Миссис Карлсон, вы имели в виду, что не убивали Линдстрома. Так?

Услышав третий раз то же бормотание, Стальман тяжело вздохнул и был вынужден признать: умирающая не понимает, о чем ее спрашивают.

Через несколько часов газеты написали, что «ее уста запечатала смерть». До отправки в Хемет для захоронения тело Карлсон оставалось в окружном морге.

Дэннис Дэйли с Джоном Йорки пришли туда в сопровождении Стальмана и провели около усопшей не менее сорока минут. Позже, отвечая на вопросы газетчиков, Дэйли заявил, что она, без сомнения, и есть миссис Ганнесс: та же характерная форма рта, тот же цвет глаз, высокие скулы, тот же рост. Поредевшие от времени волосы сохранили и цвет, и структуру. «Правда, миссис Ганнесс в те годы была гораздо толще, – добавил Дэннис, – но ведь туберкулез иссушает тело»[26].

Джон Йорки тоже был уверен, что видел труп миссис Ганнесс. 11 мая, в день, когда Эстер Карлсон похоронили рядом с ее вторым мужем, Йорки отправил письмо Уирту Уордену. «К сожалению, я не застал ее в живых, – писал бывший житель Ла-Порта, – но могу вас заверить: то была Белль Ганнесс, хозяйка бывшей фермы смерти»[27].

Глава 43
Тайна злодеяния

В 1943 году от сердечного приступа скончался Уирт Уорден. Ему было шестьдесят девять. Последние восемь лет жизни он занимал в Ла-Порте должность судьи и участвовал в знаменитом процессе по делу Д. Стефенсона, «великого дракона», то есть предводителя подразделения ку-клукс-клана в Индиане. Предъявленное Стефенсону обвинение в убийстве молодой женщины Мэдж Оберхольцер нанесло тяжелый удар организации, набиравшей популярность по всей стране. Однако, перечисляя заслуги Уордена, газеты особенно выделяли его роль в деле Ганнесс и успешной защите Рэя Лэмфера, которому удалось избежать смертной казни[1].

Уирт Уорден никогда не сомневался, что Белль Ганнесс удалось скрыться. Правда, неизвестно, поверил ли он свидетельству Джона Йорки, хотя через восемьдесят лет все равно было установлено, что тот ошибся. В 2014 году Кнут Эрик Йенсен, родившийся, как и Белль Ганнесс, в норвежской местности Сельбу, задался целью установить истинную личность Эстер. Изучив книги переписи населения, кладбищенские списки, городские справочники и множество других документов, он подтвердил подлинность сведений, которые сообщила о себе умирающая миссис Карлсон. Преступления в Ла-Порте совершала не она[2].

Моя предыдущая книга – «Людоед» – была посвящена жившему в девятнадцатом веке серийному убийце Альфреду Пэкеру. Виновность этого каннибала из Колорадо до сих пор остается предметом споров. В той работе я ссылался на врожденную человеческую склонность, описанную психологом Арье Круглански. Он считал, что «человек на любой вопрос стремится получить точный ответ и испытывает неприязнь к неопределенности»[3]. Эта природная психологическая потребность – желание самостоятельно или с чьей-то помощью проникнуть в тайну и разгадать трудноразрешимую загадку – обусловила и небывалый интерес к первому роману основоположника детективного жанра Эдгара Аллана По – «Убийство на улице Морг».

Литературные персонажи – гении логического мышления Огюст Дюпен, Шерлок Холмс или Эркюль Пуаро – распутывают, казалось бы, самые немыслимые головоломки. Однако в реальной

жизни на этом пути нередко возникают препятствия, преодолеть которые не представляется возможным. Наиболее яркое тому свидетельство – неудавшиеся попытки определить, кто же был Джеком-потрошителем, и регулярное появление в печати долгожданных откровений на эту тему, доказывающих, как трудно человеку смириться с неразгаданной тайной. Нераскрытым осталось и дело Лиззи Борден, обвиненной в убийстве отца и мачехи; гибель похищенного ребенка знаменитого авиатора Линдберга, и смерть в 1996 году шестилетней победительницы детских конкурсов красоты Джонбенет Рэмси.

Хотя дело Ганнесс в наши дни менее известно, оно по-прежнему будоражит умы любителей криминальных загадок. В 2008 году два судмедэксперта решили установить, кому принадлежало обезглавленное женское тело, захороненное на кладбище в Чикаго. Они эксгумировали останки и провели генетический тест, однако результаты оказались «неубедительными»[4]. Приступая к этой работе, я тоже надеялся, что смогу найти ключ к тайне преступления столетней давности. Однажды я наткнулся, как мне показалось, на потрясающий факт: некоторые брачные объявления Ганнесс подписывала псевдонимом «Белль Хинкли»[5]. Начав двигаться в этом направлении, я нашел сведения, что женщина с таким именем проживала в 1915 году в штате Висконсин. Когда же выяснилось, что у них с черной вдовой Ганнесс не было ничего общего, мои радужные надежды рухнули окончательно.

Позже, когда эта книга была уже почти дописана, я решил восстановить точную последовательность событий в ночь пожара. К сожалению, должен признать, что не достиг и этой куда как скромной цели. Потратив не один год на изучение всех подробностей истории Ганнесс, я не решаюсь сформулировать по этому делу сколько-нибудь обоснованное мнение.

Сообщениям о признаниях Лэмфера преподобному Шеллу я не верю. Однако три другие версии, по одной из которых Белль инсценировала свою смерть и сбежала, по другой сгорела во время пожара, а по третьей, убив в отчаянии детей, покончила с собой, кажутся мне одинаково правдоподобными. «Случай в Ла-Порте может навсегда остаться самым загадочным в истории кровавых преступлений» – эти слова из статьи, опубликованной в «Кливленд плейн дилер» по следам ужасающих находок на «ферме смерти», оказались пророческими[6]. Надеюсь, что моя реконструкция событий, по крайней мере, поможет читателям прийти к собственным выводам о загадке Белль Ганнесс.

Стоит задуматься и о более глубокой тайне. Какой тип женщины, какое человеческое существо способно на подобные преступления? Ганнесс убила людей не больше, чем другие известные преступницы-психопатки. За семь лет до событий в Ла-Порте весьма уважаемая медсестра Джейн Топпан призналась в совершении тридцати одного убийства, уступив в счете только самому кровавому американскому серийному убийце – Джону Гейси. На мучительную смерть от мышьяка обрекали своих братьев и сестер, мужей и собственных детей «американские Борджиа» – Лидия Шерман и Сара Джейн Робинсон.

Что отличало Белль Ганнесс от других женщин-убийц, во всяком случае, в Америке, – так это надругательство над телами жертв: она расчленяла трупы и закапывала останки в грязном свином загоне. Зло низводит людей до уровня животных, и изучающие преступления Белль Ганнесс затрудняются ответить на вопрос, что сделало ее такой – патологическая жадность или пережитое в детстве жестокое насилие[7]. Перед нами встают гораздо более серьезные проблемы, чем попытка выяснить, выжила Ганнесс после пожара или нет. Ни одна из теорий даже близко не подошла к разгадке того, что в Библии названо «тайной злодеяния».

Закончить повествование я хотел бы словами редактора «Ла-Порт уикли геральд», написанными в день оглашения приговора Рэю Лэмферу: «Скорее всего, никогда не удастся приподнять завесу тайны, скрывающую смертоносные операции миссис Ганнесс. Ей нет равных ни в коварстве замыслов, ни в жестокости их осуществления. Перед будущими поколениями она предстанет самой страшной женщиной-убийцей двадцатого века»[8].

Библиография

Пролог

1 Charles Perrault, *The Complete Fairy Tales in Verse and Prose* (Mineola, NY: Dover, 2002), p. 78.

2 Francis Parkman, *La Salle and the Discovery of the Great West* (Boston: Little, Brown, and Company, 1908), pp. 211–14.

3 Jasper Packard, History of La Porte County, Indiana, and Its Townships, Towns and Cities (La Porte, IN: S. E. Taylor & Company, 1870), p. 36.

4 Ibid., p. 37.

5 Charles C. Chapman, *History of La Porte County, Indiana; Together with Sketches of Its Cities, Villages, and Townships, Educational, Religious, Civil, Military, and Political History; Portraits of Prominent Persons and Biographies of Representative Citizens* (Chicago: Chas. C. Chapman & Co., 1880), p. 616.

6 Rev. E. D. Daniels, *A Twentieth Century History and Biographical Record of La Porte County, Indiana* (Chicago: The Lewis Publishing Company, 1904), p. 126.

7 Packard, pp. 443–58.

8 Daniels, p. 132.

9 Daniels, pp. 237, 239, 241, 242, 258, and 263.

1 ˚Capsule biographies of these and other prominent La Porteans can be found in a bound volume at the La Porte County Historical Society.

11 Packard, pp. 47 and 72.

12 Chapman, pp. 514–15.

13 Packard, p. 73.

14 Chapman, p. 517.

15 *Fort Wayne Daily News*, December 1, 1902, pp. 1 and 2, and December 4, 1902, p. 1.

16 *Fort Wayne Daily News*, December 18, 1902, p. 2.

17 *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1908, p. 2.

Глава 1

1 Donald L. Miller, *City of the Century: The Epic of Chicago and the Making of America* (New York: Simon & Schuster, 1996), p. 141.

2 Theodore Dreiser, *Newspaper Days* (New York: Horace Liveright, 1922), p. 210.

3 Bessie Louise Pierce, *A History of Chicago, Volume III: The Rise of a Modern City, 1871–1893* (New York: Alfred A. Knopf, 1957), p. 22.

4 Harold M. Mayer and Richard C. Wade, *Chicago: Growth of a Metropolis* (Chicago: University of Chicago Press, 1969), p. 22.

5 See Theodore C. Blegen, *Norwegian Migration to America: The American Transition* (Northfield, MN: The Norwegian-American Historical Association, 1940), p. 481, and Odd S. Lovoll, *A Century of Urban Life: The Norwegians in Chicago before 1930* (Champaign, IL: University of Illinois Press, 1988), pp. 15 and 77.

6 Lovoll, p. 65.

7 A. T. Andreas, *History of Chicago. From the Earliest Period to the Present Time. In Three Volumes. Volume II – From 1857 until the Fire of 1871* (Chicago: The A. T. Andreas Company, 1886), p. 444. As it happened, the coroner's jury – though concluding that «some wicked boys» were «accessory to the death» of little Knud – found no definitive evidence that the victim had been «purposely drowned» for his refusal to steal. The death was ruled accidental, and the plan for a monument abandoned.

8 See A. E. Strand, *A History of the Norwegians of Illinois: A Concise Record of the Struggles and Achievements of the Early Settlers together with a Narrative of what is now being done by the Norwegian-Americans of Illinois in the Development of Their Adopted Country* (Chicago: John Anderson Publishing Company, 1905), p. 217; Blegen, p. 434, and Lovoll, pp. 20–21, 54, and 93.

9 Lovoll, p. 82; Strand, p. 245.

10 Jean Skogerboe Hansen, «*Skandinaven* and the John Anderson Publishing Company», *Norwegian-American Studies*, Vol. 28 (1979), pp. 35–68.

11 Strand, p. 228 and 231-33; Lovoll, pp. 5, 130–31, 184, and 186.

12 Strand, p. 180. At the time, Oslo was still known as Christiana.

13 Irving Cutler, *Chicago: Metropolis of the Mid-Continent* (Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 2006), p. 74; Ann Durkin Keating, *Chicago Neighborhoods and Suburbs: A Historical Guide* (Chicago: University of Chicago Press, 2008), p. 174.

14 Pierce, p. 31. To be more precise, the percentage of arrests for Norwegians was 1.09 in 1880 and 1.26 in 1890. By way of comparison, the percentages for Germans were 11.84 in 1880 and 11.07 in 1890; for the Irish, 17.62 in 1880 and 10.33 in 1890.

15 According to genealogical records, Paul and Berit's children were Marit Paulsdatter Størset, Peder Moen, Ole Paulsen, Olina Paulsdatter Størset (later Nellie Larson), Marit Leangvollen, Brynhild Paulsdatter Størset (the future Belle Gunness), and «one other», name unknown. See http://www.geni.com/people/Belle-

Gunness/6000000010140315276.

16 Kjell Haarstad, letter to Janet Langlois, March 29, 1976, on file at the La Porte County Historical Society. See also Janet Langlois, *Belle Gunness: The Lady Bluebeard* (Bloomington, IN: Indiana University Press, 1985), pp. 2–4.

17 M. S. Emery, *Norway Through the Stereoscope: A Journey Through the Land of the Vikings* (New York: Underwood and Underwood, 1907), pp. 197–98.

18 See Haarstad letter; Langlois, p. 2.

19 See Haarstad letter.

20 Langlois, p. 3; Emery, p. 97.

21 See Haarstad letter. Quoted in Langlois, p. 2.

22 See, for example, Sylvia Perrini, *She Devils of the USA: Women Serial Killers* (Goldmineguides.com, 2013), p. 58, and Ilene Ingbritson Wilson, *Murder in My Family (*Bloomington, IN: Trafford Publishing, 2004), p. 9.

23 Langlois, p. 3.

Глава 2

1 Highly detailed information on the transatlantic crossing is available on the website *Norway-Heritage: Hands Across the Sea*, www.norwayheritage.com.

2 Ibid.; Odd S. Lovoll, «'For People Who Are Not in a Hurry': The Danish Thingvalla Line and the Transportation of Scandinavian Emigrants», *Journal of American Ethnic History*, Vol. 13, No. 1 (Fall 1993), pp. 48–67.

3 All legal documents from this period show her name as Bella, including her marriage license to Mads Sorenson and the 1898 lawsuit she and Mads filed against the Yukon Mining & Trading Co. (see below, Note 23). Also see the article «Mrs. Gunness Changed Name», *Chicago Daily Tribune*, May 17, 1908, p. 5.

4 Odd S. Lovoll, *A Century of Urban Life: The Norwegians in Chicago before 1930* (Champaign, IL: University of Illinois Press, 1988), p. 155.

5 Theodore Dreiser, *Sister Carrie* (New York: Bantam Books, 1958), pp. 17–18.

6 *Chicago Examiner*, May 7, 1908, p. 2.

7 *Chicago Tribune*, May 7, 1908, p. 1.

8 Most sources say Mads worked as a department store watchman (or detective). Others, however, describe him as a floor manager. See, for example, *Indianapolis News*, May 12, 1908, p. 8.

9 Marriage License of Anthon [*sic*] Sorenson and Bella Peterson,

Illinois Regional Archives Depository, Northeastern Illinois University, Chicago. For unexplained reasons, the certificate shows Bella's age as twenty-nine and Mads's age as thirty-four. For the Rev. Torgersen's obituary, see «Cupid's Noted Aid Dead», *Chicago Daily Tribune*, November 12, 1905, p. 8.

10 Langlois, p. 4.

11 *La Porte Argus-Bulletin*, May 7, 1908, p. 1.

12 Ibid.

13 *Chicago Daily Journal*, May 8, 1908, p. 1.

14 Langlois, p. 77.

15 *Chicago Examiner*, May 6, 1908, p. 2.

16 *Chicago Tribune,* May 7, 1908, p. 2.

17 Ibid.

18 Ann Jones, *Women Who Kill* (New York: Fawcett Crest, 1980), p. 137; *La Porte Argus-Bulletin*, May 7, 1908, p. 1. Previous sources say that the Sorensons bought the Alma Street property in 1896. Records show, however, that it was purchased in September 1895. Moreover, Bella is listed as sole owner of the property. See tract book, vol. 106A, p. 196, Cook County Recorder of Deeds, Chicago, IL.

19 Caroline was born in March 1896; Myrtle on February 6, 1897; Axel in January 1898; and Lucy on Christmas Day, 1898.

20 *La Porte Argus-Bulletin*, May 6, 1908, p. 2.

21 By contrast, the US infant mortality rate in 2015 was fewer than six deaths for every one thousand live births. The causes of death for Caroline and Axel can be found in the official Records of Interments at the Forest Home Cemetery, Chicago, Illinois.

22 «*Sorenson et al. vs. Yukon Mining & Trading Company*, Bill in Chancery, Filed June 3, 1898, Circuit Court of Cook County», on file at the Circuit Court Archives, Cook County, Chicago, Illinois.

23 «*Bella Sorenson et al. vs. Yukon Mining & Trading Company et al.*, Notice, Motion, and Affidavits of Hogenson, Anderson, & Rosenberg, Filed June 16, 1898, in Circuit Court, Cook County», on file at the Circuit Court Archives, Cook County, Chicago, Illinois.

24 «*Bella Sorenson et al. vs. Yukon Mining & Trading Company et al.*, Copy of Decree», on file at the Circuit Court Archives, Cook County, Chicago, Illinois.

25 *Chicago Tribune*, April 11, 1900, p. 1.

26 *Chicago Daily Journal*, May 8, 1908, p. 2; *Chicago Tribune*, May 8, 1908, p. 2; Record of Interments, August 1900, Forest Home Cemetery, Chicago, Illinois.

27 *Chicago Inter Ocean*, May 7, 1908, p. 3.

28 *La Porte Argus-Bulletin*, May 7, 1908, p. 1.

Глава 3

1 Langlois, pp. 34–36.

2 *Chicago Daily News*, May 9, 1908, p. 1.

3 *Indianapolis News*, May 9, 1908, p. 4; Sylvia Shepherd, *The Mistress of Murder Hill: The Serial Killings of Belle Gunness* (Bloomington, IN: 1stBooks Library, 2001), p. 17.

4 Langlois, pp. 37–40.

5 Ibid., p. 37.

6 Lillian de la Torre, *The Truth About Belle Gunness* (New York: Fawcett/Gold Medal Books, 1955), p. 13.

7 See *Duluth News-Tribune*, May 13, 1908, p. 2, and *Chicago Daily Journal*, May 9, 1908, p. 1.

8 «Indiana's Murder Farm», *Harper's Weekly*, Vol. LII, No. 268 (May 30, 1908), p. 23.

9 Records of Interments, August 1902, Forest Home Cemetery, Chicago, Illinois.

10 Albert Nicholson's recollections were transcribed on July 28, 1951. The typescript is filed in the archives of the La Porte County Historical Society, as is the full transcript of the coroner's inquest held on December 17, 1902, which contains the testimony of both Swan Nicholson and Jennie Gunness. See also de la Torre, pp. 41–45.

11 *Fort Wayne Daily News*, December 1, 1902, pp. 1 and 2, and December 4, 1902, p. 1. Also see *La Porte Argus-Bulletin*, December 16, 1902, p. 1, and December 17, 1902, p. 1.

12 Bowell's postmortem report is contained in the transcript of the coroner's inquest, December 17, 1902, filed in the archives of the La Porte County Historical Society.

13 *La Porte Argus-Bulletin*, December 19, 1902, p. 1.

14 Langlois, p. 108.

15 de la Torre, p. 45.

16 Ibid.

17 Coroner's inquest, archives of the La Porte County Historical Society.

18 de la Torre, p. 45.

Глава 4

1 Langlois, pp. 56–57.

2 *Duluth News-Tribune*, May 13, 1908, p. 2.

3 Langlois, pp. 45–48.

4 Ibid., pp. 49–50.

5 Langlois, p. 58.

6 Ibid., pp. 60, 61–62, and 66–67. See also Stuart Holbrook, *Murder Out Yonder: An Informal Study of Certain Classic Crimes in Back-*

Country America (New York: Macmillan, 1941), p. 127.

7 Shepherd, p. 69.

8 *Decatur Herald,* May 23, 1908, p. 1.

9 Paula K. Hinton, «'Come Prepared to Stay Forever': The Tale of a Murderess in Turn-of-the-Century America», diss. (Miami University, Oxford, Ohio, 2001), p. 41.

10 Ibid.

11 «*Coroner's Inquisition, Unidentified Person, Gunness Farm, Henry Gurholt? Deposition of Witness Martin Gurholt, Exhibit 'B'*», on file in the archives of the La Porte Historical Society Museum.

12 «Coroner's Inquisition, Deposition of Witnesses, Exhibit 'C,' Chris Christofferson, May 26, 1908», on file in the archives of the La Porte Historical Society Museum.

Глава 5

1 A facsimile of one of these ads is on display in the Belle Gunness exhibit at the La Porte County Historical Society.

2 *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1908, p. 8; Shepherd, p. 64; Hinton, p. 34.

3 Hinton, p. 46.

4 *Richmond Times Dispatch*, June 10, 1908, p. 1.

5 Hinton, p. 46; de la Torre, p. 55.

6 *La Porte Argus-Bulletin*, May 8, 1908, p. 1.

7 *Grand Forks Evening Times*, May 15, 1908, p. 3. Moe's last name is sometimes reported as «Moo».

8 de la Torre, p. 16; *New York Tribune*, May 10, 1908, p. 1; Shepherd, p. 53.

9 *Otago Daily Times*, November 30, 1908, p. 5; Hinton, p. 31; *La Porte Argus-Bulletin*, May 11, 1908, p. 1.

10 Shepherd, p. 52.

11 *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1908, p. 8; Langlois, pp. 77–78; Shepherd, pp. 51–52; Anon., The Mrs. Gunness Mystery! (Chicago: Thompson & Thomas, 1908), pp. 66–67.

Глава 6

1 de la Torre, p. 17.

2 *La Porte Argus-Bulletin*, May 11, 1908, p. 1; de la Torre, p. 18.

3 *New York Sun*, May 10, 1908, p. 2; *La Porte Argus-Bulletin*, May 14, 1908.

4 de la Torre, p. 18; Anon., The Mrs. Gunness Mystery! pp. 84–85;

Troy Taylor, «Come Prepared to Stay Forever»: The Madness of Belle Gunness. Hell Hath No Fury, Book 5 (Decatur, IL: Whitechapel Press, 2013).

5 de la Torre, p. 19.

6 La Porte Argus-Bulletin, May 18, 1908, p. 1.

7 Marion Daily *Mirror*, May 19, 1908, p. 2; *Washington Herald*, May 10, 1908, p. 3.

Глава 7

1 All contemporary newspaper articles on the case, as well as virtually all succeeding accounts, spell the name «Helgelein». However, on the Find-a-Grave website, there is a photograph of Andrew's gravestone in which his last name is spelled «Helgelien». There is a note on the site stating: «The name Helgelien as spelled on the gravestone is confirmed by family members to be correct. An alternate spelling (e. g., Helgelein) seen elsewhere is not correct».

2 Asle Helgelien, Andrew's brother, said that he had found eighty letters from Belle among his brother's belongings. During Ray Lamphere's trial, however, newspapers reported that the prosecution was in possession of seventy-five letters from Belle to Andrew. See *La Porte Argus-Bulletin*, May 18, 1908, p. 1, and November 19, 1908, p. 3.

3 Ted Hartzell, «Belle Gunness' Poison Pen», *American History*, Vol. 43, No. 2 (June 2008), p. 50.

4 *Chicago Evening American*, November 18, 1908, p. 3.

5 *Indianapolis Star*, May 7, 1908, p. 3; *Chicago Daily Journal*, May 8, 1908, p. 1. Some accounts say that Helgelien robbed and torched the post office not in Red Wing but in Norway, Minnesota.

6 My thanks to Katherine Ramsland for providing me with typed transcripts of Belle's surviving letters to Helgelien.

7 Hartzell, p. 53.

Глава 8

1 de la Torre, p. 19.

2 Shepherd, p. 30.

3 de la Torre, p. 104.

4 Shepherd, p. 28; *Altoona Morning Tribune*, November 18, 1908, p. 1; *La Porte Argus-Bulletin*, May 14, 1908, p. 1.

5 *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1908, p. 1.

Глава 9

1 *La Porte Argus-Bulletin*, November 17, 1908, p. 1.

2 *Chicago Tribune*, May 8, 1908, p. 1. Some accounts spell her last name «Cone».

3 *La Porte Argus-Bulletin*, November 17, 1908, p. 1.

4 Compare, for example, *La Porte Argus-Bulletin,* May 9, 1908, p. 1, and *La Porte Weekly Herald*, November 26, 1908, p. 1.

5 *La Porte Argus-Bulletin*, April 29, 1908, p. 1, May 9, 1908, p. 1, and November 19, 1908, p. 1.

6 Transcripts of this and other letters between Asle Helgelien and Belle Gunness were provided to me by Dr. Katherine Ramsland.

7 *La Porte Argus-Bulletin,* May 9, 1908, p. 1; de la Torre, p. 107. Belle's original «Statement Alleging Insanity» is on file at the La Porte County Historical Society.

8 Josh Chaney, «Story About Belle Gunness», unpublished manuscript on file at the La Porte County Historical Society Museum; Hinton, p. 89; *La Porte Argus-Bulletin,* May 9, 1908, p. 1.

9 de la Torre, p. 21; *La Porte Argus-Bulletin,* May 9, 1908, p. 1.

10 de la Torre, p. 107.

11 *La Porte Argus-Bulletin,* May 13, 1908, p. 8.

Глава 10

1 *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1908, p. 16. The *La Porte Argus-Bulletin* of May 8, 1908, reports the teacher's name as Jennie Garwood.

2 *Chicago Inter Ocean*, April 30, 1908, p. 12; de la Torre, p. 21. A transcript of Belle's will is in the archives of the La Porte Historical Society Museum.

3 Chaney, p. 27.

4 *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1908, p. 15.

5 *La Porte Argus-Bulletin*, November 18, 1908, p. 1; de la Torre, p. 109.

6 *La Porte Argus-Bulletin*, November 18, 1908, p. 1; de la Torre, p. 111.

Глава 11

1 *La Porte Argus-Bulletin*, May 4, 1908, p. 1, and November 18, 1908, p. 1; de la Torre, pp. 7 and 112; «Coroner's Inquisition, Deposition of Witness Joseph O. Maxson, April 29, 1908», on file in the archives of the La Porte Historical Society Museum.

2 «Coroner's Inquisition, Deposition of Witness William Clifford,

April 29, 1908», on file in the archives of the La Porte Historical Society Museum.

3 «Coroner's Inquisition, Deposition of Witness William Humphrey, April 29, 1908», on file in the archives of the La Porte Historical Society Museum.

4 «Coroner's Inquisition, Deposition of Witness Daniel Marion Hutson, April 29, 1908», on file in the archives of the La Porte Historical Society Museum.

5 de la Torre, p. 10.

6 «Coroner's Inquisition, Deposition of Witness Joseph O. Maxson, April 29, 1908»; de la Torre, pp. 3 and 10.

7 *La Porte Argus-Bulletin*, April 28, 1908, p. 1.

8 de la Torre, p. 10; *La Porte Argus-Bulletin*, April 28, 1908, p. 1.

9 *La Porte Argus-Bulletin*, April 28, 1908, p. 1.

Глава 12

1 Thomas Dreier, «The School That Teaches Boys How to Live», *The Business Philosopher*, Vol. VI, No. 2 (February 1910), p. 75.

2 Carter H. Manny, «Gone Are the Days», unpublished memoir on file at La Porte Historical Society Museum; *La Porte Weekly Herald*, April 30, 1908, p. 1.

3 *La Porte Weekly Herald*, April 30, 1908, p. 1.

4 «Coroner's Inquisition, Deposition of Witness William Humphrey, April 29, 1908».

5 *La Porte Argus-Bulletin*, April 28, 1908, p. 1.

6 *La Porte Weekly Herald*, April 30, 1908, p. 1.

7 *La Porte Argus-Bulletin*, April 29, 1908, p. 1; *Indianapolis Star*, April 30, 1908, p. 4.

Глава 13

1 *La Porte Argus-Bulletin*, November 20, 1908, p. 1; de la Torre, pp. 125-26.

2 *Chicago Daily Tribune*, April 30, 1908, p. 5; *La Porte Argus-Bulletin*, November 20, 1908, p. 1; de la Torre, p. 126.

3 Leonard J. Moore, *Citizen Klansmen: The Ku Klux Klan in Indiana, 1921–1928 (C*hapel Hill: University of North Carolina Press, 1991), p. 56.

4 *Indianapolis Star*, March 19, 1916, p. 4.

5 de la Torre, p. 23; Langlois, pp. 41–42.

6 *La Porte Argus-Bulletin*, April 30, 1908, p. 1.

7 *La Porte Argus-Bulletin*, April 30, 1908, p. 1; *Fort Wayne News*, April 29, 1908, p. 1; *Cleveland Plain Dealer*, April 29, 1908, p. 1.

8 *La Porte Argus-Bulletin*, April 30, 1908, p. 1.

9 «Coroner's Inquisition, Deposition of Witness Daniel Marion Hutson, April 29, 1908».

10 *La Porte Argus-Bulletin*, April 30, 1908, p. 1; *La Porte Weekly Herald*, May 7, 1908, p. 1.

11 *Chicago Daily Tribune*, May 1, 1908, p. 5; *La Porte Argus-Bulletin*, May 1, 1908, p. 1.

Глава 14

1 *La Porte Weekly Herald*, May 7, 1908, p. 14.

2 Ibid.

3 «Coroner's Inquisition, Deposition of Witness Dr. J. Lucius Gray, May 12, 1908», on file in the archives of the La Porte Historical Society Museum.

4 *La Porte Argus-Bulletin*, May 1, 1908, p. 1.

5 *Chicago Inter Ocean*, May 2, 1908, p. 3.

6 *La Porte Argus-Bulletin*, May 1, 1908, p. 1.

7 *La Porte Argus-Bulletin*, May 1, 1908, p. 1; *Chicago Inter Ocean*, May 2, 1908, p. 3.

8 Shepherd, pp. 9 and 10; Hinton, p. 28.

Глава 15

1 «Coroner's Inquisition, Deposition of Witness Asle K. Helgelein, May 5, 1908», on file in the archives of the La Porte Historical Society Museum; Hinton, p. 29; Shepherd, pp. 11–12.

2 «Coroner's Inquisition, Exhibit 'A,' May 5, 1908».

3 de la Torre, p. 32.

4 Ibid.

5 «Coroner's Inquisition, Deposition of Witness Asle K. Helgelein, May 5, 1908».

6 «Coroner's Inquisition, Exhibit 'B,' May 18, 1908».

7 *Brooklyn Daily Eagle*, May 6, 1908, p. 1; de la Torre, p. 31.

Глава 16

1 See Charles K. Mavity, *The Bellville* [sic] *Tragedy: Story of the Trial and Conviction of Rev. W. E. Hinshaw for the Murder of His Wife*

(Indianapolis: Sentil Print Co., 1895).

2 Historian Paula Hinton notes that «newspapers as far away as Cuba and Germany carried the story. In fact, the *Daily Herald* had a Cuban newspaper with the story on display in its window». See Hinton, p. 58.

3 de la Torre, pp. 35–36.

4 *Chicago Inter Ocean,* May 5, 1908, pp. 1 and 3.

5 *Chicago Tribune*, May 6, 1908, p. 3; *Chicago American*, May 6, 1908, p. 30; de la Torre, pp. 32–33.

6 *New York Times*, May 8, 1908, p. 2; *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1908, p. 1.

Глава 17

1 *Chicago Inter Ocean*, May 7, 1908, p. 3.

2 «Coroner's Inquisition, Unidentified Adult, Gunness Farm, May 6, 1908, 'Exhibit A'», on file in the archives of the La Porte Historical Society Museum; *Chicago Daily News,* May 6, 1908, p. 1.

3 *Chicago Inter Ocean*, May 7, 1908, p. 3.

4 *Chicago Tribune*, May 7, 1908, p. 2.

5 *Chicago Daily American*, May 7, 1908, p. 1; *Cleveland Plain Dealer*, May 8, 1908, p. 1; *San Francisco Call*, May 12, 1908, p. 1; *Pittsburgh Press*, May 7, 1908, p. 1; *Chicago Evening American*, May 8, 1908, p. 3.

6 *Chicago Examiner*, May 7, 1908, p. 1.

7 *Chicago Daily Journal*, May 7, 1908, p. 1.

8 *Chicago Inter Ocean*, May 7, 1908, p. 1; Chicago *Daily American*, May 7, 1908, p. 2.

9 *La Porte Argus-Bulletin*, May 9, 1908, p. 1.

10 *Chicago Daily News*, May 7, 1908, p. 1.

11 New York Times, May 6, 1908, p. 1.

12 *Chicago Examiner*, May 7, 1908, p. 1.

13 *Chicago Daily Journal*, May 6, 1908, p. 3; *Chicago Examiner*, May 7, 1908, p. 2.

14 *Chicago Daily News*, May 7, 1908, p. 1.

15 Arthur Alden Guild, *Baby Farms in Chicago: An Investigation Made for the Juvenile Protection Agency* (Chicago: The Juvenile Protection Agency, 1917).

16 Alison Rattle and Allison Vale, *The Woman Who Murdered Babies for Money: The Story of Amelia Dyer* (London: André Deutsch, 2011).

17 Chicago Inter Ocean, May 8, 1908, p. 1.

18 *Chicago Examiner*, May 7, 1908, p. 2.

Глава 18

1 *Chicago American*, May 7, 1908, p. 1.

2 *Chicago Tribune*, May 8, 1908, p. 2; *Los Angeles Herald*, May 8, 1908, p. 1.

3 *Chicago Tribune*, May 8, 1908, p. 2.

4 Shepherd, p. 39.

5 Ibid., p. 40; *La Porte Argus-Bulletin*, May 6, 1908, p. 1; *Chicago Tribune*, May 7, 1908, p. 1.

6 *Chicago Tribune*, May 7, 1908, p. 1. A friend of the Budsberg family, a hardware dealer named Edwin Chapin, accompanied Mathias and Oscar on the trip.

7 de la Torre, p. 32.

8 *La Porte Argus-Bulletin*, May 7, 1908, p. 1.

9 *New York Times*, May 8, 1908, p. 1.

10 Ibid.; *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1908, p. 1.

11 *Chicago Evening American*, May 8, 1908, p. 1.

12 *Chicago Daily Journal*, May 7, 1908, p. 1; *Chicago Tribune*, May 8, 1908, p. 5.

13 *Chicago Tribune*, May 8, 1908, p. 5.

14 *Los Angeles Herald*, May 8, 1908, p. 1.

15 *Pittsburgh Press*, May 7, 1908, p. 1.

16 *Los Angeles Herald*, May 8, 1908, p. 1.

Глава 19

1 *Chicago Tribune*, May 8, 1908, p. 1.

2 See *The Federal Reporter: Cases Argued and Determined in the Circuit Court of Appeals and Circuit and District Courts of the United States,* Vol. 177 (St. Paul, MN: West Publishing Co., 1910), pp. 679–84.

3 Pamela Ilyse Epstein, *Selling Love: The Commercialization of Intimacy in America 1860s–1900s (*diss., New Brunswick Rutgers, The State University of New Jersey, 2010), pp. 127–28.

4 Clifton R. Wooldridge, *Twenty Years a Detective in the Wickedest City in the World* (Chicago, IL: Chicago Publishing Co., 1908), p. 119.

5 *Chicago Tribune*, May 9, 1908, p. 1.

6 Wooldridge, p. 132.

Глава 20

1 *Chicago Inter Ocean*, May 8, 1908, pp. 1 and 2; *Chicago Daily*

Journal, May 9, 1908, pp. 1 and 3.

2 *Chicago Inter Ocean*, May 9, 1908, p. 1.

3 *Chicago Daily News*, May 8, 1908, p. 1.

4 Ibid.; *La Porte Argus-Bulletin*, May 8, 1908, p. 1.

5 *Los Angeles Herald*, May 10, 1908, p. 1; *Chicago Tribune*, May 10, 1908, p. 1.

6 *Washington Herald*, May 9, 1908, p. 3.

7 *Washington Herald*, May 13, 1908, p. 3.

8 *Washington Herald*, June 6, 1908, p. 3.

9 *Washington Herald*, May 22, 1908, p. 3.

10 *La Porte Argus-Bulletin*, May 11, 1908, p. 2.

11 *Paducah Evening Sun*, May 15, 1908, p. 5; *Washington Times*, May 9, 1908, p. 2; *Salt Lake Herald*, May 12, 1908, p. 3; *Washington Herald*, May 22, 1908, p. 3; Hinton, pp. 47–52.

12 Hinton, p. 35; «*Coroner's Inquisition, Unidentified Person, Gunness Farm, Henry Gurholt? Deposition of Witness Martin Gurholt, Exhibit 'B'*».

13 *New York Sun*, May 12, 1908, p. 5; Hinton, p. 43.

14 Hinton, p. 36.

15 *Richmond Times-Dispatch*, June 10, 1908, p. 1.

16 *Chicago Inter Ocean*, May 8, 1908, p. 2.

17 *La Porte Argus-Bulletin*, May 9, 1908, p. 3.

18 *La Porte Argus-Bulletin*, May 20, 1908, p. 1.

19 *La Porte Argus-Bulletin*, May 16, 1908, p. 4.

20 *La Porte Argus-Bulletin*, May 11, 1908, p. 1; *Salt Lake Herald*, May 12, 1908, p. 1.

21 *Chicago Tribune*, May 10, 1908, p. 3.

22 Ibid.

23 *Chicago Inter Ocean*, May 8, 1908, pp. 1 and 2.

Глава 21

1 *La Porte Argus-Bulletin*, May 9, 1908; *Chicago Tribune*, May 7, 1908, p. 3.

2 See, for example, *Grand Forks Daily Herald*, May 19, 1908, p. 1.

3 *La Porte Argus-Bulletin*, May 9, 1908, p. 5, and May 11, 1908, p. 3.

4 *Chicago Examiner*, May 24, 1908, Sunday magazine, p. 6.

5 «A Symposium on Mrs. Belle Gunness», *The Phrenological Journal and Science of Health Magazine,* Vol. 121, Number 8 (August 1908), pp. 251–53.

6 *La Porte Argus-Bulletin*, May 8, 1908, p. 7.

7 Harold Schechter, *The Devil's Gentleman: Privilege, Poison, and*

the Trial That Ushered in the Twentieth Century (New York: Random House/Ballantine Books, 2007), p. 139.

8 *Chicago Tribune*, June 3, 1908, p. 1.

9 *La Porte Argus-Bulletin*, May 18, 1908, p. 1.

Глава 22

1 *Dr. Walter S. Gaines, letter to Charles S. Mack, July 13, 1908*, filed in the archives of the La Porte Historical Society Museum. See also *La Porte Argus-Bulletin*, May 9, 1908, p. 1.

2 See Langlois, p. 1.

3 A. I. Schutzer, «The Lady-Killer», *American Heritage*, Vol. 15, Issue 6 (October 1964), pp. 36–39 and 91–94.

4 Ibid., p. 37.

5 *Chicago Daily Journal*, May 8, 1908, p. 3.

6 *La Porte Argus-Bulletin*, May 9, 1908, p. 3; *La Porte Weekly Herald*, May 21, 1908, p. 5.

7 For an excellent account of the Bender case, see Robert H. Adleman, *The Bloody Benders* (New York: Stein and Day, 1970).

8 See, for example, the *Chicago Daily Tribune*, May 10, 1908, p. 2.

9 *Chicago Daily Tribune*, May 9, 1908, p. 8.

Глава 23

1 *La Porte Argus-Bulletin*, May 9, 1908, p. 1; *New York Times*, May 10, 1908, p. 2; *Chicago Inter Ocean*, May 10, 1908, p. 1; *Chicago Examiner*, May 9, 1908, pp. 1 and 2.

2 *New York Times*, May 10, 1908, p. 2; *Chicago Examiner*, May 9, 1908, p. 2.

3 *La Porte Argus-Bulletin*, May 9, 1908, p. 2.

4 *Chicago Evening American*, May 9, 1908, p. 1.

5 *La Porte Argus-Bulletin*, May 9, 1908, p. 1.

6 Ibid., p. 7.

7 *Grand Forks Daily Herald*, May 10, 1908, p. 3.

8 *Columbus Enquirer Sun*, May 12, 1908, p. 2.

9 *Aberdeen Daily American*, May 18, 1908, p. 1.

10 *The Bellingham Herald*, May 26, 1908, p. 1.

11 *Duluth New Tribune*, May 16, 1908, p. 3; *Belleville New Democrat*, June 1, 1908, p. 1; *Lexington Herald*, May 19, 1908, p. 1; *Saskatchewan Sunday Tribune*, June 14, 1908, p. 2; *Columbus Enquirer Sun*, June 10, 1908, p. 1.

12 *Chicago Evening American*, May 9, 1908, p. 1.

13 Hinton, p. 95.
14 Ibid., p. 94.
15 *Chicago Inter Ocean*, May 10, 1908, p. 1; *Chicago Tribune*, May 10, 1908, p. 1.
16 *La Porte Argus-Bulletin*, May 9, 1908, p. 1, and May 10, 1908, p. 1; *Scranton Republican*, May 10, 1908, p. 1.
17 *Chicago Tribune*, May 10, 1908, p. 2.

Глава 24

1 *Chicago Inter Ocean*, May 11, 1908, p. 1.
2 *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1908, p. 14.
3 *La Porte Argus-Bulletin*, May 11, 1908, p. 1; *New York Times*, May 11, 1908, p. 2.
4 *Chicago Inter Ocean*, May 11, 1908, p. 1.
5 *La Porte Argus-Bulletin*, May 11, 1908, p. 1.
6 *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1908, p. 3.
7 *Chicago Inter Ocean*, May 11, 1908, p. 1.
8 *New York Times*, May 11, 1908, p. 2.
9 *La Porte Argus-Bulletin*, May 11, 1908, p. 1; *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1908, p. 14; *New York Times*, May 11, 1908, p. 2.
10 *La Porte Argus-Bulletin*, May 13, 1908, p. 2; *Chicago Inter Ocean*, May 11, 1908, p. 1; Hinton, pp. 64 and 65.
11 *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1908, p. 3.
12 *La Porte Weekly Herald*, May 21, 1908, p. 2.
13 See, for example, the advertisement for the Lyric Theater in the *Concordia (Kansas) Daily Blade*, November 23, 1908, p. 4.

Глава 25

1 *La Porte Weekly Herald*, May 21, 1908, p. 4.
2 *Chicago Inter Ocean*, May 11, 1908, p. 2.
3 *Chicago Daily Journal*, May 11, 1908, p. 1.
4 *La Porte Argus-Bulletin*, May 14, 1908, p. 8.
5 *Salt Lake Herald*, May 15, 1908, p. 3.
6 de la Torre, p. 51.
7 *Chicago Daily Journal*, May 13, 1908, p. 2.
8 *La Porte Weekly Herald*, May 14, 1909, p. 8.
9 Ibid.
10 *New York Times*, May 25, 1908, p. 3.
11 de la Torre, p. 52.
12 Anon., *The Mrs. Gunness Mystery! A Thrilling Tale of Love,*

Duplicity & Crime. Being a recital of the strange story of the career of Mrs. Belle Gunness. It tells in detail everything regarding her career of crime; how she, by representing herself as a charming and rich widow, lured matrimonial victims to her farm, only to murder them in cold blood. Also containing accounts of other noted murder mysteries, including the Bender Case, the Holmes Castle Mystery, and others (Chicago: Thompson & Thomas, 1908), pp. 10–13.

13 Ibid., pp. 44–45.

14 Ibid., pp. 68–69.

15 Ibid., p. 81.

16 Ibid., p. 176.

Глава 26

1 Holbrook, p. 140; de la Torre, p. 48.

2 *Chicago Daily Examiner*, May 10, 1908, p. 1; *La Porte Herald Weekly*, May 21, 1908, p. 1. Accounts differ in the number of watches found in the ruins, with some newspapers putting the total at eleven.

3 *La Porte Argus-Bulletin*, May 11, 1908, p. 1.

4 Ibid., May 23, 1908, p. 1; *Chicago Inter Ocean*, May 28, 1908, p. 3.

5 *Chicago Daily Tribune*, May 16, 1908, p. 3; *La Porte Weekly Herald*, May 21, 1908, p. 4.

6 *La Porte Argus-Bulletin*, May 13, 1908, p. 4.

7 *Chicago Daily Examiner*, May 20, 1908, p. 3; *Chicago Inter Ocean*, May 20, 1908, p. 2.

8 *Chicago Daily Tribune*, May 20, 1908, p. 6.

9 *La Porte Argus-Bulletin*, May 19, 1908, p. 1.

10 Ibid., May 15, 1908, p. 1.

11 Ibid., May 21, 1908, p. 2.

12 *Chicago Inter Ocean*, May 23, 1908, p. 2; *New York Times*, May 23, 1908, p. 2. Appended to these six indictments was a seventh, charging Lamphere with assisting Belle Gunness in disposing of Helgelien's body.

Глава 27

1 *La Porte Argus-Bulletin,* May 21, 1908, p. 8.

2 Langlois, pp. 23 and 26–27.

3 de la Torre, pp. 61–62.

4 Shepherd, p. 126.

5 *New York Times*, May 30, 1908, p. 2; *Chicago Inter Ocean*, May

30, 1908, p. 3; Hinton, pp. 61–62; Shepherd, pp. 125–26.

6 Shepherd, pp. 125–26.

7 *La Porte Weekly Herald*, June 25, 1908, p. 4.

8 *La Porte Argus-Bulletin,* May 21, 1908, p. 1.

9 *Detroit Free Press,* July 10, 1908, p. 2*; La Porte Argus-Bulletin,* July 10, 1908, p. 1, and July 11, 1908, p. 1; *Spanish Fork Press*, July 16, 1908, p. 1; *Chicago Inter Ocean*, July 18, 1908; *La Porte Argus-Bulletin,* July 29, 1908, p. 1; *Wichita Daily Eagle*, October 9, 1908, p. 1.

Глава 28

1 *Chicago Inter Ocean*, November 8, 1908, p. 8. For unknown reasons, no transcript of Ray Lamphere's trial exists. My account of the proceedings draws on the extensive coverage by the La Porte and Chicago newspapers.

2 *La Porte Argus-Bulletin*, November 12, 1908, p. 1; de la Torre, pp. 65–66.

3 *La Porte Weekly Herald*, November 12, 1908, p. 7.

4 de la Torre, p. 63; *La Porte Weekly Herald*, November 12, 1908, p. 3; *La Porte Argus-Bulletin*, November 10, 1908, p. 1.

5 *Fort Wayne Journal-Gazette*, March 9, 1905, p. 1; *Cincinnati Enquirer*, April 11, 1905, p. 1.

6 *Fort Wayne News*, January 22, 1906, p. 8; *Argos Reflector*, January 26, 1998, p. 1.

7 *La Porte Weekly Herald*, November 12, 1908, p. 3.

8 Ibid., November 13, 1908, p. 1.

9 Ibid., November 10, 1908, p. 1.

10 *Chicago Evening American*, November 10, 1908, p. 1; *Chicago Examiner*, November 10, 1908, p. 1.

11 *Chicago Daily Journal*, November 11, 1908, p. 3.

12 Shepherd, pp. 127–28; de la Torre, p. 50; *Boston Daily Globe*, June 1, 1908, p. 8.

13 *St. Louis Post-Dispatch*, June 1, 1908, p. 2.

14 *Cincinnati Enquirer*, June 2, 1908, p. 2; *New York Times*, June 3, 1908, p. 3.

15 *La Porte Argus-Bulletin*, November 10, 1908, p. 1.

16 Ibid., November 12, 1908, p. 1, and November 13, 1908, p. 1.

Глава 29

1 *La Porte Argus-Bulletin*, November 13, 1908, p. 1.

2 de la Torre, p. 70.

3 *La Porte Argus-Bulletin*, November 12, 1908, p. 1.

4 *La Porte Argus-Bulletin*, November 13, 1908, p. 1; *La Porte Weekly Herald*, November 19, 1908, p. 1.

Глава 30

1 *La Porte Argus-Bulletin*, November 13, 1908, p. 3, and *La Porte Daily Herald*, November 13, 1908, p. 8.

2 *Chicago Inter Ocean*, November 8, 1908, p. 8.

3 de la Torre, p. 75.

4 *Indianapolis Star*, May 11, 1930, p. 1.

5 *La Porte Argus-Bulletin*, November 10, 1908, p. 1.

6 *La Porte Argus-Bulletin*, November 13, 1908, p. 3.

7 de la Torre, p. 79.

8 *La Porte Weekly Herald*, November 19, 1908, pp. 1 and 3; de la Torre, p. 79.

9 *La Porte Weekly Herald*, November 19, 1908, p. 2.

10 Ibid.

11 de la Torre, p. 85.

12 Ibid., pp. 85–86.

13 *La Porte Argus-Bulletin*, November 13, 1908, p. 4.

Глава 31

1 *La Porte Argus-Bulletin*, November 14, 1908, p. 2.

2 Daniels, p. 722.

3 *Indianapolis Star*, December 12, 1912, p. 2; January 20, 1913, p. 8; February 23, 1913, p. 16.

4 de la Torre, p. 86.

5 Ibid.; *La Porte Weekly Herald*, November 19, 1908, p. 2.

6 *Indianapolis Star*, August 17, 1940, p. 14.

7 See, for example, *Dental Digest*, Vol. XI, No. 5 (May 1905), p. 520.

8 *La Porte Weekly Herald*, November 19, 1908, p. 3; *La Porte Argus-Bulletin*, November 16, 1908, p. 3.

9 *La Porte Argus-Bulletin*, November 16, 1908, p. 3.

Глава 32

1 *La Porte Weekly Herald*, November 19, 1908, p. 3.

2 *La Porte Argus-Bulletin*, November 16, 1908, pp. 1 and 4.

3 de la Torre, p. 100; *La Porte Argus-Bulletin*, November 16, 1908, p. 8; *La Porte Weekly Herald*, November 19, 1908, p. 5.

4 de la Torre, p. 93; *La Porte Weekly Herald*, November 19, 1908, p. 3.

5 *La Porte Argus-Bulletin*, November 16, 1908, p. 4; *La Porte Weekly Herald*, November 19, 1908, p. 3.

6 de la Torre, p. 94.

7 *La Porte Argus-Bulletin*, November 16, 1908, p. 4.

8 Ibid.

9 *La Porte Argus-Bulletin*, November 16, 1908, p. 8.

10 *Carroll (Iowa) Herald*, May 13, 1908, p. 3.

11 *La Porte Argus-Bulletin*, November 17, 1908, p. 1.

12 *Chicago Daily Journal*, November 17, 1908, p. 2.

Глава 33

1 Washington Irving, «Rip Van Winkle», in *Selected Writings of Washington Irving* (New York: The Modern Library, 1984), p. 48.

2 *La Porte Weekly Herald*, November 19, 1908, p. 5.

3 *Evansville Press*, May 12, 1908, p. 1; *Pittsburgh Press,* May 7, 1908, p. 1; de la Torre, p. 101.

4 *La Porte Weekly Herald*, November 19, 1908, p. 5.

5 Ibid.

6 *La Porte Argus-Bulletin*, November 18, 1908, p. 1; *La Porte Weekly Herald*, November 19, 1908, p. 5; de la Torre, pp. 103–4.

7 *La Porte Argus-Bulletin*, November 18, 1908, p. 1.

8 Ibid.; de la Torre, p. 114.

9 *La Porte Argus-Bulletin*, November 18, 1908, p. 1.

10 de la Torre, p. 116.

11 Ibid., p. 126.

12 *Chicago Examiner*, November 20, 1908, p. 4.

Глава 34

1 *La Porte Argus-Bulletin*, November 20, 1908, p. 1.

2 Ibid.; *Chicago Daily Journal*, November 20, 1908, p. 2.

3 For a capsule biography of Ball, see Fern Eddy Schultz, «La Porte County's first 'native son», at http://www.heraldargus.com/community/columnists/fern_eddy_schultz/la-porte-county-s-first-native-son/article_fbe8c5f2–51b6–57eb-b1ca-009cdb20059f.html.

4 Shepherd, p. 178.

5 *La Porte Argus-Bulletin*, November 21, 1908, p. 1; *Alexandria*

Times-Tribune, November 21, 1908, p. 1.

6 de la Torre, pp. 134–36.

7 *La Porte Argus-Bulletin*, November 21, 1908, p. 1.

8 *The Daily Republican*, November 21, 1908, p. 7.

9 Shepherd, p. 185.

10 *Chicago Daily Examiner*, November 21, 1908, p. 5.

Глава 35

1 *Chicago Examiner*, November 18, 1908, p. 6; *Indianapolis News*, November 21, 1908, p. 3.

2 *La Porte Argus-Bulletin*, November 20, 1908, p. 1.

3 *La Porte Weekly Herald*, November 26, 1908, p. 14.

4 Ibid., p. 15.

5 Ibid., p. 11.

6 *Chicago Daily Tribune*, November 23, 1908, p. 2.

7 *Chicago Daily Journal*, November 22, 1908, p. 2.

Глава 36

1 *Chicago Examiner*, November 22, 1908, p. 1; *Chicago Inter Ocean*, November 22, 1908, p. 11; *La Porte Argus-Bulletin*, November 23, 1908, p. 1.

2 *Indianapolis Star*, November 22, 1908, p. 5; de la Torre, p. 139.

3 *Cincinnati Enquirer,* November 24, 1908, p. 9.

4 *St. Louis Post-Dispatch*, November 23, 1908, 5; de la Torre, p. 144.

5 *La Porte Argus-Bulletin*, November 23, 1908, p. 1; Shepherd, p. 187; de la Torre, p. 144.

Глава 37

1 *Chicago Daily Tribune*, January 28, 1923, p. 11.

2 *Unity: Freedom, Fellowship and Character in Religion*, Vol. XIV, No. 2 (September 16, 1884), p. ii.

3 See, for example, *Oshkosh Daily Northwestern*, June 13, 1895, p. 1.

4 See, for example, *The American Law Register*, Vol. 51, Philadelphia: Department of Law, University of Pennsylvania, 1903, pp. 465–66.

5 Robert Loerzel, *Alchemy of Bones: Chicago's Luetgert Case of 1897*

(Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2003), p. 126; John Buckingham, *Bitter Nemesis: The Intimate History of Strychnine* (Boca Raton, FL: CRC Press, 2008), p. 193; Edward H. Smith, *Famous Poison Mysteries* (New York: The Dial Press, 1927), p. 183.

6 *Louisville Courier-Journal,* November 22, 1908, p. 1.

7 *La Porte Argus-Bulletin*, November 24, 1908, p. 1.

8 *Wichita Daily Eagle*, November 25, 1908, p. 1; *Cincinnati Enquirer*, November 25, 1908, p. 2; Shepherd, pp. 191–92; *Chicago Examiner*, November 25, 1908, p. 1.

9 *Wilkes-Barre Record*, November 25, 1908, p. 1.

10 *Detroit Free Press*, November 25, 1908, p. 2.

Глава 38

1 *La Porte Argus-Bulletin*, November 25, 1908, p. 1.

2 Ibid.

3 Ibid.; *Chicago Daily Examiner,* November 25, 1908, p. 2; *Chicago Tribune*, November 25, 1908, p. 1; de la Torre, pp. 149–51.

4 *Marshall County Independent,* January 25, 1901, p. 1; *Fort Wayne Journal-Gazette*, January 27, 1902, p. 1; *Waterloo Press,* January 31, 1901, p. 2; *Leader Courier*, July 18, 1901, p. 1. Brill, charged with attempted murder, was allowed to plead guilty to assault and battery and got off with a $500 fine, plus costs.

5 de la Torre, pp. 152–53*; La Porte Argus-Bulletin*, November 25, 1908, p. 1.

6 *La Porte Argus-Bulletin*. November 26, 1908, p. 1.

7 de la Torre, pp. 153–54; Shepherd, pp. 196–97.

8 *La Porte Weekly Herald*, December 3, 1908, p. 4; de la Torre, pp. 155–56; Shepherd, pp. 196–98.

9 *Chicago Daily Tribune*, November 26, 1908, p. 2; *Chicago Inter Ocean*, November 26, 1908, p. 4; Shepherd, pp. 199–200; de la Torre, pp. 156–57.

Глава 39

1 *Chicago Inter Ocean*, November 27, 1908, p. 1.

2 *La Porte Weekly Herald*, December 3, 1903, p. 1.

3 *Chicago Inter Ocean*, November 27, 1908, p. 2.

4 *La Porte Weekly Herald*, December 3, 1903, p. 1.

5 *La Porte Argus-Bulletin*, December 3, 1908, p. 1.

6 *Raleigh Times*, November 27, 1908, p. 1.

7 *La Porte Weekly Herald*, December 3, 1903, p. 8.

8 *Chicago Daily Journal*, November 27, 1908, p. 2.

9 The comments on the outcome were collected and published by the *La Porte Weekly Herald*, December 3, 1908, p. 8.

10 Ibid.

11 Ibid.

12 *La Porte Argus-Bulletin*, November 28, 1908, p. 1.

13 Ibid.; *Fort Wayne Journal-Gazette*, November 28, 1908, p. 1; *Culver Citizen*, December 10, 1908, p. 2.

Глава 40

1 *St. Louis Post-Dispatch Sunday Magazine*, May 2, 1909, pp. 55–56.

2 *Belvedere Daily Republican*, October 7, 1909, p. 1; *Indianapolis News*, December 31, 1909, p. 2.

3 *Dakota County Herald*, October 8, 1908, p. 1.

4 *Indianapolis News*, December 31, 1909, p. 2.

5 See, for example, *Warren Times Mirror*, December 31, 1909, p. 1.

6 Shepherd, p. 211.

7 See Edwin A. Schell, *Historical Sketch and Alumni Record of Iowa Wesleyan College* (Mount Pleasant, IA: Mount Pleasant News-Journal, 1917), p. 38.

8 Shepherd, p. 32.

9 *Indianapolis News*, May 13, 1908, p. 8.

10 Ibid.; *Evansville Press*, May 13, 1908, p. 1; Shepherd, p. 104.

11 Shepherd, pp. 212-13.

12 *St. Louis Post-Dispatch*, January 13, 1910, pp. 1 and 2.

13 Ibid.

14 *Cincinnati Enquirer*, January 14, 1910, p. 4.

15 *St. Louis Post-Dispatch*, January 13, 1910, p. 2; *Houston Post*, January 14, 1910, p. 4.

16 *Cincinnati Enquirer*, January 14, 1910, p. 4.

17 *Chicago Daily Tribune*, January 15, 1910, pp. 1 and 2.

18 *St. Louis Post-Dispatch*, January 16, 1910, p. 2.

19 Ibid., June 22, 1956, p. 17.

20 Ibid., January 16, 1910, p. 2.

21 Shepherd, p. 219; *Indianapolis Star*, January 16, 1910, p. 5.

22 Shepherd, p. 220.

23 Ibid., p. 219.

Глава 41

1 *Brazil (Indiana) Daily Times*, January 22, 1910, p. 6.

2 *Indianapolis Star*, March 7, 1910, p. 5.

3 Ibid.

4 *Daily Republican*, January 31, 1910, p. 3; *Indianapolis News*, February 16, 1910, p. 3.

5 *Fort Wayne News*, February 16, 1910, p. 9.

6 *Indianapolis Star*, June 23, 1910, p. 3; *Culver Citizen*, September 22, 1910, p. 6; *Pullman Herald*, July 8, 1910, p. 5; *Indianapolis Star*, August 16, 1910, p. 5.

7 *Indianapolis News*, February 16, 1910, p. 3.

8 An abbreviated version of Myers's statement first appeared in 1912. See, for example, *Indianapolis Star*, December 18, 1912, p. 6. It was not until eighteen years later that the complete statement was published. See *Indianapolis News*, July 17, 1930, p. 17.

9 *Fort Wayne News*, December 21, 1912, p. 11.

10 *Bismarck Tribune*, December 24, 1912, p. 5; *Calumet News*, January 27, 1913, p. 3.

11 *La Porte Argus-Bulletin*, March 18, 1916, p. 1.

12 *Chicago Daily Tribune*, May 6, 1916, p. 8.

13 *Atlanta Constitution*, May 7, 1916, p. 14.

14 *La Porte Argus-Bulletin*, March 18, 1916, p. 1; *Indianapolis Star*, March 19, 1916, p. 4.

15 *La Porte Argus-Bulletin*, May 5, 1916, p. 1.

16 *Chicago Daily Tribune*, May 6, 1916, p. 1.

17 *La Porte Argus-Bulletin*, May 5, 1916, p. 1; *Chicago Daily Tribune*, May 6, 1916, p. 8.

18 *La Porte Argus-Bulletin*, May 5, 1916, p. 1.

19 *Chicago Daily Tribune*, May 6, 1916, p. 8.

20 *La Porte Argus-Bulletin*, May 8, 1916, p. 1.

21 *Chicago Daily Tribune*, May 6, 1916, p. 8.

Глава 42

1 *Indianapolis Star*, January 8, 1915, p. 11; *Seymour Tribune*, October 31, 1923, p. 6.

2 *Capital Times*, January 2, 1924, p. 2; *Cincinnati Enquirer*, July 3, 1924, p. 4.

3 *Garrett Clipper*, October 2, 1930, p. 5; *Indianapolis Star*, February 14, 1936, p. 11.

4 See *Indiana Evening Gazette*, September 26, 1928, p. 1. The perpetrator of the so-called Wineville Chicken Coop Murders turned out to be a twenty-two-year-old pedophile and Canadian immigrant named Gordon Stewart Northcott. For a good account of the case

(which served as the basis of the 2008 Clint Eastwood – directed movie *Changeling*), see *Anthony Flacco, The Road Out of Hell: Sanford Clark and the True Story of the Wineville Murders* (New York: Diversion Books, 2009).

5 *Indianapolis News*, July 17, 1930, p. 17; *La Porte Herald Argus*, April 28, 1933, p. 1.

6 *Los Angeles Times*, February 21, 1931, p. 14. The elder Lindstrom's full name was Carl August Lindstrom. Newspaper accounts, however, consistently refer to him as August Lindstrom.

7 Ibid.

8 Ibid.

9 *Los Angeles Times*, February 19, 1931, p. 23.

10 *Los Angeles Times*, February 21, 1931, p. 14.

11 *Oakland Tribune*, February 21, 1931, p. 2.

12 *Los Angeles Times*, February 22, 1931, p. 21; *San Bernardino County Sun,* February 22, 1931, p. 5.

13 *Oakland Tribune*, February 24, 1931, p. 25. Though he was known as «Charles», Esther Carlson's husband, coincidentally or not, had the same first and middle name as her victim: Carl August.

14 *Los Angeles Times*, February 25, 1931, p. 16.

15 *Los Angeles Times*, February 24, 1931, p. 21; *Prescott Evening Courier*, February 25, 1931, p. 2.

16 *Los Angeles Times*, February 26, 1931, p. 26.

17 *Los Angeles Times,* March 6, 1931, p. 21.

18 *Modesto News-Herald*, March 7, 1931, p. 1; *Los Angeles Times*, March 7, 1931, p. 20, and March 27, 1931, p. 20.

19 *Oakland Tribune,* May 3, 1931, p. 3; *San Matteo Times*, May 2, 1931, p. 2.

20 *San Matteo Times*, May 2, 1931, p. 2; *Albuquerque Journal*, May 3, 1931, p. 1; *Los Angeles Times*, May 8, 1931, p. 16.

21 *Los Angeles Times*, May 9, 1931, p. 14.

22 Ibid.

23 Ibid.

24 Ibid.

25 After deliberating for just under five hours, the jury found Erickson not guilty on May 13, 1931. See *Modesto News-Herald,* May 14, 1931, p. 1.

26 *San Francisco Chronicle*, May 8, 1931, p. 14.

27 *Los Angeles Times*, May 13, 1931, p. 15. Yorkey's letter to Worden is in the archives of the La Porte Historical Society Museum.

Глава 43

1 *Indianapolis Star*, January 4, 1943, p. 20.

2 Jensen's findings were delivered in a lecture at the La Porte County Historical Society Museum in October 2014. His talk is available on YouTube: https://www.youtube.com/watch?v=nKa78XVyqJs&feature=youtube.

3 See Maria Konnikova, «Why We Need Answers», *New Yorker*, April 30, 2013, http://www.newyorker.com/tech/elements/why-we-need-answers.

4 *Indianapolis Star*, May 14, 2008, p. B6.

5 *Chicago Inter Ocean,* May 14, 1908, p. 1.

6 See La Porte Weekly Herald, May 28, 1908, p. 1.

7 Jones, p. 165.

8 *La Porte Weekly Herald*, December 3, 1908, p. 7.

notes

Примечания

1

Т. Драйзер. Сестра Керри. Перевод Марка Волосова. – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Френология – теория, согласно которой на основании данных измерения черепа можно судить о психических особенностях любого человека. Считается антинаучной.

3

Волшебный фонарь – аппарат для проекции изображений. Является значимым этапом в истории развития кинематографии.

Corpus delicti – состав преступления (*лат.*).

5

Сведенборгианство – одна из протестантских сект, названная по имени шведского ученого и теософа-мистика Эмануэля Сведенборга.

6

Генри Гудзон – английский мореплаватель начала XVII века. Прославился благодаря исследованиям территорий современной Канады и северо-востока США. По некоторым сведениям, он с группой верных людей был высажен на берег взбунтовавшейся командой корабля. Дальнейшая судьба Гудзона и его спутников неизвестна.

7

Катскильские горы – горный хребет в Северных Аппалачах, в юго-восточной части штата Нью-Йорк, США.

8

Американский маршал – федеральный чиновник, в обязанности которого входит поддержка закона и порядка в своем округе, а также присмотр за местным шерифом.

9

Битва при Литтл-Бигхорн – сражение между союзом индейских племен и Седьмым кавалерийским полком армии США, произошедшее 25–26 июня 1876 года у реки Литтл-Бигхорн в Монтане. Битва закончилась уничтожением пяти рот американского полка и гибелью его знаменитого командира Джорджа Кастера.